

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения»

На правах рукописи

Малафай Мирон Сергеевич

**РОССИЙСКОЕ ДВОРЯНСТВО В ЭМИГРАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ,
КУЛЬТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В 1920–1930-Е ГГ.**

Специальность 5.6.1.

Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Наумов Олег Николаевич

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ДВОРЯНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ.....	32
1.1. Становление российской дворянской эмиграции: география расселения, ключевые деятели дворянского движения и особенности социализации за рубежом	32
1.2. Гуманитарная и благотворительная деятельность дворян	83
ГЛАВА 2. ДВОРЯНСТВО И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ	108
2.1. Деятельность Союза русских дворян в 1920–1930-е гг.	108
2.2. Эмигрантская периодика о дворянстве	136
ГЛАВА 3. РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ДВОРЯНСКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ СРЕДЕ	162
3.1. Вопрос о престолонаследии в российской дворянской эмиграции	162
3.2. Особенности формирования политической мысли российского дворянства.. ..	173
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	197
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	203

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Революционные потрясения 1917 года и Гражданская война привели к формированию Русского Зарубежья, в котором видное место заняли дворяне, вынужденные покинуть Россию в условиях становления советской власти и формирования новой социальной структуры общества после издания Декрета об уничтожении сословий и гражданских чинов, а также попыток «перевоспитать» представителей бывшей элиты в духе коммунистической идеологии. Сохранение сословной и национально-культурной идентичности первое поколение дворян-эмигрантов считало своей нравственной задачей, долгом перед молодежью и Отечеством.

Несмотря на обширный комплекс исследований Русского Зарубежья довоенного периода, дворянская эмиграция как целостное явление пока не изучена. Между тем необходимость анализа истории дворянства как многоаспектного феномена Русского Зарубежья давно назрела. Дворянство было одной из наиболее активных групп эмиграции, что проявилось в его политической деятельности, сохранении традиций и культуры России, организации беженской взаимопомощи. Обращение к истории дворянской эмиграции 1920–1930-х гг. позволит проанализировать модели организации работы дворянских союзов за границей, роль дворян-эмигрантов в деятельности образовательных и гуманитарных учреждений, развитие генеалогической культуры и политической мысли.

Осмысление особенностей дворянской эмиграции 1920–1930-х гг. позволит дополнить обширную тему и по-новому взглянуть на события первой половины XX в., лучше осмыслить механизмы адаптации эмигрантов в инокультурных обществах и сохранения ими связи с Родиной. Данный опыт актуален и сегодня в контексте взаимодействия с соотечественниками за границей и укрепления российского влияния в странах их пребывания.

Степень изученности темы. Историографию, которая затрагивает изучаемую проблему, можно разделить на три группы: отечественная (советская и российская), эмигрантская и зарубежная. Условия написания трудов, относящихся

к этим группам, отличались политической конъюнктурой, их целями и методологией, доступностью источников, что в совокупности отразилось на итогах исследований.

Отечественная историография эмиграции состоит из двух этапов: советского и постсоветского. В Советской России эмиграция стала предметом изучения еще в 1920-х гг., когда публиковались работы отечественных историков и репатриантов. Это труды В.М. Белова¹, Н. Кичкасова², В.А. Дуцмана³ и других. Несмотря на тенденциозность и публицистичность трудов указанных авторов, в перечисленных исследованиях в научный оборот были введены данные о развитии эмигрантской печати, состоянии Русской армии П.Н. Врангеля, эмигрантских проектах реставрации монархии в России, социальном составе русских беженцев, а также их положении в странах-реципиентах. В сталинский период изучение Русского Зарубежья осложнялось усилением политического режима и ростом внешнеполитической напряженности – тема фактически стала запретной.

В период последовавшей «оттепели» исследователи стремились «уйти от конфронтационного подхода и абсолютизации классовых ценностей», что позитивно отразилось на осмыслении феномена Русского Зарубежья⁴. Оценки сменовеховства и его последователей дворянского происхождения, в числе которых были А.В. Бобрищев-Пушкин, Ю.Н. Потехин и С.С. Чахотин, даны Я.И. Трифоновым⁵. В монографии Л.М. Спирина приводятся статистические данные о численности российских эмигрантов и их распределении по странам-реципиентам, а крупные и средние помещики указаны в качестве одной из значимых групп эмиграции⁶. Кроме того, в 1960-е гг. фрагментарно были опубликованы мемуары

¹ Белов В.М. Белая печать, ее идеология, роль, значение и деятельность. Пг., 1922. 125 с.; Он же. Белое похмелье. М., 1923. 149 с.

² Кичкасов Н. Белогвардейский террор против СССР. М., 1928. 63 с.

³ Дуцман В.А. Обзор иностранной и русской зарубежной прессы. М., 1922. 136 с.

⁴ Митрохин В.А. Отечественная историография российской эмиграции «первой волны» (1920-е – середина 1980-х гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 4. С. 1235–1242.

⁵ Трифонов Я.И. Из истории борьбы Коммунистической партии против сменовеховства // История СССР. 1959. № 3. С. 64–82.

⁶ Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.) М., 1968. 438 с.

Б.А. Энгельгардта¹, где отразилась роль в жизни русской диаспоры И.А. Ильина, В.Д. Набокова и П.Н. Милюкова, а также воспоминания юриста Д.И. Мейснера².

В 1970–1980-е гг. были опубликованы работы Г.В. Барихновского³, В.В. Комина⁴, Ю.В. Мухачева⁵, в которых авторы сконцентрировали свое внимание на правых кругах российской эмиграции. Отдельно стоит отметить работу Г.З. Иоффе, где автор рассмотрел организацию и проведение Рейхенгалльского монархического съезда, а также формирование российской монархической эмиграции при активном участии одного из лидеров черносотенцев и депутата Государственной думы Н.Е. Маркова⁶. Л.К. Шкаренков предпринял попытку комплексного анализа причин поражения белых в годы Гражданской войны и «краха антисоветской идеологии» в эмигрантских кругах⁷. Автор рассмотрел эволюцию идейно-политических течений эмиграции, конфликт сторонников великого князя Кирилла Владимировича и великого князя Николая Николаевича в рамках вопроса о престолонаследии, а также феномен самозванчества. Характерной особенностью работы стало обращение исследователя к культурной и научной жизни эмигрантов.

Начавшиеся во второй половине 1980-х гг. изменения общественно-политического уклада создали «новую ситуацию в разработке проблем эмиграции», для которой было характерно «освобождение от идеологических штампов и стереотипов, расширение круга источников за счет привлечения ранее закрытых архивных материалов»⁸. В данный период на фоне переосмысления исторического прошлого началось полноценное изучение российской эмиграции на ее родине.

¹ Мунжукова С.И. Б.А. Энгельгардт и судьба его воспоминаний. 1940-е – 1960-е гг. // Новейшая история России. 2016. № 1 (15). С. 134–145.

² Мейснер Д.И. Миражи и действительность. Записки эмигранта. М., 1966. 302 с.

³ Барихновский Г.В. Идеино-политический крах белой эмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924 гг.). Л., 1978. 160 с.

⁴ Комин В.В. Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977. 49 с.

⁵ Мухачев Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982. 270 с.

⁶ Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. 320 с.

⁷ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1987. 236 с.

⁸ Митрохин В.А. Современная Отечественная историография русской эмиграции «Первой волны» (1990-е – начало 2000-х гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2005. № 1–2. С. 93–102.

В целом, для исследований советского периода характерно изучение российской эмиграции с позиций официальной идеологии в условиях методологического единообразия, что отразилось на их объективности. Как правило, эмигранты рассматривались с критической точки зрения в качестве классовых врагов. Особенно это касалось дворян-эмигрантов, которые зачастую не могли смириться с установлением советской власти. Кроме того, проведение исследований осложнялось недоступностью архивных материалов. Эти факторы не позволили исследователям полностью осмыслить феномен Русского Зарубежья.

С последнего десятилетия прошлого века и до настоящего времени в отечественной историографии сложились центры по изучению эмиграции, а также выявились крупные специалисты в данной области: Н.В. Антоненко, П.Н. Базанов, З.С. Бочарова, С.И. Голотик, О.А. Казнина, В.И. Косик, Л.А. Мнухин, Е.И. Пивовар, Е.Г. Пивоваров, И.В. Сабенникова, А.В. Серегин и другие. В их трудах рассматриваются как общие вопросы Русского Зарубежья, так и отдельные его аспекты. Внимание С.С. Ипполитова, С.В. Карпенко, Е.И. Пивовара привлекло положение российских беженцев в Константинополе¹. Численность, социальный состав, деятельность общественно-политических организаций эмиграции в Турции и на Балканах получили свое отражение в коллективном труде, созданном под руководством Е.И. Пивовара². Одной из первых обобщающих работ стала коллективная монография «Эмиграция и репатриация в России», в которой раскрывались социально-психологические проблемы адаптации русских беженцев в инокультурной среде, их восприятие иностранцами и материалы о правовых аспектах возвращения беженцев в Россию³.

¹ Ипполитов С.С., Карпенко С.В., Пивовар Е.И. Российская эмиграция в Константинополе в начале 20-х годов (Численность, материальное положение, репатриация) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 75–85.

² Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения): учебное пособие для студентов / [Е.И. Пивовар (руководитель), Н.П. Герасимова, С.И. Голотик и др.]. М. – Геттинген, 1994. 117 с.

³ Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Окорочков; [Гл. ред. А.А. Бондарев]. М., 2001. 485 с.

Отдельно стоит отметить фундаментальный труд «Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997»¹, основу которого составила картотека сотрудника Института мировой литературы РАН В.Н. Чувакова, собравшего сведения о более чем 50 тыс. эмигрантов. Дополнили изучение некрополя российской эмиграции на Дальнем Востоке А.А. Хисамутдинов² и В.Г. Шаронова³.

Особое значение для изучения поставленной темы имеет многотомное издание «Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция»⁴. Выход в свет биографического словаря «Российское зарубежье во Франции (1919–2000)»⁵ стал результатом работы Л.А. Мнухина в Российском отделении Группы изучения русской эмиграции (Париж) и в Русской академической группе в США. Кроме того, автором целенаправленно изучалась русская диаспора в Лионе⁶, где действовало два комитета Российского общества Красного Креста (РОКК), один из которых возглавляла княгиня Л.А. Оболенская. Также им рассматривались правовая, трудовая и социальная адаптация сестер милосердия во Франции и деятельность Комитета попечения о сестрах милосердия при РОКК, председательницей которого была великая княгиня Мария Павловна⁷.

Российская эмиграция во Франции 1920–1930-х гг. и особенности ее адаптации также рассмотрены в работах О.Н. Барковой⁸, В.И. Хрисанфова и Н.В.

¹ Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–2001: в 6 т. / Российская государственная библиотека. Отдел литературы русского зарубежья; сост. В.Н. Чуваков. М., 1999–2007.

² Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Биобиблиографический словарь. Владивосток, 2000. 358 с.

³ Шаронова В.Г. Некрополь русского Шанхая. М., 2013. 519 с.

⁴ Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни, 1920–1940. Франция. В 4 т. / Под общ. ред. Л.А. Мнухина. Париж, 1995–1997.

⁵ Российское зарубежье во Франции: 1919–2000: биографический словарь. В 3 т. / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2008–2010.

⁶ Мнухин Л.А. «Между Парижем и Ниццей...»: русские эмигранты в городах Франции // «В рассеянии сущие...»: Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 15–16 февраля 2005). М., 2006. С. 11–22.

⁷ Мнухин Л.А. Русские сестры милосердия во Франции: (проблемы права, трудоустройства и социальной защиты) // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы: сб. науч. трудов. СПб., 2006. С. 132–139.

⁸ Баркова О.Н. К вопросу о численности, гендерном и социальном составе русской эмиграции во Франции в 1920–1930-е гг. // Клио. 2013. № 2. С. 55–59.

Турыгиной¹. Отдельно стоит отметить диссертационное исследование Н.В. Турыгиной, в котором автор рассмотрела численность русских беженцев и особенности их правового статуса в межвоенный период². Военной эмиграции во Франции посвящено диссертационное исследование С.А. Сотникова³, а также его монография «Российская военно-политическая эмиграция во Франции. 1920–1945 гг.»⁴. Стоит отметить исследование М.М. Рудковской⁵, где рассматривается российская военная эмиграция в Тулоне. Автор пришла к выводу, что вопрос «социального происхождения, принадлежности к русскому потомственному дворянству» рассматривался французскими властями в качестве одной из гарантий «политической благонадежности» беженцев⁶.

На изучении российской эмиграции межвоенного периода в США сконцентрировались Е.В. Волков⁷, А.Б. Ручкин⁸, Т.В. Селезнева⁹ и О.В. Воробьева¹⁰, рассмотревшая культурно-просветительское движение, издательское дело и общественно-политические объединения эмиграции в Нью-Йорке и Сан-Франциско. М.К. Меняйленко ввела в научный оборот большой массив

¹ Хрисанфов В.И., Турыгина Н.В. К историографии вопроса о численности русской эмиграции во Франции в 1920–1930-е гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2014. № 3. С. 17–27; Турыгина Н.В. Sales Etrangers: положение русской эмиграции во Франции накануне и в годы Второй мировой войны // Клио. 2016. № 6 (114). С. 132–142.

² Турыгина Н.В. Русская эмиграция во Франции в годы Второй мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. 190 с.

³ Сотников С.А. Российская военная эмиграция во Франции в 1920–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 215 с.

⁴ Сотников С.А. Российская военно-политическая эмиграция во Франции. 1920–1945 гг.: монография. М., 2017. 164 с.

⁵ Рудковская М.М. Русская военная эмиграция в Тулоне в 1920–1930-е гг.: проблемы адаптации и интеграции: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2016. 241 с.

⁶ Там же. С. 78.

⁷ Волков Е.В. Антибольшевистская российская эмиграция в США: к вопросу о специфике диаспоры // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2017. № 1. С. 152–162.

⁸ Ручкин А.Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2007. 40 с.

⁹ Селезнёва Т.В. Русская эмиграция в Северной Америке (1920–1930) // Русское зарубежье. 2016. № 5. 160–173.

¹⁰ Воробьева О.В. Российская эмиграция в США и Канаде в 1920–1940-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 219 с.

неизвестных ранее архивных материалов по истории российской эмиграции, хранящихся в Музее русской культуры в Сан-Франциско¹.

Российской диаспоре в Китае посвящены труды Н.Н. Аблажей², Е.Е. Аурилене³, М.В. Кротовой⁴, Г.В. Мелихова⁵ и В.Г. Шароновой⁶. Рассмотрев различные взгляды исследователей на «закрытость» российской эмиграции в Китае и специфические черты русских колоний Харбина и Шанхая, Е.Е. Аурилене выдвинула тезис о формировании в Маньчжурии в 1920–1930-е гг. русской национальной общности⁷. Правовой статус русских беженцев в контексте китайско-советских отношений рассмотрела Е.Н. Наземцева⁸. Политика японской администрации по отношению к русским беженцам в Маньчжурии в 1932–1945 гг. изучена Е.В. Яковкиным⁹. В его работе в том числе проанализирована деятельность генерал-лейтенанта В.В. Рычкова, дворянина Саратовской губернии, на посту председателя Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. Участие дворян-эмигрантов в жизни русских колоний Китая представлено и в других исследованиях. Оценка деятельности князя Н.А. Кудашева представлена в работе Н.А. Самойлова¹⁰. А.А. Хисамутдинов рассмотрел период проживания Г.К. Гинса в Харбине в 1920–1941 гг., оценив его преподавательскую и общественно-

¹ Меняйленко М.К. Деятельность русской эмиграции по сохранению историко-культурного наследия (по материалам Музея русской культуры в Сан-Франциско): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 28 с.

² Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. 300 с.

³ Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае. Маньчжурия, Северный Китай, Шанхай. 1920–1950-е гг. Хабаровск, 2003. 191 с.

⁴ Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб., 2014. 378 с.

⁵ Мелихов Г.В. Русская эмигрантская печать как источник по истории адаптации эмигрантов в Китае // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. М., 1997. С. 96–105.

⁶ Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. М., СПб., 2015. 510 с.

⁷ Аурилене Е.Е. Русские эмигранты в Китае: особенности адаптации (1920–1930-е гг.) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 391–405.

⁸ Наземцева Е.Н. Политико-правовое положение русских эмигрантов в Китае в китайско-советских отношениях 1920–1949 гг.: дис. ... докт. ист. наук. М., 2017. 477 с.

⁹ Яковкин Е.В. Взаимодействие российской эмиграции с японской администрацией в Маньчжурии (1932–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2023. 324 с.

¹⁰ Самойлов Н.А. Князь Н.А. Кудашев – последний посланник Российской империи в Китае // Новейшая история России. 2023. № 3. С. 606–620.

политическую деятельность, которая сопровождалась трансформацией политических взглядов¹. Эмигрантский период жизни В.Ф. Гроссе и его семьи рассмотрен В.Г. Шароновой², которая сфокусировала внимание на благотворительной деятельности негласного представителя русской колонии Шанхая. Жизнь в Маньчжурии В.А. Ивашкевич, жены писателя В.Н. Иванова, стала предметом исследования М.В. Кротовой³.

Правовой статус русского беженства и социальную поддержку эмигрантов изучали З.С. Бочарова и И.В. Сабенникова. В работах И.В. Сабенниковой представлены результаты деятельности бывших российских подданных с учетом социально-экономических, политических и культурных факторов в странах-реципиентах, а также выделены главные причины, препятствовавшие массовой натурализации русских беженцев⁴. Сравнительный анализ правового положения российских беженцев 1920–1930-х гг., стадии их натурализации в странах-реципиентах и правовые основы призыва эмигрантов на военную службу представлены в статье И.В. Сабенниковой⁵. Там же отмечен вклад барона Б.Э. Нольде в деятельность юристов-эмигрантов, которая была направлена на признание за беженцами российского дореволюционного права⁶. На основе материалов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и архива Префектуры полиции Парижа исследователем была доказана преемственность

¹ Хисамутдинов А. Профессор Г.К. Гинс – ученый, политик, публицист // Проблемы Дальнего Востока: Научный и общественно-политический журнал. 2001. № 5. С. 138–145.

² Шаронова В.Г. Виктор Гроссе – хозяин Русского замка в Шанхае // Новый журнал. 2013. № 271. С. 345–374.

³ Кротова М.В. Вера Анатольевна Ивашкевич: дочь генерала, жена писателя // Люди и судьбы русского зарубежья: сб. ст. М., 2016. С. 116–133.

⁴ Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование: дис. ... докт. ист. наук. М., 2003. 424 с.; Она же. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. М. Берлин, 2015. 551 с.

⁵ Сабенникова И.В. Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы в странах-реципиентах: Сравнительный анализ // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы: сборник научных трудов / Санкт-Петербургский информационно-культурный центр «Русская эмиграция»; [науч. ред. Бочарова З.С.]. СПб., 2006. С. 43–59.

⁶ Там же.

Земско-Городского комитета помощи российским гражданам за границей (Земгора) по отношению к земским организациям императорской России¹.

З.С. Бочарова также провела анализ правовых основ социальной адаптации беженцев межвоенного периода и рассмотрела их участие в формировании гуманитарных организаций Русского Зарубежья². Была предложена концепция феномена внетерриториальной, «перемещенной» государственности, согласно которой беженцы позиционировали себя как наследники дореволюционной России. Значимость работы обусловлена и проведенным анализом архивных документов, который позволил представить численность беженцев по странам Европы, Китаю и Японии. Отдельно рассматривался процесс адаптации национального законодательства Франции по отношению к русским беженцам, на который повлияло установление дипломатических отношений между СССР и Францией в 1924 году, а также ратификация Соглашения (1928) и Конвенции (1933) о правовом положении русских и армянских беженцев³. Помимо этого, З.С. Бочаровой были представлены этапы становления образовательных учреждений Русского Зарубежья⁴, создание которых рассматривались беженцами как один из главных инструментов борьбы с денационализацией эмигрантской молодежи, а также отражена консолидация эмигрантского университетского сообщества в рамках проведения мероприятий, посвященных юбилею Московского университета⁵. Тема адаптации беженцев в странах-реципиентах получила отражение и в других публикациях исследователя⁶.

¹ Сабенникова И.В. Сохранение традиций земства в русской эмиграции 1917–1939 гг.: Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор) // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2022. № 3. С. 1008–1034.

² Бочарова З.С. «...Не принявшие иного подданства»: проблемы социально-правовой адаптации российских эмигрантов в 1920–1930-е гг. СПб., 2005. 251 с.

³ Бочарова З.С. Правовое положение русских беженцев во Франции в 1920–1930-е годы // *Россия и современный мир*. 2017. № 2 (95). С. 161–176.

⁴ Бочарова З.С. Организация образования в российском зарубежье: правовые основы и исторический опыт 1920–30 годов // *Право и образование*. 2005. № 6. С. 190–203.

⁵ Бочарова З.С. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию Зарубежной России. Т. 3 // *Русский мир в XX веке: в 6 т. / под ред. Г.А. Бордюгова и А.Ч. Клеваева*. СПб., 2014. 336 с.

⁶ Бочарова З.С. Социальная помощь российским беженцам в 1920–1930-е годы // *Русское зарубежье*. 2016. № 5. С. 59–119; Ее же. Роль русской эмиграции 1920–1930-х годов в становлении универсального статуса беженцев // *Диалог со временем*. 2019. Вып. 68. С. 116–132.

Развитие общественно-политической мысли российской эмиграции обобщила подготовленная большим коллективом специалистов энциклопедия «Общественная мысль Русского зарубежья», ответственным редактором которой выступил В.В. Журавлев¹. Труд отразил различные направления историографии и включил в себя ряд статей о развитии общественно-политических организаций и идейно-политических течений эмиграции. В работе представлены биографии и воззрения таких деятелей дворянской эмиграции, как барон П.Н. Врангель, князь П.Д. Долгоруков, князь Н.Д. Жевахов, А.Н. Крупенский, Н.Е. Марков, П.Н. Милюков, В.Д. Набоков, барон Н.Э. Нольде, Л.М. Савелов, П.Б. Струве, А.В. Тыркова-Вильямс и других. Политические и социально-экономические проекты переустройства России в случае смены политического режима в 1920–1930-е гг., концепции, касающиеся реставрации помещичьего землевладения, и отношение к ним П.Б. Струве, князей Н.Б. Щербатова и С.Е. Трубецкого, И.И. Тхоржевского рассмотрены Н.В. Антоненко². Особую ценность представляет недавно опубликованная А.А. Ивановым научная биография председателя Высшего монархического совета Н.Е. Маркова³. Автор, на основе в том числе материалов зарубежных архивов, рассмотрел различные этапы жизни Н.Е. Маркова, его отношения с представителями династии Романовых, а также оценил вклад дворян-эмигрантов в становление монархического движения в изгнании.

Проблема социально-экономической адаптации эмигрантской молодежи, ее воспитание и образование находятся в центре научных исследований Л.В.

¹ Общественная мысль Русского зарубежья: энциклопедия / Ин-т общественной мысли; редкол.: В.В. Журавлев (отв. ред.) [и др.]. М., 2009. 703 с.

² Антоненко Н.В. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России: 20–30-е гг. XX в.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2011. 60 с.; Она же. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20–30-е гг. XX в.): Монография. Мичуринск, 2011. 307 с.

³ Иванов А.А. Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб., 2023. 639 с.

Климович¹ и С.К. Кудряшовой². Кроме того, Л.В. Климович стала автором комплексного исследования по проблемам формирования и развития подрастающего поколения эмигрантов в качестве отдельной социальной группы европейских стран, сохранения национально-культурной идентичности молодого поколения Русского Зарубежья, а также функционирования молодежных общественно-политических движений в 1920–1930-е гг.³ Военному образованию Русского Зарубежья посвящена работа А.М. Бегидова⁴.

Непосредственно российское дворянства в эмиграции изучали С.В. Думин, А.Н. Закатов, А.В. Краско, О.Н. Наумов, А.В. Соколов, А.В. Урядова и другие. История Дома Романовых в изгнании отражена в работах С.В. Думина⁵ и А.Н. Закатова⁶. А.Н. Закатов анализировал развитие вопроса о престолонаследии и деятельность Романовых в эмиграции в первой половине 1920-х гг., а также провозглашение великого князя Кирилла Владимировича блюстителем российского престола в 1922 года и императором всероссийским в изгнании в 1924 году⁷. А.С. Соколов на основе более 700 архивных дел подготовил фундаментальную поколенную роспись рода Романовых⁸, в которую включены как члены династии, так и морганатическое и доказанное внебрачное потомство по

¹ Климович Л.В. Вклад русской школы в формирование национально-культурной идентичности молодого поколения эмиграции в 20–30-е гг. XX века (на материалах русской средней школы-гимназии в Париже) // Научный диалог. 2016. № 8. С. 134–146; Она же. Молодежь российской эмиграции как социокультурный феномен: Королевство СХС и Югославия, 1920–1930-е гг. // Нансеновские чтения. СПб., 2019. С. 515–522.

² Кудряшова С.К. Особенности национального воспитания детей и подростков в условиях эмиграции «Первой волны» // Инновации в науке. 2012. № 11–2. С. 29–33.

³ Климович Л.В. Молодое поколение российской эмиграции в странах Европы в 1920–1930-е гг.: дис. ... докт. ист. наук. Ульяновск, 2022. 458 с.

⁴ Бегидов, А.М. Военно-учебные заведения российской эмиграции в 1920–30-е годы: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 278 с.

⁵ Думин С.В. Романовы. Императорский дом в изгнании: Семейная хроника. М., 1998. 367 с.

⁶ Закатов А.Н. Церковно-династические отношения в эмиграции и канонические аспекты престолонаследия в изгнании // Социально-политические науки. 2012. № 4. С. 113–120; Он же. Традиции благотворительности Дома Романовых: к 100-летию со дня рождения Е.И.В. Государыни Великой Княгини Леонида Георгиевны. СПб., 2015. 138 с.

⁷ Закатов А.Н. Становление династии Романовых в изгнании // Исторический вестник. 2013. Т. 3. № 150. С. 208–253; Он же. Становление династии Романовых в изгнании // Исторический вестник. 2013. Т. 6. № 153. С. 146–237.

⁸ Соколов А.С. Романовы: поколенная роспись, 1728–2023 гг. М., 2024. 778 с.

мужским линиям. Информация о членах рода представлена по состоянию на конец 2023 года. Труд стал логическим продолжением изданной в 2022 году монографии о браках Романовых и краткой росписи, опубликованной А.С. Соколовым в составе справочника И.С. Семенова о европейских династиях. Главное отличие поколенной росписи, составленной А.С. Соколовым, – ссылки на источники и их критическое сопоставление с историографией.

В многочисленных публикациях О.Н. Наумова отражена судьба общественных и государственных деятелей дворянского происхождения, таких как В.С. Арсеньев, Н.Ф. Иконников, Л.М. Савелов, В.Н. Смольянинов¹. Отдельно стоит отметить публикации об истории издания генеалогического журнала «Новик»². Изучалось также развитие генеалогии в эмиграции после 1917 года³. В 2020 году под редакцией О.Н. Наумова в свет вышел фундаментальный историко-генеалогический труд «Пушкины: Генеалогическая энциклопедия»⁴, где указаны и представители рода, покинувшие Россию после 1917 года. Среди них стоит выделить Николая Александровича Пушкина (1885–1964), внука А.С. Пушкина, который стал одним из активных участников дворянского движения в эмиграции.

Продолжила изучение деятельности Союза русских дворян во Франции в 1925–1960-е гг. А.В. Урядова⁵, определившая основные проблемы объединения в 1920–1930-е гг. На основе впервые введенных в научный оборот материалов

¹ Наумов О.Н. Америка глазами русского дворянина: письма Л.М. Савелова Н.М. Михайлову // Головинский генеалогический альманах. 1996. № 1. С. 15–17; Он же. Воспоминания В.Н. Смольянинова как источник по истории русской книжной торговли в Югославии в 1920-е годы // Букинистическая торговля и история книги. 1998. Вып. 7. С. 100–108; Он же. Л.М. Савелов и Н.Ф. Иконников // Генеалогический вестник. 2020. Вып. 63. С. 119–121; Он же. Письма В.С. Арсеньева Л.М. Савелову как исторический источник // Летопись Историко-родословного общества в Москве. 2020. Вып. 16 (60). С. 36–58.

² Наумов О.Н. Геральдика в историко-генеалогическом журнале «Новик» (1948–1963 гг.) // Гербовед. 1997. № 15. С. 69–74; Он же. Журнал «Новик» и развитие русской генеалогии в эмиграции (1930–1950-е годы) // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 7–16.

³ Наумов О.Н. Октябрь 1917 года и генеалогическая культура русского дворянства // Россия XXI. 2017. № 5. С. 72–95; Он же. Родовая культура русского дворянства после 1917 года // Преподавание истории в школе. 2019. № 1. С. 10–14.

⁴ Пушкины: генеалогическая энциклопедия / Институт общественной мысли; редакционный совет: Наумов О.Н. (ответственный редактор) [и др.]. М., 2020. 591 с.

⁵ Урядова А.В. Из истории Союза русских дворян во Франции (1925–1960) // Россия и Франция. XVIII–XX века. 2006. Вып. 7. С. 323–336.

представляется, что автором ошибочно указан год основания Дальневосточного отдела дворянского союза. Деятельность Союза российских дворян в Америке коротко оценивалась О.В. Воробьевой¹, О.С. Зацепиной и А.Б. Ручкиным².

Отдельным направлением исследований стала эмигрантская периодическая печать, в становлении которой активно участвовали дворяне. В периодике 1920–1930-х гг. содержались материалы об истории дворянства, геральдике, истории и генеалогии конкретных родов, информационные материалы о функционировании дворянских объединений. Большой вклад в изучение эмигрантской прессы внес П.Н. Базанов³. Незаменимым для исследователей Русского Зарубежья стал его справочник об издательской деятельности политических организаций всех трех волн эмиграции⁴. В нем П.Н. Базанов кратко охарактеризовал издательскую деятельность и Союза русских дворян во Франции, который он отнес к «прокирилловским» организациям эмиграции. Классификация последних сделана в работе о политической и издательской деятельности Союза русских государевых людей имени ее императорского высочества великой княжны Киры Кирилловны⁵. Также автором рассматривалась политическая и издательская деятельность тверского дворянина А.А. Вонсяцкого⁶. Кроме того, П.Н. Базанов представил обзор истории монархического журнала «Двуглавый Орел», выявил основных его авторов, в числе которых были Н.Е. Марков, А.Н. Крупенский, князя Д.Д. Оболенский, Д.П. Голицын-Муравлин и Н.Д. Жевахов, графиня С.И. Граббе, Н.Д. Тальберг, и отразил характер развития монархической мысли на страницах

¹ Воробьева О.В. Русская Америка в XX веке: историко-культурный аспект. М., 2010. 200 с.

² Зацепина О.С., Ручкин А.Б. Русские в США. Общественные организации русской эмиграции в XX–XXI вв. Нью-Йорк, 2011. 290 с.

³ Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции: 1917–1988 гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2005. 42 с.

⁴ Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). СПб., 2008. 467 с.

⁵ Базанов П.Н. «Союз русских государевых людей...»: политическая и издательская деятельность // Факты и версии. СПб., 2002. Кн. 3: Русское зарубежье: политика, экономика, культура. С. 39–49.

⁶ Базанов П.Н. Партия А.А. Вонсяцкого: Политическая и издательская деятельность // Общество и власть: Материалы Всероссийской научной конференции (июнь 2005 г.). СПб., 2006. С. 297–306.

издания¹. Исследователь впервые воссоздал историю издательств «Град Китеж» и «Детинец», основанных при деятельном участии герцога Г.Н. Лейхтенбергского². Целенаправленно анализировалась деятельность лидера младороссов А.Л. Казем-Бека³, а также «просоветские» идеологические течения эмиграции⁴. Исследованием военной эмигрантской периодикой занимались И.С. Шинкарук⁵ и С.В. Волков⁶, использовавшие в том числе и новые источники.

В целом, к характерным чертам постсоветской историографии относится поиск новой методологии, плюрализм мнений, дискуссионность, обращение к различным аспектам жизни российской эмиграции. Главными направлениями стали изучение истории Дома Романовых после 1917 г., общественно-политическая активность эмигрантов, биографии деятелей дворянского движения, развитие генеалогии и периодической печати в эмиграции.

Ко второй группе исследований Русского Зарубежья относятся работы эмигрантских авторов. Их публикации 1920–1930-х гг. отличались высокой долей субъективизма в силу политических предпочтений. Вопрос о престолонаследии рассматривался уже в 1922 г. Н.Н. Корево⁷, который признавал отречение Николая II незаконным и обосновывал право на престол Российской империи великого князя Кирилла Владимировича. Оценки российской эмиграции представлены довоенными работами П.Н. Милюкова⁸, К.К. Парчевского⁹, Н.В. Устрялова¹⁰. В

¹ Базанов П.Н. «Журнал «Двуглавый Орел» – орган монархической мысли Русского Зарубежья» // Византийский вестник. 2023. № 2 (13). С. 116–126.

² Базанов П.Н. Издательства герцога Г.Н. Лейхтенбергского «Град Китеж» и «Детинец» // Вестник СПбГИК. 2014. № 3 (20). С. 72–78.

³ Базанов П.Н. А.Л. Казем-Бек – лидер движения младороссов // Вестник РХГА. 2015. № 4. С. 117–126.

⁴ Базанов П.Н. Царь и Советы: русская эмиграция в борьбе за российскую государственность: политическая и издательская деятельность. СПб., 2022. 322 с.

⁵ Шинкарук И.С. Военная периодика российской эмиграции 1920–30-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 254 с.

⁶ Волков С.В. Русская военная эмиграция: издательская деятельность. М., 2008. 548 с.

⁷ Корево Н.Н. Императорский всероссийский престол. Наследование престола по основным государственным законам: Справка по некоторым вопросам, касающимся престолонаследия. Париж, 1922. 139 с.

⁸ Милюков П.Н. Эмиграция на перепутье. Париж, 1926. 136 с.; Он же. Национальный вопрос: (происхождение национальности и национальные вопросы в России). Минск, 2005. 158 с.

⁹ Парчевский К.К. По русским углам. М., 2002. 220 с.

¹⁰ Устрялов Н.В. Под знаком революции. Харбин, 1925. 354 с.

послевоенные годы отмечается смещение акцента исследования эмигрантской жизни с политических вопросов на социальную и культурную сферу. Просветительская и образовательная деятельность эмигрантов освещались Г.П. Струве¹ и П.Е. Ковалевским². При этом на фоне роста симпатий к СССР среди эмигрантов после окончания Второй мировой войны представители эмигрантской историографии чаще стали подвергать критике правые политические течения Русского Зарубежья. Так, И.К. Окунцов отмечал, что эмигрантские периодические издания 1920–1930-х гг. отличались реакционностью³. Стоит отметить, что авторы эмигрантской литературы зачастую были современниками описываемых событий, а также имели доступ к архивам Русского Зарубежья, что стало их важным преимуществом.

К 1990-м гг. сложилась зарубежная историография российской эмиграции, которая представлена работами европейских и американских авторов, причем некоторые из них были русского происхождения. Их исследования, как и большая часть работ отечественных авторов, посвящены общим вопросам истории Русского Зарубежья. Профессор Колумбийского университета М.И. Раев проанализировал исторические особенности эмиграции и раскрыл ее социокультурные черты, дал оценку отдельных периодических изданий⁴. Однако в его позиции присутствует субъективизм, обусловленный критическим отношением к монархическому движению. Становлением российской военной эмиграции и ее взаимодействием с институтами Русского Зарубежья занимался П. Робинсон⁵. Начальный период истории диаспоры после эвакуации из Крыма Русской армии и гражданских беженцев характеризовал Н.Г. Росс⁶. Влияние радикальных политических течений

¹ Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Париж, М., 1996. 488 с.

² Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Ч. 1. Париж, 1971; Ч. 2. Париж, 1973.

³ Окунцов И.К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес, 1967. 423 с.

⁴ Раев М.И. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции, 1919–1939. М., 1994. 292 с.

⁵ Robinson P. The White Russian army in exile, 1920–1941. Oxford, 2003. 254 p.; Robinson P. Zemgor and the Russian Army in exile // Cahiers du monde russe. 2005/4. Vol 46. P. 719–737.

⁶ Ross N. Aux sources de l'émigration blanche. Gallipoli, Lemnos, Bizerte (1900–1921). Paris, 2011. 196 p.

на российскую эмиграцию рассмотрели профессор Гавайского университета Д. Стефан¹, О.И. Бэйда и И.Р. Петров².

Особенности адаптации русских беженцев, социальный состав эмиграции, деятельность гуманитарных организаций на Балканах изучал М. Йованович³. Крупнейшее исследование по истории русской колонии в Шанхае принадлежит китайскому историку Ван Чжичэну⁴, а коллектив китайских историков изложил краткую историю российской дворянской эмиграции в Китае⁵. Серьезный вклад в изучение российской эмиграции межвоенного периода во Франции и в других странах Европы внесла К. Гусефф. Она рассмотрела деятельность гуманитарных организаций российской эмиграции и направления решения беженского вопроса французскими властями⁶. На основе в том числе неопубликованных архивов Центрального французского агентства по делам беженцев и апатридов рассматривалась история расселения русских беженцев в Европе и становление институтов эмиграции, анализировался социальный и количественный состав русской диаспоры⁷. В 2014 году данная работа была переведена на русский язык⁸.

В.В. Курченко рассмотрела деятельность общественного деятеля, члена Союза российских дворян в Америке Б.Л. Бразоля, а также функционирование «Комитета по ознаменованию Столетней Годовщины со дня смерти А.С.

¹ Стефан Д. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945. М., 1992. 441 с.

² Beyda O., Prtlov I. «Crowned Pawns»: The Great Hopes and Small Forces of the Russian Monarchists // «Stakeholders, Hangers-On, and Copycats: The Russian Right in Berlin in 1933» Institute for European, Russian, and Eurasian Studies – The George Washington University. Iliberalism Studies Program Working Papers no. 6, April 2021. Pp. 2–3.

³ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах, 1920–1940. М., 2005. 487 с.

⁴ Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008. 831 с.

⁵ Чжан Цзунхуа, Цзян Яньхун, Хань Вэньсюань. Русская дворянская эмиграция в Китае после Октябрьской революции // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5. С. 331–341.

⁶ Gousseff C., Pichon-Bobrinskoy O. L'invention d'une politique humanitaire: le Zemgor et les réfugiés russes (1921–1930) // Cahiers du monde russe. 2005. Vol. 46/4. P. 667–672; Gousseff C. Politique d'asile et politique d'accueil des réfugiés en France: le cas des Russes dans les années vingt // Matériaux pour l'histoire de notre temps (BDIC). Avril 1997. P. 39–45; Gousseff C. Le placement des réfugiés russes dans l'agriculture: L'Etat français et le Zemgor dans l'action internationale // Cahiers du monde russe. 2005. Vol. 46/4. P. 757–776.

⁷ Gousseff C. L'exil russe. La fabrique du réfugié apatride (1920–1939). Paris, 2008. 335 p.

⁸ Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 гг.). М., 2014. 328 с.

Пушкина»¹, в становлении которого определяющую роль сыграли дворяне-эмигранты русской колонии Нью-Йорка.

Жизнь дворян русской колонии в Греции изучена И.Л. Жалниной-Василькиоти². Среди значимых представителей дворянской эмиграции Греции 1920–1930-х гг. она выделила супругу последнего императорского посланника России в Греции Е.П. Демидова Софью Илларионовну Демидову (1870–1953), урожденную графиню Воронцову-Дашкову, великую княгиню Елену Владимировну, потомственного дворянина Витебской губернии, контр-адмирала А.В. Плотто, представителя древнего дворянского рода Философовых генерал-майора Н.Н. Философова, выдающегося генеалoga Л.М. Савелова и других. Автор использовала новые документы из государственных российских и греческих архивов и, что особенно ценно, из частных собраний. На их основе была заимствована информация о сборе средств дворянами-эмигрантами на нужды русских беженцев, функционировании гуманитарных организаций, русских церквей и госпиталей.

Таким образом, на данный момент отечественными, эмигрантскими и зарубежными исследователями внесен большой вклад в изучение проблем Русского Зарубежья, а в научный оборот был введен значительный массив архивных материалов. Представленный историографический анализ демонстрирует, что в поле зрения исследователей оказались как общие вопросы Русского Зарубежья, так и его отдельные аспекты, включая особенности социально-экономической адаптации российских беженцев и их отдельных групп, правовой статус эмигрантов, формирование и развитие общественно-политических и гуманитарных организаций, развитие политической мысли. Специалисты обращались к истории Дома Романовых после 1917 г., развитию генеалогии в эмиграции, а также биографиям видных деятелей дворянского движения. Однако проблема изучения дворянства Русского Зарубежья как самостоятельного социального, культурного и

¹ Курченко В.В. Общество им. А.С. Пушкина в Америке // Новый Журнал (Нью-Йорк). 2012. № 267. С. 280–292; Она же. Борис Львович Бразоль. 1885–1963 // Новый Журнал (Нью-Йорк). 2015. № 281. С. 268–293.

² Жалнина-Василькиоти И.Л. Русская эмиграция в Греции. Судьбы. XX век. М., 2015. 479 с.

политического феномена в историографии пока не ставилась. Данная работа является попыткой восполнить существующий пробел.

Объектом исследования является российская дворянская эмиграция межвоенного периода.

Предмет исследования – механизмы адаптации дворян-эмигрантов в инокультурной среде, включавшие проявления организационной и политической активности и инструменты сохранения национально-культурной и сословной идентичности.

Целью исследования является выявление закономерностей и особенностей формирования и развития российского дворянства в эмиграции как самостоятельного социального, культурного и политического феномена в 1920–1930-е гг. сквозь призму адаптации представителей сословия в странах-реципиентах.

Постановка данной цели обусловила необходимость решения следующих **исследовательских задач**:

- проследить процесс становления российской дворянской эмиграции как отдельной социальной группы Русского Зарубежья, определить ключевых деятелей дворянского движения, охарактеризовать специфику расселения и характерные черты адаптации дворян-эмигрантов в странах-реципиентах;
- дать оценку гуманитарной и благотворительной деятельности дворян в странах-реципиентах;
- выявить и сопоставить направления деятельности, структуру и главные вызовы Союза русских дворян во Франции, его Дальневосточного отдела и Союза российских дворян в Америке, а также обобщить опыт их функционирования;
- определить степень участия дворян-эмигрантов в создании и развитии периодической печати Русского Зарубежья 1920–1930-х гг., а также рассмотреть оценки дворянства на страницах эмигрантской прессы;
- оценить взгляды дворян-эмигрантов на вопрос о престолонаследии в 1920–1930-х гг., определить его влияние на работу дворянских организаций за рубежом;

– проанализировать особенности формирования политической мысли российской дворянской эмиграции и ее идейные концепции в контексте международных отношений 1920–1930-х гг.

Хронологические рамки исследования охватывают межвоенный период. Нижней границей исследования является ноябрь 1920 г., когда была проведена Крымская эвакуация. Верхняя хронологическая граница исследования определена 1939 г., так как начало Второй мировой войны изменило облик российской эмиграции. Характеризуя расселение дворян-эмигрантов, их гуманитарную и благотворительную деятельность, автор анализирует документы и более раннего периода, что позволяет выявить динамику становления дворянской эмиграции.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию пребывания дворянства в эмиграции. Так как в межвоенный период в силу различных социально-экономических и политических процессов дворянство оказалось разбросано по всему миру, анализ ограничен отдельными странами-реципиентами. Критерий определения географии исследования – проживание в странах-реципиентах заметных представителей дворянского движения и проявление различных форм жизни Русского Зарубежья при участии дворянства. Один из главных маршрутов эмиграции проходил через территорию Турции. Ряд крупных деятелей дворянского движения проживал в Великобритании, Венгрии, Греции и Румынии, представители аристократии составляли существенную часть российской диаспоры Италии. Благоприятные условия для жизни дворянской эмиграции в Европе были созданы в Бельгии, Чехословакии, Королевстве Югославия и Германии. Центрами дворянского движения в 1920–1930-е гг. стали Франция и США, на территории которых действовали дворянские союзы и историко-генеалогические общества. Попытка организации дворянского движения была предпринята в Шанхае, одном из главных центров проживания русских беженцев на территории Китая. На основе указанного критерия территориальные рамки исследования очерчены названными странами.

Источниковая база исследования. Проведение исследования в рамках сформулированной научной цели и необходимых для ее реализации задач

потребовало использования комплекса опубликованных и неопубликованных источников, позволяющих с разных сторон рассмотреть российскую дворянскую эмиграцию. В основу работы были положены документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Библиотеке-фонде «Русское Зарубежье» Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (БФРЗ). Главным хранилищем документов по истории российской эмиграции является Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), где основной массив материалов собран в коллекции Русского заграничного исторического архива (РЗИА), образованного эмигрантами в Праге в 1923 г., а после Второй мировой войны перевезенного в СССР. Кроме того, были использованы материалы из Архива Русского зарубежья Дома-музея Марины Цветаевой, фондов Библиотеки Принстонского университета (Принстон, США).

Источники могут быть систематизированы в рамках следующих групп: 1) нормативно-правовые акты; 2) делопроизводственная документация; 3) обращения, воззвания, циркулярные указания, манифесты и высочайшие рескрипты представителей Российского Императорского Дома Романовых; 4) источники личного происхождения; 5) периодическая печать.

Важной частью источниковой основы исследования являются нормативно-правовые акты, которые определяли правовой статус дворян-эмигрантов. В настоящем исследовании были использованы декреты советской власти, лишавшие беженцев гражданства, а также определявшие их статус в странах-реципиентах международные соглашения и конвенции 1920–1930-х годов. Стоит заметить, что высокая объективность указанного вида источника могла снижаться из-за искажения правовых норм при их реализации и правовых коллизий.

Значительная часть материалов, относящихся ко второй группе источников, была взята из личного фонда общественного и государственного деятеля, председателя Союза русских дворян во Франции П.П. Менделеева (ГАРФ. Ф. Р-5971). В их числе доклады, отчеты, протоколы заседаний, учредительные документы дворянских союзов, Русского союза взаимного кредита, историческая справка и обзор деятельности Земгора 1921–1925 гг. и другие официальные бумаги

организаций Русского Зарубежья, основной массив которых впервые введен в научный оборот. Внимание привлекли документы организаций Русского Зарубежья о жизни дворянской эмиграции в США из фонда «Союза русских государевых людей имени ее императорского высочества великой Княжны Киры Кирилловны. (СРГЛ). Тырново-Сеймен, Горна-Джумая»¹, которые удалось сопоставить с впечатлениями Л.М. Савелова о жизни эмиграции в США². Из фонда А.Н. Яхонтова (БФРЗ. Ф. 79) использовались документы о деятельности Комитета имени государыни императрицы Марии Феодоровны по оказанию помощи туберкулезным больным, впервые введенные в научный оборот, сведения о деятельности Русского историко-генеалогического общества во Франции и Союзе ревнителей памяти Императора Николая II.

Из третьей группы источников стоит отметить опубликованный в 2024 году под редакцией А.Н. Закатова сборник документов³. В него вошел 81 документ, которые были изданы в период с 8 августа 1922 г. по 31 октября 1938 г., включая обращения великого князя Кирилла Владимировича.

Важной группой источников по теме являются материалы личной переписки, мемуары и дневниковые записи дворян-эмигрантов. Так, в фондах ГАРФ имеется запись бесед А.В. Тырковой-Вильямс с графом Д.С. Шереметевым (Ф. 10230), которая предоставляет информацию о роде Шереметевых, проблеме консолидации дворян-эмигрантов и феномене самозванчества. В «Коллекции отдельных документов и мемуаров эмигрантов» (Ф. Р-5881) привлекли внимание автобиографии графа Э.П. Беннигсена, Н.В. Дмитриева, Е.П. Ковалевского и А.Н. Наумова. Материалы из личного фонда Е.Ф. Шмурло (Ф. Р-5965) предоставили видение эмигрантами Пушкинского дня, в традицию празднования которого большой вклад внесли представители дворянского сословия. Материалы личного

¹ ГАРФ. Ф. Р-5763. Оп. 1. Д. 7.

² ГАРФ. Ф. Р-6091. Оп. 1. Д. 69.

³ Обращения главы Российского императорского дома Романовых императора в изгнании Кирилла I Владимировича. Официальные акты и сопутствующие исторические источники. 1922–1938. Сборник документов. Вашингтон, 2024. 178 с.

фонда полковника С.Н. Сомова¹, введенные в научный оборот, помогли дополнить картину участия дворян-эмигрантов в гуманитарных организациях Русского Зарубежья. Хранящиеся в БФРЗ материалы фонда дворянского рода Плаутиных (Ф. 56) дополнили сведения о генеалогических изысканиях С.Н. Плаутина. Письма из фондов «Князь императорской крови Гавриил Константинович (Романов) (1887–1955) – правнук императора Николая I, троюродный брат Николая II» (БФРЗ. Ф. 55) и «Клембовский Наполеон Наполеонович (1867–1945) – полковник Лейб-гвардии Измайловского полка» (БФРЗ. Ф. 59) способствовали дополнению биографии полковника П.В. Данильченко, потомственного дворянина Волынской губернии. Кроме того, наряду с документами фонда «Общей канцелярии великого князя Николая Николаевича Романова (Младшего)» (БФРЗ. Ф. 2) и коллекцией Н.Н. Рутыча (Рутченко) (БФРЗ. Ф. 7) вышеуказанные материалы расширили картину развития политической мысли дворян-эмигрантов. В фонде А.Н. Яхонтова (БФРЗ. Ф. 79) интерес вызвала его переписка с представителями дворянской эмиграции, в том числе с великим князем Андреем Владимировичем. Знакомство с документами архивных фондов дворянских союзов и с личными фондами лидеров дворянского движения в эмиграции позволило реконструировать этапы организационной активности дворян-эмигрантов, идеи и практику общественно-политических движений, деятельность образовательных заведений.

Мемуарная литература существенно дополняет сведения о деятельности, воззрениях и проблемах российского дворянства в изгнании. Хотя воспоминания самих участников событий не лишены субъективизма, они позволяют понять позиционирование дворянства, его основные проблемы и восприятие представителей сословия в Зарубежной России. В их числе стоит упомянуть мемуары П.П. Менделеева², Л.М. Савелова³, графа Э.П. Беннигсена⁴, супруги

¹ ГАРФ. Ф. Р-6378. Оп. 2. Д. 3.

² Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. 752 с.

³ Савелов Л.М. Воспоминания. М., 2015. 485 с.

⁴ Беннигсен Э.П. Записки. В 2-х томах. Т. 2. 1917–1955. М., 2018. 696 с.

великого князя Андрея Владимировича М.Ф. Кшесинской¹, князя С.П. Оболенского-Нелединского-Мелецкого², князя П.П. Ишеева³, полковника А.С. Гершельмана⁴, служителя Свято-Никольского храма при Русском доме в Сен-Женевьев-де-Буа Б.Г. Старка⁵, князя Н.Д. Жевахова⁶, воспоминания члена Союза русских дворян во Франции П.Я. Данзаса⁷ и других. Названные воспоминания помогают реконструировать деятельность сословных и гуманитарных организаций эмиграции, определить их структуру, идеологическую направленность и главные вызовы, с которыми они сталкивались. Кроме того, в мемуарах отражена эволюция политических взглядов авторов, специфика адаптации беженцев в различных странах-реципиентах, а также особенности межпоколенческой связи в эмиграции.

Отдельным видом источников выступает периодическая печать, которая представлена следующими эмигрантскими изданиями: «Последние новости» (Париж, 1920–1940), «Возрождение» (Париж, 1925–1940), «Руль» (Берлин, 1920–1931), «Общее дело» (Париж, 1918–1934), «Двуглавый орел» (Берлин, 1920–1922; Париж, 1926–1931), «Высший монархический совет» (Берлин, 1921–1926), «Новое русское слово» (Нью-Йорк, 1920–2010), «Вестник монархиста» (Нью-Йорк, 1930–1932) и другими. Особую ценность представляют используемый полным комплектом журнал «Вестник Союза русских дворян» (Париж, 1927–1931), первый номер которого хранится в Архиве Русского зарубежья Дома-музея Марины Цветаевой, и историко-генеалогический журнал «Новик» (Нью-Йорк, 1934, 1936–1955, 1957–1961). Статьи в периодике позволяют понять, как воспринималось дворянство и его деятельность в российской диаспоре.

¹ Кшесинская М.Ф. Воспоминания. М., 1992. 414 с.

² Obolensky S. One Man in His Time: The Memoirs of Serge Obolensky. New York, 1958. 433 p.

³ Ишеев П.П. Осколки прошлого. Воспоминания, 1889–1959. Нью-Йорк, 1959. 162 с.

⁴ Гершельман А.С. Эмиграция // Верная гвардия: Русская смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008. С. 489–624.

⁵ Старк Б.Г. Вся моя жизнь – чудо...: воспоминания и проповеди. М., 2009. 799 с.

⁶ Жевахов Н.Д. Новая жизнь за границей. Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода. М., 2022. 279 с.

⁷ Данзас П.Я. Воспоминания о Союзе молодежи: Два письма из Парижа // История российских дворянских организаций и учреждений, их сегодняшнее состояние и перспективы развития: Материалы ко Второму научному семинару. СПб., 1996. С. 51–55.

Собранный обширный источниковый материал предоставил возможность с высокой степенью достоверности, полноты и репрезентативности провести комплексное исследование истории формирования и деятельности российской дворянской эмиграции в 1920–1930-е годы в странах-реципиентах как многоаспектного феномена, решив поставленные в диссертации задачи.

Методологическая основа исследования. Настоящее исследование опирается на принципы историзма, объективности и системности. Принцип историзма позволил проследить процесс формирования и развития российского дворянства в эмиграции как отдельной социальной группы Русского Зарубежья в контексте реалий межвоенного периода. Принцип объективности потребовал исключения предвзятости и политических предпочтений при оценке исторических событий. Принцип системности способствовал рассмотрению российского дворянства в эмиграции как целостного социального, культурного и политического явления.

В рамках исследования также применялись общенаучные формально-логические методы (анализ и синтез, дедукция и индукция) и совокупность специальных исторических методов. Историко-генетический метод позволил проследить эволюцию социального статуса дворянства в странах-реципиентах с учетом существовавшей неявной сословной дифференциации и смены поколений эмигрантов. Кроме того, данный метод позволил проследить изменения характера ассимиляции дворян-эмигрантов в контексте менявшейся политики советской власти и стран-реципиентов по отношению к русским беженцам. Историко-сравнительный метод способствовал сопоставлению социально-экономического положения российского дворянства в эмиграции с другими социальными группами Русского Зарубежья. Применение историко-биографического метода позволило выявить ранее неизвестные сведения о родственных связях, образовании, общественно-политической деятельности видных представителей дворянского движения в эмиграции, а также оценить роль дворян-эмигрантов в становлении и развитии институтов Русского Зарубежья. Для воссоздания целостной и

последовательной картины деятельности дворянских союзов за границей в 1920–1930-е гг. потребовалось привлечение метода исторической реконструкции.

Научная новизна диссертации определяется, прежде всего, самой постановкой исследовательской проблемы. Впервые российское дворянство в эмиграции рассматривается комплексно, как многоаспектный феномен, в социальном, культурном и политическом ракурсах. Процесс становления и развития дворянства в изгнании как специфической, но целостной социальной группы Русского Зарубежья исследуется с учетом особенностей социокультурной адаптации и интеграции эмигрантов в странах-реципиентах. В результате сравнительного анализа выявлены общие и особенные черты существования российского дворянства в 1920–1930-е гг. по сравнению с другими социальными группами Русского Зарубежья.

На основе в том числе неизвестных ранее архивных материалов предпринята попытка реконструировать историю Союза русских дворян за границей, его Дальневосточного отдела и Союза российских дворян в Америке в 1920–1930-е гг. В исследовании впервые рассматривается деятельность Комитета имени государыни императрицы Марии Феодоровны по оказанию помощи туберкулезным больным в Ницце и Русского союза взаимного кредита в Лондоне. В работе существенно дополнены и уточнены биографические сведения о таких активных участниках дворянского движения, как Г.А. Алексеев, В.В. Вадковский, князь А.Д. Голицын, светлейший князь М.К. Горчаков, А.М. Дерюгин, П.П. Менделеев, князь В.П. Трубецкой и граф Д.С. Шереметев.

Было доказано, что, несмотря на существовавшие перед российской эмиграцией вызовы, подавляющая часть дворян сохраняла и воспроизводила сословную и национально-культурную идентичность, чему способствовала деятельность дворянских союзов и генеалогических обществ. В исследовании выявлена взаимосвязь эволюции дворянского сословия в эмиграции со сменой поколений, политическим и экономическим развитием стран-реципиентов.

Положения, выносимые на защиту.

1. Российская дворянская эмиграция формировалась в контексте

социокультурной среды стран-реципиентов и мировых внешнеполитических событий как отдельная социальная группа Русского Зарубежья, проявлявшая сословную солидарность независимо от места проживания. На выбор места жительства дворян-эмигрантов влияли отношение властей разных государств к русским беженцам, специфика политического устройства этих государств, наличие там социальных связей или имущества. Главными центрами формирования дворянского движения в 1920–1930-е гг. стали Франция и США. Дворяне приняли деятельное участие в работе гуманитарных институтов Русского Зарубежья.

2. Дворяне-эмигранты, как и все русские беженцы, столкнулись с проблемой правового статуса. Фактор субъективности в вопросе принятия дворянами иностранного гражданства или подданства был ощутимее, чем у представителей иных социальных групп Русского Зарубежья. Подобная приверженность сохранению правовой связи с императорской Россией являлась одним из проявлений воспроизводства сословной и национально-культурной идентичности дворян-эмигрантов.

3. Процесс адаптации дворянской эмиграции в странах-реципиентах ускорился в 1930-е годы. Ранее идея активной ассимиляции нередко встречала сопротивление среди дворян-эмигрантов, так как многие из них рассматривали пребывание за границей временным и рассчитывали на скорейшее возвращение в Россию. Хотя дворяне-эмигранты сталкивались с тем же рядом проблем, что и другие социальные группы, их ассимиляция в США происходила быстрее, чем в Европе и Китае, где в кругах беженцев, как правило, преобладала стратегия сепарации.

4. В 1920–1930-е гг. дворянство в эмиграции способствовало сохранению и развитию генеалогической культуры, о чем свидетельствует деятельность родословных комиссий дворянских союзов и трех генеалогических обществ. Значительный вклад в развитие родословного знания внесли такие участники дворянского движения, как граф П.Н. Апраксин, В.С. Арсеньев, С.С. Бутурлин, Н.Ф. Иконников, Л.М. Савелов, В.Н. Смольянинов, Д.П. Соловский, С.Н. Плаутин, Н.Д. Плешко, барон М.А. Таубе.

5. Несмотря на организационные и финансовые трудности, деятельность Союза русских дворян во Франции и Союза российских дворян в Америке можно считать успешной с точки зрения сохранения генеалогической культуры, сословной и национально-культурной идентичности дворян-эмигрантов. К проблемным вопросам двух объединений относился вопрос принятия дворянами иностранного подданства, их принадлежность к масонству, допустимость участия в общих собраниях организаций дворянок и воспитание дворянской молодежи в изгнании. С началом Второй мировой войны активность объединения в США снизилась, а во Франции и вовсе прекратилась.

6. Дворяне-эмигранты были подвержены тем же тенденциям развития политической мысли, что и большинство представителей Русского Зарубежья. Признание великого князя Кирилла Владимировича императором в дворянской диаспоре распространилось после смерти великого князя Николая Николаевича, что характерно для всего Русского Зарубежья. Проекты восстановления сословных привилегий в России поддерживались лишь крайне правыми кругами дворянской эмиграции.

Теоретическая значимость исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования позволяют в значительной степени углубить представления о российском дворянстве в эмиграции как самостоятельной, целостной социальной группе и многоаспектном феномене Русского Зарубежья межвоенного периода. Результаты работы расширяют объем научной информации по истории дворянских союзов в эмиграции, а также позволяют выявить механизмы сохранения сословной и национально-культурной идентичности дворян в инокультурной среде.

Практическая значимость исследования. Материалы и результаты данного диссертационного исследования востребованы для дальнейшего изучения истории российской эмиграции. Кроме того, результаты работы могут применяться в учебном процессе при проведении занятий по истории России, а также при подготовке учебных курсов различного уровня, включая специальные курсы

программ бакалавриата, специалитета и магистратуры по истории России, истории и культуре Русского Зарубежья.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается построением выводов на основе методологических принципов историзма, объективности и системности, репрезентативностью источниковой базы, критическим анализом источников с применением общенаучных и специальных методов исторического исследования, соответствующих объекту, предмету, поставленным цели и задачам.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования прошли апробацию в восьми научных публикациях, в том числе в четырех статьях, опубликованных в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации¹, а также были представлены на следующих научных конференциях: Международная научная конференция молодых ученых «Наука на благо человечества» (Мытищи, 2021, 2022, 2023, 2024), Международная научная конференция «Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков» (Иваново, 2023, 2024), Международная научно-практическая школа-конференция молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI в.: проблемы, дискуссии, новые взгляды» (Москва, 2024), Третья Всероссийская научная конференция историков и архивистов «Историческая наука и архивы в XXI веке» (Самара, 2025).

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, которые разбиты на параграфы, заключения, списка источников и литературы. Первая глава посвящена формированию российской дворянской эмиграции как самостоятельной и специфической социальной группы

¹ Малафай М.С. Воспоминания П.П. Менделеева как источник по изучению дворянства после 1917 года // Преподавание истории в школе. 2023. № 5. С. 78–79; Он же. Русская дворянская эмиграция и Высший монархический совет в 1920-е годы // Преподаватель XXI век. 2024. № 3. Часть 2. С. 322–335; Он же. Участие Г.А. Алексеева в жизни российской эмиграции 1920–1930-х годов // Преподавание истории в школе. 2025. № 4. С. 75–78; Он же. «Вместе с ними Вы издавна расшатывали устои священного Царского Трона...» // Россия XXI. 2025. № 1. С. 116–131.

Русского Зарубежья, гуманитарной и благотворительной деятельности дворян-эмигрантов. Во второй главе дана характеристика деятельности Союза русских дворян во Франции и Союза российских дворян в Америке в 1920–1930-е гг., а также сопоставлены оценки дворянства на страницах эмигрантской печати. В третьей главе изучается вопрос о престолонаследии в российской дворянской эмиграции и особенности формирования ее политической мысли.

ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ДВОРЯНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ

1.1. Становление российской дворянской эмиграции: география расселения, ключевые деятели дворянского движения и особенности социализации за рубежом

Историко-культурный феномен Русского Зарубежья 1920–1930-х гг., возникший в результате Русской революции 1917 г. и Гражданской войны, являлся своеобразным срезом императорской России, в котором были представлены различные социальные слои, политические партии, идеологии, общественные движения и творческие направления. По наиболее частым оценкам, встречающимся в историографии, численность русской эмиграции первой волны составляет 1,5–2 млн человек, покинувших Россию в период 1918–1922 гг.¹ Но встречаются и более высокие цифры². Петербургский историк П.Н. Базанов указывает цифру от 2–3 до 9–10 млн человек³, которая включает в себя и бывших подданных императорской России, оставшихся проживать в лимитрофных государствах. Справедливо признавая трудность подсчета численности беженцев из-за отсутствия надежной статистической информации, И.В. Сабенникова сообщает цифру от 1 млн человек до практически 3 млн⁴. Ю.В. Мухачев приводит цифру приблизительно в 1 млн 850 тыс. человек⁵, а И.В. Щеблыгина придерживается цифры 2 млн человек⁶. Количественную оценку российской эмиграции 1920–1930-х гг. осложняет ее подвижность, пик которой пришелся на

¹ Хрисанфов В.И. Российский «Исход»: мифы и реальность. Историографическое исследование о численности «первой волны» российской эмиграции. 1917–1920 гг. СПб., 2014. С. 49.

² Volkman H.E. Die russische Emigration in Deutschland, 1919–1929. Würzburg, 1966. S. 8.

³ Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб., С. 10.

⁴ Сабенникова И.В. Русская эмиграция как социокультурный феномен // Мир России. Социология. Этнология. 1997. № 3. С. 155–184.

⁵ Мухачев Ю.В. Российская эмиграция: численность, расселение // Русское зарубежье. 2013. № 2. С. 245–252.

⁶ Щеблыгина И.В. Культурное наследие Русского Зарубежья. Учебное пособие. СПб., 2024. С. 7.

конец 1910-х гг. – первую половину 1920-х гг. Так, начавшаяся в 1918 г. эмиграция князя Алексея Александровича Ширинского-Шихматова (1862–1930), потомственного дворянина Смоленской губернии, государственного и общественного деятеля, пролегла через следующие европейские города: Гродно (три месяца), Варшава (полтора года), Прага (четыре месяца), Карлсбад (три месяца), – после Германия (Берлин – Мюнхен – Берлин) до 1924 г. – затем Севр, пригород Парижа¹. Покинувший Россию в 1919 г. член Государственного совета, потомственный дворянин Тверской губернии Павел Павлович Менделеев (1863–1951) эмигрировал через Константинополь, остров Халки, Мальту, где пробыл более двух месяцев под покровительством английских властей, способствовавших его переезду во Францию, куда вновь вернулся после непродолжительного пребывания в Англии². Выдающийся исследователь дворянства, профессор генеалогии, действительный статский советник, камергер, один из основателей и учредителей Историко-родословного общества в Москве и председатель Русского историко-родословного общества в Нью-Йорке Леонид Михайлович Савелов (1868–1947), в эмиграции Савелов-Савелков, покинувший Россию вместе с семьей, после Октября 1917 года прибыл в Крым, откуда эвакуировалось в ноябре 1920 г. в Грецию. С 1923 г. Л.М. Савелов жил в Королевстве СХС, в 1926 г. вернулся в Афины, а в 1937 г. переехал в США. Кроме того, многие эмигранты приняли гражданство стран-реципиентов или имели рожденных на их территории детей, которые считались полноправными гражданами государства и официально уже не были беженцами³.

Важно отметить, что попытки собирания некрополя российской дворянской диаспоры предпринимались еще в 1930-е гг. В 1935 г. идею о необходимости его создания высказал псковский вице-губернатор В.С. Арсеньев. Пытаясь реализовать

¹ Жевахов Н.Д. Новая жизнь за границей: воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода. М., 2022. С. 183.

² Малафай М.С. Личный фонд П.П. Менделеева как источник по истории российского дворянства после 1917 г. // Историческая наука и архивы в XXI веке: материалы Третьей Всероссийской научной конференции историков и архивистов, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, Самара, 27–28 марта 2025 г. Самара, 2025. С. 242–249.

³ Раев М.И. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции, 1919–1939. М., 1994. С. 38.

проект при помощи брата, секретаря Русского дома, он составил список захоронений на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа с 1927 по 1936 гг., публикация которых положила начало генеалогической хронике в журнале «Новик»¹. Хотя в силу вышеперечисленных факторов не представляется возможным установить точную численность дворянства, покинувшего Россию после 1917 г., можно утверждать, что представители династии Романовых, титулованная аристократия и дворяне составляли значительную часть русских колоний в большинстве стран рассеяния, о чем свидетельствует и множество оценок современников Русского Зарубежья 1920–1930-х гг. Например, во Франции дореволюционная элита составляла около трети от общего числа русских эмигрантов². В биографическом словаре «Русские в Северной Америке»³ более 13% от общего числа представленных биографий относится к лицам дворянского происхождения, которые в различные периоды времени прибыли в страны Северной Америки. Учитывая малочисленность российской дворянской диаспоры там, это достаточно большая цифра от общего числа беженцев. При этом Россию покинули представители дворянских родов разных губерний: Витебской, Воронежской, Екатеринославской, Казанской, Киевской, Ковенской, Костромской, Курляндской, Курской, Могилевской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Саратовской, Смоленской, Санкт-Петербургской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Тульской, Харьковской, Херсонской, Ярославской и других.

Дворянская эмиграция, как и все Русское Зарубежье, имела всемирный характер, но наибольшая доля русских беженцев конца 1910 – начала 1920-х гг. сконцентрировалась в Европе, которая рассматривалась ими в качестве постоянного места пребывания или транзитной зоны для дальнейшей миграции. Ключевым перевалочным пунктом эмиграции русских беженцев перед их

¹ Наумов О.Н. Журнал «Новик» и русское генеалогическое знание // Русская генеалогия в эмиграции. Избранные статьи журнала «Новик». С. 5–28.

² Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 гг.). М., 2014. С. 17.

³ Александров Е.А. Русские в Северной Америке: библиографический словарь. Хэнден, Сан-Франциско, СПб., 2005. 599 с.

отправкой на Балканы и в Западную Европу был Константинополь, где они оказались согласно предложению Антанты. Пик прибытия русских беженцев в Турцию приходится на апрель 1919 – ноябрь 1920 гг., в процессе чего началось их разделение на гражданских, осевших в столице и окрестностях, и военных, которых разместили на Галлиполийском полуострове¹. В числе эвакуировавшихся в Константинополь были такие заметные представители дворянства, как граф А.И. Воронцов-Дашков, адъютант принца П.А. Ольденбургского С.Н. Ильин, глава Правительства Юга России А.И. Кривошеин, управляющий делами Совета министров правительства Юга России И.И. Тхоржевский, генералы Ф.Ф. Абрамов, Ю.Н. Данилов, П.А. Кусонский и П.Н. Шатилов² и многие другие. Некоторое время в Константинополе со своей семьей пребывал граф В.В. Мусин-Пушкин, представитель старинного боярского рода, русский дипломат и потомственный дворянин Казанской губернии А.А. Нератов, граф И.А. Уваров, потомственный дворянин Смоленской губернии, судебный деятель и потомственный дворянин Калужской губернии Н.Н. Чебышев. По словам последнего, Константинополь того времени представлял для беженцев лишь одно преимущество – в нем «не было хозяев»³. Кроме того, у русских беженцев существовала возможность переместиться из Константинополя на Принцевы острова и «там жить на пайке одного из союзных правительств»⁴. На острове Халки, втором по величине из Принцевых островов, численность русских беженцев к весне 1921 г. достигла 2 тыс. человек⁵. Представителями дворянской части русской колонии там были П.П. Менделеев, сподвижник П.А. Столыпина В.И. Гурко с семьей, граф В.А. Бобринский, политические деятели и члены Государственной думы Г.Г. Лерхе и князь А.Д. Голицын⁶, бывший директор Департамента полиции К.Д. Кафафов с

¹ Русская белая эмиграция в Турции: век спустя (1919–2019). М., 2019. С. 36.

² Чебышев Н.Н. Близкая даль: воспоминания. Париж. 1933. С. 268–274.

³ Там же. С. 284.

⁴ Слободской А. Среди эмиграции (Мои воспоминания). Харьков, 1925. С. 58.

⁵ Кафафов К.Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 68–92.

⁶ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 495–496.

женой, бывший начальник Петроградского охранного отделения и потомственный дворянин Екатеринославской губернии К.И. Глобачев и другие. С 1925 г. положение беженцев в Турции стало ухудшаться в силу принятия местными властями ряда ограничений для русских эмигрантов и других меньшинств в вопросе трудоустройства по некоторым специальностям¹. Всяческие требования по улучшению жизни русских беженцев, исходившие в адрес официальной Анкары, никто не собирался удовлетворять. Бывший сенатор Б.Е. Иваницкий, потомственный дворянин Полтавской губернии, считал, что главной причиной усложнения жизни русских беженцев в Турции, наряду с вмешательством большевиков, стала реформа 1926 г., отстаивавшая экономические интересы местного населения и запрещавшая иностранным специалистам конкурировать с местными².

Важными европейскими «перевалочными пунктами» дворянской эмиграции были Финляндия, Польша, государства Балкан и Балтии. Оттуда ее значительная часть продолжила движение в страны Центральной и Западной Европы. М. Йованович выделил три волны появления русских беженцев на Балканах: весна 1919 г., зима и весна 1920 г., поздняя осень 1920 г.³. Число беженцев постоянно увеличивалось и достигло пика в ноябре 1920 г.⁴. В Королевстве СХС их численность составляла 40 тыс. человек, в Болгарии – 37 тыс., а в Греции в разные периоды 3.5–10 тыс. человек⁵. В 1920-е гг. русские эмигранты в силу ряда обстоятельств, среди которых и внутривосточные изменения балканских государств, в основном выселялись с Балкан в более благополучные страны, среди которых Франция и США⁶. В 1930-х гг. произошла относительная стабилизация их количества⁷.

¹ Русская белая эмиграция в Турции: век спустя (1919–2019). М., 2019. С. 40.

² Там же. С. 40–41.

³ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах, 1920–1940. М., 2005. С. 112.

⁴ Там же.

⁵ Жалнина-Василькиоти И.Л. Русская эмиграция в Греции. Судьбы. XX век. М., 2015. С. 9.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах, 1920–1940. М., 2005. С. 112.

Среди заметных представителей дворянской эмиграции в Греции 1920–1930-х гг. И.Л. Жалнина-Василькиоти выделила супругу последнего императорского посланника России в Греции Е.П. Демидова Софью Илларионовну Демидову (1870–1953), урожденную графиню Воронцову-Дашкову, великую княгиню Елену Владимировну, потомственного дворянина Витебской губернии и контр-адмирала А.В. Плотто, представителя древнего дворянского рода Философовых генерал-майора Н.Н. Философова¹ и других. В 1920–1937 гг. в Греции с перерывом в три года пребывал Л.М. Савелов. Участвуя в работе многих эмигрантских организаций, Л.М. Савелов стал одной из наиболее заметных фигур русской диаспоры в Греции наряду с его близким другом – капитаном лейб-гвардии Преображенского полка Владимиром Владимировичем Дейтрих-Белуха-Кохановским (1890–1960). Последний происходил из дворянского рода, внесенного во II часть дворянской родословной книги Санкт-Петербургской губернии.

В Румынии 1920–1930-х гг. проживали представители имевшего польские корни дворянского рода Крупенских, фамилия которых впервые в Молдавском княжестве упоминается в письменных документах XVII в. Среди них стоит отметить Георгия Дмитриевича и Николая Дмитриевича Крупенских, депутата IV Государственной думы от Бессарабской губернии. Оба брата пострадали от проведенной в Бессарабии в 1918–1924 гг. аграрной реформы, а с присоединением региона к СССР были арестованы². Старший сын Г.Д. Крупенского до 1934 г. проживал в Бессарабии, а после эмигрировал во Францию³, где в жизни русской колонии сыграли значимую роль другие представители рода: Павел Николаевич, депутат Государственной думы, и Александр Николаевич Крупенские, с 1931 г. являвшийся председателем Высшего монархического совета.

В первой половине 1920-х гг. значительное число русских беженцев прибыло в Германию, где сформировался феномен «Русского Берлина». К 1923 г. в Берлине насчитывалось около 360 тыс. русских беженцев, чему способствовали

¹ Жалнина-Василькиоти И.Л. Русская эмиграция в Греции. Судьбы. XX век. М., 2015. 479 с.

² Морозан В.В. Дворянский род Крупенских в истории Бессарабии // Новый исторический вестник. 2017. № 2 (52). С. 19–38.

³ Там же.

послевоенная инфляция в Германии, низкий курс немецкой марки и возможность легального общения между Советской Россией и эмиграцией¹. При этом приоритетными являлись экономические причины выбора Германии для проживания. Так, депутат Государственной думы В.В. Шульгин, потомственный дворянин Волынской губернии, отмечал, что принял решение переехать с семьей в Германию именно из-за дешевизны жизни, обусловленной серьезным падением курса марки². Ближе к середине 1920-х гг. жизнь в Германии начала дорожать, и эмигранты потянулись во Францию. Полковник А.С. Гершельман, потомственный дворянин Санкт-Петербургской губернии, писал, что в 1924 г. его семье начала испытывать финансовые трудности, хотя недавно месячный расход составлял всего 2 доллара США³. В связи с этим ему пришлось устроиться на работу в фирму «Дэко» («Дегтярев и К^о»), которой руководил его сослуживец по лейб-гвардии Конной артиллерии К.В. Семчевский⁴, потомственный дворянин Киевской губернии. Согласно составленному в 1944 г. докладу о положении эмигрантов и апатридов в Германии, авторство которого, вероятно, принадлежит дворянину-эмигранту А.Н. Кочубею, экономические перемены середины 1920-х гг. «оказались тем “ситом”, которое отделило одних от других»⁵. То есть беженцев, симпатизировавших Англии и Франции, от тех, кто осознанно избрал Германию в качестве места своего постоянного пребывания и был лоялен ее властям. В мае 1920 г. в Германию из Ревеля прибыл один из лидеров черносотенцев Н.Е. Марков, представитель курской ветви рода Марковых, со своими сторонниками. Среди них были общественный деятель В.П. Соколов-Барановский, полковник Ф.Ф. Эвальд, генерал Е.К. Арсеньев, штабс-ротмистр А.С. Андриевский, потомственный

¹ Щерблыгина И.В. Культурное наследие Русского Зарубежья. Учебное пособие. СПб., 2024. С. 37.

² «Я иду с тем, что придет». Рассказ В.В. Шульгина о жизни в эмиграции // Диаспора. Новые материалы. Вып. IX. Париж, СПб., 2007. С. 452–479.

³ Гершельман А.С. Эмиграция // Верная гвардия: Русская смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008. С. 581.

⁴ Зирин С.Г. Верный пажеским заветам полковник Александр Сергеевич Гершельман // Верная гвардия: Русская смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008. С. 476–477.

⁵ Турыгина Н.В. Российская эмиграция в Германии в годы Второй мировой войны: Доклад о положении эмигрантов и апатридов. 1944 г. // Исторический архив. 2020. № 5. С. 63–75.

дворянин Симбирской губернии, князя В.А. Девлет-Кильдеев и Н.А. Ухтомский¹. В Берлине скончались А.В. Кривошеин, сенатор А.А. Римский-Корсаков, избранный руководителем Русского общественного собрания². Заметную роль в общественно-политической жизни русской диаспоры 1920–1930-х гг. в Германии сыграли генерал В.В. Бискупский и генерал-майор А.А. фон Лампе, являвшийся в 1920-х гг. представителем барона П.Н. Врангеля, и управляющий делами Объединения русских учреждений в Германии, секретарь Русско-германского клуба барон В.Л. фон дер Остен-Сакен³, председатель Российского Земско-городского комитета в Германии в 1921–1925 гг. Ф.В. Шлиппе. Там же некоторое время проживали бароны А.Н. фон Вирен и М.А. Таубе, публицист и историк Н.Д. Тальберг, председатель Нового немецко-русского общества в Мюнхене князь Н.В. Масальский и другие.

Внутриполитические изменения в Германии 1930-х гг. отразились и на жизни русской колонии. Особенно болезненным для беженцев оказалось введение нацистами в 1935 г. Нюрнбергских расовых законов, затронувших и представителей дворянского сословия. Летом–осенью 1936 г. при участии Управления по делам русской эмиграции в Германии, которое в 1936–1945 гг. возглавлял В.В. Бискупский, проводилась регистрация всех русских беженцев с целью объединения «русских эмигрантов Германии под водительством своего “вождя”, находящегося в связи и зависимости от вождя рейха»⁴, в результате чего произошла монополизация каналов помощи, оказываемой эмигрантам. В рамках данной регистрации беженцам необходимо было заполнить анкету, в 5-м пункте которой следовало указать свою расовую принадлежность и факт смешения крови при его наличии⁵. Регистрации подлежали все бывшие российские подданные, которые не приняли иностранного гражданства или подданства. Заполнившим анкету

¹ Иванов А.А. Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб., 2023. С. 453.

² Там же. С. 454.

³ Турыгина Н.В. Российская эмиграция в Германии в годы Второй мировой войны: Доклад о положении эмигрантов и апатридов. 1944 г. // Исторический архив. 2020. № 5. С. 63–75.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6378. Оп. 2. Д. 3. Л. 195.

⁵ Там же. Л. 197.

выдавались «легитимационные карточки», которые не являлись заменой вида на жительство, но облегчали жизнь беженцев, а уклонившиеся, согласно позиции В.В. Бискупского, должны были «нести все связанные с этим неудобства»¹. В силу подобного «принудительного единства», проживавшие в Германии дворяне были вынуждены доказывать германским властям «пять поколений своих предков со стороны отца и матери арийского происхождения»².

Наряду с Германией одним из крупнейших европейских центров дворянской эмиграции 1920-х гг. стала Чехословакия, где особенно была высока доля молодежи. Дворянин-эмигрант Д.И. Мейснер писал, что студенчество там «наконец, после стольких горемычных скитаний вернулось к продолжению своего образования, вернулось к культурной жизни, к надеждам на полезную творческую работу на родине, которой так нужны знающие, привыкшие к труду граждане – будь то инженеры, врачи, юристы»³. Он отмечал, что в течение зимы 1921–1922 гг. чехи способствовали переезду свыше тысячи русских студентов из Константинополя, были заинтересованы в привлечении учителей и ученых, но при этом устроиться большей части интеллигенции в Чехии как по специальности, так и в сфере физического труда было затруднительно⁴.

Помощь, оказываемая русским беженцам, являлась одним из результатов проведения «Русской акции», организованной в 1921 г. правительством Чехословацкой Республики при активном участии ее первого президента Т.Г. Масарика и первого премьер-министра, активного сторонника Белого движения К.П. Крамаржа, которого В.В. Шульгин именовал большим русофилом⁵. Руководители Чехословакии считали своим нравственным долгом помочь беженцам из России, которые участвовали в борьбе с Германией и Австрией, а в эмигрантской молодежи видело будущее демократической России после «падения большевизма»⁶. В

¹ ГАРФ. Ф. Р-6378. Оп. 2. Д. 3. Л. 195.

² ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 25. Л. 12–14.

³ Мейснер Д. Русские в Праге // Последние новости. 1924. № 1280. С. 3.

⁴ Там же.

⁵ «Я иду с тем, что придет». Рассказ В.В. Шульгина о жизни в эмиграции // Диаспора. Новые материалы. Вып. IX. Париж, СПб., 2007. С. 452–479.

⁶ Щерблыгина И.В. Культурное наследие Русского Зарубежья. Учебное пособие. СПб., 2024. С. 52.

результате действия чехословацких властей позитивно отразились на процессе ассимиляции дворян-эмигрантов и привели к формированию культурной общности «русских пражан»¹. Среди представителей дворянской части русской колонии Чехословакии стоит выделить группу правоведов: рязанский дворянин Н.Н. Алексеев; дворянин Витебской губернии А.П. Антипов; потомственные дворяне А.А. Леонтьев, В.В. Сикорский и С.Л. Волкобрун, являвшийся доктором права Карлова (Пражского) университета; профессора Русского юридического факультета в Праге С.В. Завадский и А.Н. Фатеев; один из учредителей Союза русских писателей и журналистов В.А. Лазаревский; специалист по церковному праву В.В. Леонтович; один из основателей РЗИА Л.Ф. Магеровский; юрист-международник Г.Н. Михайловский (Гарин-Михайловский); тульский дворянин В.М. Смидович; историк права Е.В. Спекторский². Помимо указанных лиц, в плеяду русских ученых-дворян Праги входили председатель Русского исторического общества в 1932–1933 гг. А.А. Кизеветтер, историки-евразийцы Г.В. Вернадский, князь Н.С. Трубецкой и другие.

Периферийное положение в Русском Зарубежье занимала Венгрия, где численность диаспоры в 1930-е гг. оценивалась в пределах 4–5 тыс. человек³. Это было обусловлено, прежде всего, особенностями развития внешней и внутренней политики Венгерского королевства, находившегося под управлением регента Миклоша Хорти. Тем не менее, там постоянно присутствовали некоторые выходцы из княжеских и графских родов, остзейские дворяне⁴. Среди них стоит отметить писателя, политического и общественного деятеля, представителя княжеского рода Голицыных Дмитрия Петровича Голицына-Муравлина (1860–1928) и бывшего екатеринославского уездного предводителя дворянства Владимира Владимировича

¹ Мейснер Д. Русские в Праге // Последние новости. 1924. № 1280. С. 3.

² Сорокина М.Ю. Материалы к биографическому словарю «Русская эмиграция в Чехословакии» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2016. С. 665–712.

³ Российская белая эмиграция в Венгрии (1920–1940-е годы). М., 2012. С. 15.

⁴ Там же. С. 7.

Маламу (1872–1935)¹, стоявшего во главе русской колонии в Венгрии до переезда в Ниццу.

В 1923–1927 гг. происходило массовое переселение русских эмигрантов из стран Балканского полуострова, Балтии, Германии, Чехословакии, Польши и Румынии во Францию, столица которой стала одним из главных политических центров Русского Зарубежья. В 1936 г. П.Н. Милюков оценивал численность русской колонии во Франции в 75 тыс. человек², что попадает в рамки, определенные Н.В. Турыгиной. Последняя пришла к выводу, что «численность русской эмиграции во Франции в межвоенный период колебалась в пределах 70–120 тысяч человек»³. Пик прибытия русских беженцев пришелся на середину 1920-х гг., после чего последовало снижение до 1939 г., что объясняется ухудшением экономической ситуации и назревающим политическим кризисом в Европе во второй половине 1930-х гг., в итоге приведших часть русских к эмиграции в страны Южной и Северной Америки⁴. Эти тенденции были характерны и для дворянской части эмиграции. Так, пребывавший во Французском Конго доктор Николай Викторович Шарбо д'Артуа (Шарбау) (1894–1961), потомок французских эмигрантов, стал одним из основателей «Союза русских эмигрантов, переселяющихся в Южную Америку», образованного в Париже осенью 1934 г.⁵, а проживавший во Франции в 1930–1937 гг. князь П.П. Ишеев писал, что решение переехать в США было принято под давлением его жены⁶.

Во Франции проживали представители многих известных российских дворянских родов, включая князей Барятинских, Безобразовых, графов Бобринских, князей Васильчиковых и Волконских, графов Воронцовых-Дашковых, князей Горчаковых и Демидовых, Зайцевых, графов Зубовых, Крупенских, Кривошеиных, графов Ламздорф-Галаганов, Леховичей, князей Лобановых-

¹ Модзалевский В.Л. Малороссийский сборник. Т. 3: Л-О. Киев, 1912. С. 355–356.

² ГАРФ. Ф. Р-6378. Оп. 2. Д. 3. Л. 216.

³ Турыгина Н.В. Русская эмиграция во Франции в годы Второй мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. С. 56.

⁴ Там же.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 3. Л. 25.

⁶ Ишеев П.П. Осколки прошлого. Воспоминания, 1889–1959. Нью-Йорк, 1960. С. 156.

Ростовских, Лукомских, Малама, Мельниковых, князей Мещерских, Нейдгардтов, князей Оболенских, Плаутиных, Поливановых, князей Путятиных, Савичей, Свистуновых, Свечиных, Столыпиных, графов Толстых, Татищевых, князей Тенишевых, Трубецких, Урусовых, Юсуповых и Шаховских, Шебеко, графов Шереметевых, князей Щербатовых. При этом генерал-майор А.А. фон Лампе писал, что состав русской колонии во Франции главным образом состоял из военных элементов¹. Там, преимущественно в Париже, находились правления многих крупнейших военных организаций: «Союза офицеров-участников войны», «Военно-морского союза», «Общества галлиполийцев», «Объединения во Франции служивших в стрелковой железной бригаде», «Зарубежного союза русских военных инвалидов», «Русского общевойскаского союза» (РОВС) и других². Российское дворянство во Франции представляли такие известные деятели военной эмиграции, как барон П.Н. Врангель, генералы от инфантерии А.П. Кутепов, Н.Н. Юденич, генералы от кавалерии П.Н. Шатилов, И.Г. Эрдели, генерал-лейтенанты Н.Н. Головин, А.С. Лукомский и Е.К. Миллер, генерал-майоры А.А. фон Лампе, Н.П. Люце (Лучов) и А.В. Фок, полковник лейб-гвардии Преображенского полка В.В. Свечин, полковник лейб-гвардии Измайловского полка Н.Н. Клембовский, полковник лейб-гвардии Кексгольмского полка В.К. Витковский, адмирал М.А. Кедров, контр-адмирал Г.К. Старк и многие другие. Во Франции проживали такие известные общественно-политические деятели императорской России дворянского происхождения, как В.И. Гурко, граф В.Н. Коковцов, князь Г.Е. Львов, В.А. Маклаков, П.Н. Милуков и другие. После жизни в Финляндии, Швеции и Германии с 1928 г. в Париже проживал барон Михаил Александрович Таубе (1869–1961) – ученый-юрист, дипломат и историк. В эмиграции барон М.А. Таубе продолжил научную деятельность, принимал участие в деятельности Высшего монархического совета, был юрисконсультантом великого князя Кирилла Владимировича и оказывал

¹ Турыгина Н.В. Русская колония во Франции (24 января 1941 г.) перевод с французского, публикация и комментарии // Stud. Slav. Balc. Petrop. SSBP Петербургские славянские и балканские исследования. 2016. № 1 (19). С. 46–81.

² Рудковская М.М. Русская военная эмиграция в Тулоне в 1920–1930-е гг.: проблемы адаптации и интеграции: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2016. С. 159.

большую помощь Н.К. Рериху в рамках организации Рериховского движения по защите культурных ценностей¹.

Помимо фигур Русского Зарубежья, получивших широкое освещение в историографии, дворянская эмиграция во Франции была представлена деятелями, чья биография недостаточно изучена на данный момент. К ним стоит отнести сыгравшего значимую роль в дворянской жизни русской колонии Франции 1920–1930-х гг. общественного и государственного деятеля Павла Павловича Менделеева (1863–1951), представителя древнего рода Тверской и Нижегородской губерний. Среди его близких соратников в эмиграции был потомственный дворянин Херсонской губернии Григорий Александрович Алексеев (1883–1961), который также принял деятельное участие в жизни диаспоры. Малоизученными остаются биографии светлейшего князя Михаила Константиновича Горчакова (1880–1961), внука последнего канцлера Российской империи А.М. Горчакова, Анатолия Михайловича Дерюгина (1881–1943), представителя псковской ветви рода Дерюгиных, члена Государственной думы III–IV созывов от Харьковской губернии Никанора Васильевича Савича (1869–1942), потомственного дворянина Псковской губернии и себежского уездного предводителя дворянства Якова Никандровича Офросимов (1862–1946), поэта Ивана Ивановича Тхоржевского (1878–1951), потомственного дворянина Тульской губернии Сергея Сергеевича Воейкова (1892–1969), который был помощником атташе при великом князе Николае Николаевиче Б.К. Арсеньева и секретарем особого уполномоченным РОКК в Германии Ф.В. Шлиппе², и других.

Помимо Парижа, важным центром Русского Зарубежья во Франции была Ницца, еще с XIX в. ставшая модным курортом для аристократии императорской России. В дворянской жизни диаспоры Ниццы активное участие принимали князь А.А. Гагарин, бывший волынский губернский предводитель дворянства П.А. Демидов, П.С. Толстой-Милославский, сенатор А.Г. Тимрот, действительный

¹ Батлер У.Э., Иваненко В.С. 150-летие профессора М.А. Таубе: годы становления и триумфа, забвения и возрождения // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2019. № 4. С. 796–814.

² ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 32. Л. 35 об.

статский советник А.Н. Яхонтов. Видным представителем русской колонии был граф Д.А. Олсуфьева. Как отмечал И.И. Тхоржевский, он был задействован во всех эмигрантских антибольшевистских собраниях, что соответствовало сложившейся «земско-дворянской» традиции¹. При этом Л.А. Мнухин отмечал, что помимо Парижа и Ниццы значительное число русских беженцев проживало в таких городах Франции, как Бордо, Гренобль, Марсель, Лион². В числе дворян, активно участвовавших в жизни русской колонии Лиона, были Н.П. Луце (Лучов) и княгиня Л.А. Оболенская³.

Тесно с русской эмиграцией Франции были связаны дворяне-эмигранты, осевшие в Бельгии, где центром их притяжения являлся Брюссель. Общая численность диаспоры в Бельгии 1920–1930-х гг. оценивается в 8–10 тыс. человек⁴. Заметную роль в жизни русской колонии Бельгии сыграл князь Павел Борисович Щербатов (1871–1951) и его супруга, Анна Владимировна Щербатова (1879–1942), урожденная княжна Барятинская. В конце 1930-х гг. активно участвовал в деятельности российской диаспоры в Бельгии представитель дворянского рода Степановых, писатель и публицист Николай Филиппович Степанов (1886–1981). В эмиграции оказался и его отец – прокурор Московской синодальной конторы Ф.П. Степанов, приходившийся братом Михаилу Петровичу Степанову (1853–1917), одного из «наиболее доверенных сподвижников» великого князя Сергея Александровича⁵. После гибели последнего М.П. Степанов состоял при великой княгине Елизавете Федоровне⁶.

¹ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 32. Л. 71.

² Мнухин Л.А. «Между Парижем и Ниццей...»: русские эмигранты в городах Франции // «В рассеянии сущие...»: Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 15–16 февраля 2005). М., 2006. С. 11–22.

³ Там же.

⁴ Бранкарт Д.А. «Русский еженедельник в Бельгии» как источник по истории повседневности русской диаспоры в Бельгии в межвоенный период // История повседневности. 2021. № 4 (20). С. 48–64.

⁵ Черкасская Н.А., Софьин Д.М., Софьина М.В. Михаил Петрович Степанов: вхождение в ближний круг великого князя Сергея Александровича // Христианство на Ближнем Востоке. 2024. № 4. С. 73–97.

⁶ Софьин Д.М., Софьина М.В. Послужной список генерала М.П. Степанова как биографический источник // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VIII Международной научно-практической конференции, Витебск, 24–26 апреля 2025 г.: в 2 т. Витебск, 2025. Т. 2. С. 40–44.

После пребывания в Турции и Королевстве сербов, хорватов и словенцев с декабря 1923 г. в Бельгии вместе с семьей проживал Николай Александрович Пушкин (1885–1964), внук А.С. Пушкина, принадлежавший к московской ветви Пушкиных. В Бельгии Н.А. Пушкин состоял членом исторического кружка в Брюсселе и Союза русских дворян, пропагандировал творчество А.С. Пушкина, переводил его творчество на французский язык¹. Всего же после 1917 г. Россию покинуло 8 представителей рода Пушкиных (5 мужчин и 3 женщины), которые преимущественно обосновались в Европе². Кроме того, дворянская часть русской колонии Бельгии была представлена председателем РОКК и вице-председателем Российского Национального Объединения в Бельгии Н.А. Чебышевым, А.Н. Чебышевым, князьями Н.М. Девлет-Кильдеевым, М.А. Гагариным, композитором А.С. Ильяшенко, происходившего из потомственных дворян Екатеринославской губернии³, княжной З.А. Шаховской, бароном К.К. Буксгевденом и другими.

В Италии 1920-х гг. по различным источникам насчитывалось от 15 до 20 тыс. русских беженцев, но к 1930 г. их осталось всего около двух тысяч. Их оттоку способствовал ряд факторов: экономический упадок; господство католичества, негативно настроенного к православным; патриархально-провинциальная атмосфера Италии; замкнутость дореволюционной колонии русской знати, отстранившейся от массы беженцев⁴. Исследователь Русского зарубежья М.Г. Талалай отмечает, что во многом русскую диаспору в Италии первой половины XX в. представляла аристократия, обосновавшаяся там еще до Октября 1917 г.: графы Олсуфьевы, Бутурлины, Бобринские, князья Волконские, Демидовы Сан-Донато⁵. Среди дворян-эмигрантов было множество представителей дореволюционного дипкорпуса: Анатолий Николаевич и Василий Николаевич Крупенские; последний генеральный консул в Риме Г.П. Забелло; генеральный консул во Флоренции, граф

¹ Пушкины: генеалогическая энциклопедия / Институт общественной мысли; редакционный совет: Наумов О.Н. (ответственный редактор) [и др.]. М., 2020. С. 364–365.

² Там же. С. 10.

³ Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. Т. 3: И–К. М., 2001. С. 80.

⁴ Талалай М.Г. Российский некрополь в Италии. М., 2014. С. 10.

⁵ Там же.

И.А. Мусин-Пушкин; старейшина дипломатического корпуса в Риме М.Н. Гирс и другие. Заметную роль в жизни русской диаспоры в Италии сыграл внук декабриста С.Г. Волконского, князь Александр Михайлович Волконский (1866–1934), женой которого была фрейлина Е.П. Васильчикова, троюродная сестра княгини А.В. Щербатовой¹. В Италии обосновались петербургский губернский предводитель дворянства Александр Дмитриевич Зиновьев (1854–1931), княжна И.Ф. Юсупова, в браке графиня Шереметева. До 1924 г. там проживал выдающийся русский историк, действительный статский советник Е.Ф. Шмурло, продолжавший работу ученого корреспондента на собственные накопления².

Русская эмигрантская община в Англии не отличалась такими масштабами, как диаспоры стран континентальной Европы, однако она была одним из центров притяжения беженцев, приток которых увеличился после ликвидации сопротивления белого движения на Русском Севере. Некоторые современники оценивали их численность в 15 тыс. человек³, большая часть которых разместилась в Лондоне. В британской столице действовало множество организаций, среди которых был Русский клуб, созданный еще до революции, Общество взаимопомощи бывших военнослужащих, Общество северян, комитет трудовой помощи⁴, что облегчало и без того быстрый процесс ассимиляции⁵. О.А. Казнина отмечает, что русская колония в Англии в 1920–1930-е гг. была значимым центром политической активности беженцев⁶. При этом особую роль в политической и культурной жизни русской колонии Англии в 1920–1930-е гг. сыграли члены партий кадетов и октябристов, малочисленность которых компенсировалась «удельным

¹ Щербатов А.П., Криворучкина-Щербатова Л.Ф. Право на прошлое. М., 2005. С. 118.

² Ковалев М.В. Евгений Францевич Шмурло: русская итальянистика в эмиграции // Новая и новейшая история. 2016. № 1. С. 155–172.

³ Лебедев В. Мысли о русской эмиграции // Воля России. 1922. № 25. С. 8.; Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 522.

⁴ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 525.

⁵ Странники поневоле. Воспоминания Елизаветы Родзянко, Марии Муравьевой и Ольги Толстой. М., 2020. С. 129.

⁶ Казнина О.А. Русские в Англии: Из переписки Е.В. Саблина // Россия в США: Сборник. М., 2001. С. 161–185.

весом некоторых из них»¹. В начале 1920-х гг. ими были, прежде всего, лидеры кадетской партии П.Н. Милюков и В.Д. Набоков, которым примыкали общественно-политический деятель и публицист А.В. Тыркова-Вильямс, инженер и экономист М.В. Брайкевич, внесенный в III часть родословной книги Черниговского дворянства². Кроме того, дворянская часть диаспоры в Англии была представлена сыновьями А.Д. Зиновьева: штабс-ротмистром лейб-гвардии Конного полка Андреем Александровичем, председателем РОКК и вице-председателем Собрания акционеров Англо-Русского Спортивного клуба Дмитрием Александровичем³ и камер-юнкером Львом Александровичем. Женой Д.А. Зиновьева являлась Елизавета Дмитриевна Зиновьева (1892–1982), урожденная княжна Голицына, сестра князя А.Д. Голицына, одного из основателей «Союза 17 октября». В Англии значительный период времени после 1917 г. проживал один из богатейших подданных императорской России, происходивший от рода Рюрика, от князей Ростовских, князь С.К. Белосельский-Белозерский с сыновьями, военно-медицинский деятель и потомственный дворянин Киевской губернии В.Б. Гюббенет, граф П.Н. Игнатъев, бывший министр земледелия А.А. Риттих, последний министр финансов Российской империи П.Л. Барк и другие.

Представителями русской колонии 1920–1930-х гг. в Великобритании были и члены Дома Романовых. Среди них великий князь Михаил Михайлович (1861–1929), внук Николая I, женившийся морганатическим браком на графине Софии Николаевне Меренберг (1868–1927), внучке А.С. Пушкина. Вместе с ними там же обосновались и их дети: графини Анастасия Михайловна и Надежда Михайловна де Торби, граф Михаил Михайлович, известный в Англии художник и коллекционер. Периодами в Англии проживали великий князь Дмитрий Павлович, князь императорской крови Дмитрий Александрович с супругой, которые в 1930-е гг. оказывали покровительство Союзу младороссов⁴.

¹ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 526.

² Милорадович Г.А. Родословная книга Черниговского дворянства. Т. 2. Ч. 3–6. СПб., 1901. С. 32.

³ Русские в Англии // Русский в Англии. 1936. № 2. С. 3.

⁴ Там же.

В США крупнейшими городами сосредоточения русской диаспоры были Нью-Йорк, Сан-Франциско и Лос-Анджелес, а 1920–1930-е гг. связаны с новым этапом ее жизни, вызванного увеличением числа бывших подданных Российской империи после завершения Гражданской войны. При этом на социально-культурное своеобразие и общественно-политический спектр диаспоры влияло наличие многочисленной и неоднородной дореволюционной колонии. Согласно сведениям иммиграционной и натурализационной службы Департамента юстиции США в межвоенный период в Америку прибыло около 63 тыс. русских беженцев, большая часть которых переехала до 1931 г.¹ В 1920–1930-е гг. интеграция российских беженцев в чуждый социально-культурный мир Америки проходила с большими психологическими нагрузками, обусловленных столкновением с феноменом «американской цивилизации» и неприятием ряда черт американского общества². Затронуло это и дворян, что демонстрируют письма Л.М. Савелова, переехавшего в США в 1937 г. к младшей дочери Вере. Об Америке он писал так: «К здешней жизни европейцу нужно время, чтобы привыкнуть ко всему»³. Среди недостатков США Л.М. Савелов выделял высокие цены на все группы товаров, значительные налоги и «невероятную большевистскую агитацию», которая проводилась на выборах 1937 г. в штате Нью-Йорк и стала возможна в силу деятельности сочувствовавшего большевикам Ф.Д. Рузвельта. Несмотря на неприятие «невоспитанности и некультурности» американцев, особенностей городской застройки и ритма жизни Нью-Йорка, Л.М. Савелов отмечал ряд позитивных аспектов устройства американской жизни: высокую оплату труда, комфорт и удобства жизни, которыми могли пользоваться все⁴. Общие оценки действительности США Л.М. Савеловым схожи с оценками его дочери, которая также отмечала нетипичные для европейцев особенности культуры страны⁵.

¹ Селезнева Т.В. Русская эмиграция в Северной Америке (1920–1930) // Русское зарубежье. 2016. № 5. С. 160–173.

² Воробьева О.В. Русская Америка в XX веке: историко-культурный аспект. М., 2010. С. 16.

³ ГАРФ. Ф. Р-6091. Оп. 1. Д. 69. Л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Наумов О.Н. Америка глазами русского дворянина: письма Л.М. Савелова Н.М. Михайлову // Головинский генеалогический альманах. 1996. № 1. С. 15–17.

Солидарен с Л.М. Савеловым в вопросе условий труда беженцев был лейтенант флота Г.А. Мейерер, выходец из остзейских дворян, писавший полковнику Генштаба Г.И. Дементьеву о высокой оплате труда в США в сравнении с другими странами. Так, средний еженедельный доход русских составлял 20–25 долларов, из которых 6–7 уходило на оплату жилья, а 1,5–2 приходилось тратить на еду ежедневно¹. Кроме того, Г.А. Мейерер подчеркивал значительную фиксацию американцев на вопросах финансового порядка², что также соответствует оценкам Л.М. Савелова³.

Среди представителей русских колоний в США в 1920–1930-е гг. были выходцы из следующих дворянских родов: графы Берг, Бодиско, Бутурлины, Вадковские, Голохвастовы, Дитмары, Лесли, Леховичи, Пузины, князья Оболенские, графы Толстые, Фуллон, Шуваловы, князья Щербатовы и другие. Большая их часть находилась в городах Восточного побережья и Среднего Запада США. Весомый вклад в консолидацию дворян русской колонии Америки, развитие генеалогии и общественно-политической жизни эмиграции 1920–1930-х гг. внесли представитель великого князя Кирилла Владимировича в США, один из инициаторов создания Союза российских дворян в Америке Василий Васильевич Вадковский (1876–1941), Николай Дмитриевич Плешко (1886–1959), бывший паж Высочайшего двора, полковник лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, активно включившийся в дворянское движение в эмиграции после 1917 г.⁴, общественный деятель и выходец из дворян Харьковской губернии Борис Львович Бразоль (1885–1963), бывший гласный Петербургской городской думы, камергер Александр Константинович Бодиско (1869–1946), сын секретаря российского посольства в США К.А. Бодиско, полковник лейб-гвардии Егерского полка и потомственный дворянин Ярославской губернии Георгий Владимирович Голохвастов (1882–1963), граф Борис Георгиевич Берг (1884–1953), дворянин Лифляндской губернии⁵, и

¹ ГАРФ. Ф. Р-5763. Оп. 1. Д. 7. Л. 58–59 об.

² Там же.

³ ГАРФ. Ф. Р-6091. Оп. 1. Д. 69. Л. 1.

⁴ Наумов О.Н. Геральдика в историко-генеалогическом журнале «Новик» (1948–1963 гг.) // Гербовед. 1997. № 15. С. 69–74.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.

корнет Андрей Спиридонович Толстой (?–1965), внук русского историка, товарища обер-прокурора Святейшего синода, сенатора Юрия Васильевича Толстого (1824–1878)¹.

В Китае российская эмиграция сосредоточилась на территории Маньчжурии в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) с центром в Харбине и в Шанхае, самом европейском городе страны. Согласно оценке Г.В. Мелихова, общая численность русских беженцев в Китае 1920–1930-х гг. могла достигать 400 тыс. человек². В то же время существуют оценки в 76–135 тыс. человек³. Во многом российская эмиграция в Китае была представлена личным составом Сибирской армии адмирала А.В. Колчака⁴ и участниками антибольшевистского движения на Дальнем Востоке – доля военнослужащих достигала до 50% от общего числа российских беженцев⁵. Специфика проживания российской диаспоры в Китае определялась чуждой языковой средой, существенными социально-политическими, религиозными, культурными и этническими различиями, которые затрудняли интеграцию беженцев в социальную среду страны-реципиента. Не способствовало их интеграции и отсутствие единого политического и правового поля в Китае⁶, а также многочисленные военные конфликты на его территории. Относительная близость советской границы, высокий процент военных среди беженцев и политическая нестабильность Китая

¹ Малафай М.С. Союз русских дворян в Америке в 1930-е гг. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей Международной научно-практической школы конференции молодых ученых (22–25 октября 2024 г.). М., 2024. С. 344–350.

² Чжан Цзунхуа, Цзян Яньхун, Хань Вэньсюань. Русская дворянская эмиграция в Китае после Октябрьской революции // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5. С. 331–341.

³ Там же.

⁴ Турыгина Н.В. Русская колония во Франции (24 января 1941 г.) перевод с французского, публикация и комментарии // Stud. Slav. Balc. Petrop. SSBP Петербургские славянские и балканские исследования. 2016. № 1 (19). С. 46–81.

⁵ Аурилене Е.Е. Русские эмигранты в Китае: особенности адаптации (1920–1930-е гг.) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 391–405.

⁶ Там же.

способствовали организации эмигрантами в 1920–1930-е гг. многочисленных антисоветских акций, установить точное число которых затруднительно¹.

В Маньчжурии российская эмиграция разделялась на «старых», осевших в регионе при монархии, и «новых» поселенцев, которые прибыли после Октября 1917 г., что дополняло разнородность российских беженцев в Китае по социальному составу и политическим взглядам², а также облегчало процесс адаптации последних. По мнению Е.Е. Аурилене, можно утверждать, что к середине 1930-х гг. в Маньчжурии сформировалась устойчивая национальная община русских, которые составляли одну из основных национальных групп наряду с японцами, корейцами, маньчжурами и китайцами³. В 1922 г. численность русских беженцев в Харбине составляла около 155 тыс. человек, но в 1924 г. сократилась до 58 559 человек⁴.

Хотя Китай и не стал центром дворянского движения Русского Зарубежья 1920–1930-х гг., как Франция и США, на его территории нашли приют дворяне из многих губерний бывшей Российской империи. Главой русской эмиграции на Дальнем Востоке был генерал-лейтенант, один из лидеров белого движения и представитель великого князя Николая Николаевича на Дальнем Востоке Дмитрий Леонидович Хорват (1858–1937), потомственный дворянин Херсонской губернии, с 1924 г. возглавлявший отдел РОВС в Китае. На Д.Л. Хорвата возлагалось ведение переговоров «со всеми иностранными государствами, заинтересованными на Дальнем Востоке», а его усилиями было объединено более 70 церковных организаций, союзов и обществ русских беженцев⁵. Маньчжурский отдел Корпуса императорской армии и флота с центром в Харбине, сформированного в 1929 г. и

¹ Аурилене Е.Е. Российская эмиграция в Маньчжурии: инерция гражданской войны (1920–1940-е гг.) // Новое прошлое. 2023. № 4. С. 47–63.

² Мелихов Г.В. Русская эмигрантская печать как источник по истории адаптации эмигрантов в Китае // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. М., 1997. С. 96–105.

³ Аурилене Е.Е. Русские эмигранты в Китае: особенности адаптации (1920–1930-е гг.) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 391–405.

⁴ Чжан Цзунхуа, Цзян Яньхун, Хань Вэньсюань. Русская дворянская эмиграция в Китае после Октябрьской революции // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5. С. 331–341.

⁵ Поручение ген. Хорвату // Возрождение. 1928. № 980. С. 5.

конкурировавшего с РОВС, возглавил генерал Владимир Александрович Кислицын (1883–1944), потомственный дворянин Киевской губернии и один из ключевых деятелей русской военной эмиграции в Китае. Заметное место в жизни русской колонии Харбина занимал юрист, общественно-политический деятель и потомственный дворянин Киевской губернии Георгий Константинович Гинс (1887–1971) и его коллега В.В. Энгельфельд. В 1920–1929 гг. в Харбине с семьей проживал надворный советник Николай Сергеевич Лопухин (1879–1952), сын сенатора С.А. Лопухина, затем покинувший Китай из-за внутриаполитических изменений¹. В 1920 г. в Харбин перебрался известный композитор Сергей Сергеевич Аксаков (1891–1968), представитель уфимско-самарской ветви древнего дворянского рода. До 1928 г. он преподавал в Харбинской высшей музыкальной школе им. А.К. Глазунова, а в 1929 г. переехал в Шанхай, где с февраля 1930 г. стал членом Русского юридического общества². В 1920–1930-е гг. в Харбине и Шанхае также жил другой представитель рода – Константин Сергеевич Аксаков (1888–1950)³. После 1917 г. в Маньчжурии остались проживать представители русского дворянского рода Абаза: инженер Б.А. Абаза и его сыновья – И.Б. Абаза и А.Б. Абаза, известный композитор и музыкальный педагог. К дворянам принадлежали и некоторые русские исследователи-эмигранты, подготовивших фундамент для создания археологической школы на севере Китая⁴. В их числе председатель Клуба естествознания и географии Христианского союза молодых людей Э.Э. Анерт, археолог В.Я. Толмачев и составившие первую карту исторических периодов Маньчжурии П.В. Шкуркин и А.М. Баранов. Также к дворянству русского Харбина относились доктор медицины, барон Р.А. Бенингсгаузен-Будберг, дворянин Тверской губернии Д.Н. Бодиско, владевший популярным книжным собранием Харбина⁵, генерал-лейтенант и дворянин Могилевской губернии А.В.

¹ Сергей Алексеевич Лопухин – его семья и потомки до и после 1917 года. М., 2022. С. 67.

² Аксаковы: семейная энциклопедия / [редкол.: Каштанов С.М. (отв. ред.) и др.]. М., 2015. С. 60–62.

³ Там же. С. 476.

⁴ Хисамутдинов А.А. Русские археологи-эмигранты в Китае // Археологические вести. 2013. Вып. 19. С. 278–283.

⁵ Хисамутдинов А.А. Библиотечная история Харбина // Библиосфера. 2013. № 3. С. 11–17.

Бордзловский, княгиня Л.Н. Горчакова, урожденная Мусина-Пушкина, журналист Н.Н. Дворжицкий, князья Гантимуровы: Александр Диодорович, Виктор Федорович, Владимир Иннокентьевич, Николай Петрович, Святослав Диодорович¹. В силу тяжелых условий жизни русских беженцев в Харбине 1920-х гг., представители дворянской эмиграции стремились найти убежище на Филиппинах, в странах Европы, Японии, Австралии, США². Кардинальным образом жизнь российской эмиграции в Маньчжурии изменилась после оккупации региона Японией. Стремясь сформировать у беженцев привычку подчиняться оккупационным порядкам, японские власти навязывали им новые церемонии и правила поведения – в регионе усилилась цензура, фактически прекратилась деятельность русских образовательных учреждений³, что наряду с другими социально-экономическими факторами увеличило отток беженцев из Маньчжурии.

Из Маньчжурии часть дворян-эмигрантов предпочитала перебраться на юг Китая – в Шанхай, где большинство из них обосновалось на его французской территории⁴. При этом их положение там носило противоречивый характер. Проживавшие в Шанхае европейцы и американцы ставили себя выше выходцев из России и азиатских стран и не относили их к «белому» населению города⁵. В то же время, в отличие от других регионов Китая, существовала возможность быстрой экономической и культурной интеграции, чему способствовал либеральный режим Французской концессии и Международного селтльмента⁶. В результате прибытия эскадр адмирала Г.К. Старка и генерала Ф.Л. Глебова в Шанхай в 1922–1924 гг.

¹ Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Биобиблиографический словарь. Владивосток, 2000. С. 84–85.

² Чжан Цзунхуа, Цзян Яньхун, Хань Вэньсюань. Русская дворянская эмиграция в Китае после Октябрьской революции // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5. С. 331–341.

³ Аурилене Е.Е. Русские эмигранты в Китае: особенности адаптации (1920–1930-е гг.) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 391–405.

⁴ Чжан Цзунхуа, Цзян Яньхун, Хань Вэньсюань. Русская дворянская эмиграция в Китае после Октябрьской революции // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5. С. 331–341.

⁵ Селиверстова Ю.А. Иллюзия и реальность: шанхайское общество 20-40-х гг. XX в. // Взаимодействие мировых цивилизаций: история и современность: Сборник статей участников XII Московской научной конференции. М., 2012. С. 195–209.

⁶ Аурилене Е.Е. Русские эмигранты в Китае: особенности адаптации (1920–1930-е гг.) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 391–405.

численность русской колонии увеличилась до 6 тыс. человек, а к середине 1930-х в городе проживало свыше 20 тыс. русских беженцев¹. В 1930-е гг. притоку беженцев способствовала относительная безопасность жизни в Шанхае, который российские эмигранты именовали «островком мира в море войны»². Одним из ключевых деятелей российской эмиграции в Шанхае был потомственный дворянин Виктор Федорович Гроссе (1869–1931), Генеральный консул в Шанхае в 1911–1924 гг., председатель Эмигрантского комитета и Юридического общества в Шанхае. В 1920-е гг. В.Ф. Гроссе стал негласным представителем русской колонии Шанхая³, который пользовался большим авторитетом у иностранной колонии города и китайских властей⁴. В Шанхае проживала его жена Э.П. Гроссе, урожденная Ливен, и их дети: Анна, Елизавета, Лев и Аристид, ставший известным американским физиком. Фактическим лидером российской военной эмиграции в городе был начальник Дальневосточного отдела РОВС в Шанхае, потомственный дворянин Санкт-Петербургской губернии Михаил Константинович Дитерихс (1874–1937). У истоков дворянского движения русской колонии Шанхая стояли генерал-майор Андрей Иванович Исаков (1865–1940), потомственный дворянин Курской губернии, и лейтенант Анатолий Освальдович Пикель (Пиколь) (1890–1973), дворянин Ковенской губернии, при участии которых начал свою деятельность Дальневосточный отдел Союза русских дворян за границей⁵. Капитан 2-го ранга М.С. Бутурлин, брат активного участника дворянского движения С.С. Бутурлина и член Комитета старшин кают-компаний в Шанхае, проживал в Пекине и Шанхае с супругой – И.А. Бутурлиной, урожденной баронессой Фитингоф-Шель.

Вне зависимости от страны-реципиента перед дворянами-эмигрантами, как и всеми русскими беженцами, неизбежно вставал вопрос социализации, которая отличалась в зависимости от региона их пребывания. Ключевыми проблемами

¹ Аурилене Е.Е. Русские эмигранты в Китае: особенности адаптации (1920–1930-е гг.) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 391–405.

² Дроздов М., Черникова Л. Русский клуб в Шанхае, его прошлое и настоящее // Проблемы Дальнего Востока: Научный и общественно-политический журнал. 2001. № 5. С. 131–137.

³ За рубежом // Возрождение. 1930. № 1703. С. 5.

⁴ Шаронова В.Г. Некрополь русского Шанхая. М., 2013. С. 150–153.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 22. Л. 122.

социализации «русских изгнанников» являлось определение их правового статуса, решение языкового вопроса, организация образовательной деятельности, а также поиск средств к существованию, без которых в эмиграции осталась значительная часть аристократии¹. Особенно уязвимыми перед вызовами эмиграции оказались престарелые дворяне, материальное положение которых значительно ухудшалось в 1930-е гг. Весьма точно их положение отразил обращавшийся в 1937 г. к дворянской эмиграции с просьбой о материальной помощи К.С. Яхонтов, писавший следующее: «И вот с 1922 г. мне пришлось здесь (в Польше) вести жизнь, к которой я не был ни рожден, ни воспитан, ни подготовлен! Жизнь необеспеченную, жизнь без завтрашнего дня, жизнь без надежды»².

При этом идеи активной ассимиляции нередко встречали сопротивление среди дворян, так как многие из них рассматривали пребывание за границей временным и рассчитывали на скорейшую смену власти в России. Так, в 1920 г. В.Л. Бурцев утверждал, что приближение большевиков к «своему естественному концу» в России неизбежно³. Схожую точку зрения о будущем советской власти в первой половине 1920-х гг. разделяла значительная часть дворян-эмигрантов, в результате чего сформировалась концепция, которую точно сформулировал один из лидеров партии кадетов, князь П.Д. Долгоруков: «Беженцы не смотрели на себя как на эмигрантов, надеясь скоро вернуться на родину»⁴. Вопреки росту численности «пессимистов» к середине 1920-х гг., не желавших «раздражать себя напрасными ожиданиями» и рекомендовавших «не возбуждать излишних надежд», сохранялась часть беженцев, которые по-прежнему не причисляли себя к «эмигрантам»⁵.

Расширение международного признания СССР де-юре и реализация политики НЭПа способствовали популяризации идей о возвращении в Россию и

¹ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 521.

² ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 32. Л. 50–51.

³ Съезд общественных деятелей // Общее дело. 1920. № 70. С. 1.

⁴ Долгоруков П.Д. Дополнительные русские национальные учебные курсы для русских беженских детей в иностранных школах // Вестник Русского национального комитета. 1923. № 3. С. 14–20.

⁵ С новым годом // Последние новости. 1926. № 1748. С. 1.

появлению в эмиграции таких мыслей: «Не пора ли “принять создавшееся положение”? Не пора ли влиться в строительство “новой России”? Ведь коммунисты несомненно “эволюционируют”...»¹ Кроме того, в 1920-х гг. СССР активно предпринимал попытки возвращения представителей эмиграции для вовлечения их в экономическую жизнь советского государства и устранения потенциальной политической угрозы, примером чего является рассылка предложения вернуться в Россию в 1924 г., согласно которому, желавшие стать «возвращенцами» должны были сообщить об этом в заявлении, переданном в советские консульства с 1 августа по 1 октября, или в обязательном порядке сообщить о факте пребывания за пределами СССР под угрозой «на вечные времена» лишиться русских паспортов². По мнению М.В. Назарова, в возвращенческих настроениях эмигрантов была «смесь трезвой оценки Запада, утопизма в отношении своих возможностей в СССР (в чем их обнадеживала советская агентура) и нравственного компромисса в отношении большевиков»³. Несмотря на указанные причины, большая часть эмиграции 1920-х гг. трактовала идеи возвращенства как «безоговорочную капитуляцию перед большевиками»⁴, борьба с которыми была возможна лишь в свободных условиях за пределами границ деятельности советской власти⁵. Это подтверждается числом возвратившихся в 1921–1931 гг., которое оценивается в 181 тыс. человек⁶. Таким образом, дальнейшая эмиграция меняла концепцию пребывания русских беженцев в страны-реципиентах.

Урегулирование правового статуса беженцев являлось первым шагом на пути их адаптации и ассимиляции. Первая половина 1920-х гг. было временем изменения гражданского статуса представителей Русского Зарубежья, составлявших в странах-реципиентах «особую категорию иностранцев, к которым трудно было

¹ Эволюционируют ли коммунисты? // Русский колокол. 1929. № 7. С. 60–63.

² Борьба с эмиграцией // Русская газета. 1924. № 98. С. 2.

³ Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Т. 1. М., 1994. С. 226.

⁴ С новым годом // Последние новости. 1926. № 1748. С. 1.

⁵ Мы требуем понимания // Русский колокол. 1927. № 1. С. 41–46.

⁶ Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Окорочков; [Гл. ред. А.А. Бондарев]. М., 2001. С. 209.

применить обычно практикующиеся принцип взаимности либо национальный режим»¹. Они становились апатридами – лицами без гражданства, так как после революции 1917 г. с правовой точки зрения больше не являлись подданными Российской империи, а признание РСФСР (СССР) растянулось на годы. Декрет от 13 ноября 1925 года Совнаркома и Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР «О лишении гражданства СССР бывших военнопленных и интернированных солдат царской и Красной армии, а также амнистированных лиц, которые служили в белых армиях, и участников контрреволюционных выступлений, которые находятся за границей и пропустили срок регистрации» стал развитием Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 15 декабря 1921 года «О лишении права гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей»² и окончательно закрепил положение русских беженцев в статусе лиц без гражданства. Кроме того, вопрос их правового статуса обострялся в силу распространения признания советского государства³, что вело и к изменению отношения к русской диаспоре со стороны представителей государственной власти стран-реципиентов, установивших дипломатические отношения с СССР (РСФСР), правовую природу которого дворянская часть эмиграции зачастую не признавала. В эмигрантской прессе государственность СССР получила следующую характеристику: «Не обладая устойчивостью современного государства, СССР естественно, конечно, не обладает и международно-правовой личностью. Великий народ попал в плен к коммунистам-интернационалистам, лишившим его того положения, которое он занимал в Европе, более того, создавшим такую такое невиданное «государство», которое гораздо более напоминает интернационалистический проходной двор, нежели нормальное современное государство»⁴.

¹ Рудковская М.М. Русская военная эмиграция в Тулоне в 1920–1930-е гг.: проблемы адаптации и интеграции: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2016. С. 114.

² Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 15 декабря 1921 года «О лишении права гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей» // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 1. Ст. 11.

³ Игнатъев А.А. Беженское представительство // Последние новости. 1924. № 1280. С. 2.

⁴ Юридическая природа СССР // Последние новости. 1924. № 1222. С. 1.

В подобных условиях вопрос международно-правовой защиты русских беженцев становился острее и требовал определенного решения. В результате деятельности Межправительственной конференции под эгидой Лиги Наций, прошедшей в Женеве в июле 1922 г., было сформулировано определение понятия «русский беженец», которым признавался человек «русского происхождения, не принявший никакого другого подданства»¹. Позже им считалось «всякое лицо русского происхождения, не пользующееся покровительством правительства СССР и не приобретшее другого подданства»². Представители Юридической комиссии Лиги Наций подчеркивали, что «правовой вопрос русских беженцев не только вопрос юридический, но по преимуществу политический»³. Более значимым результатом деятельности конференции стало утверждение удостоверения личности эмигранта, которое известно как «нансеновский паспорт». Он признавался странами-реципиентами при условии, что беженец выполнял ряд требований, среди которых соблюдение законодательства страны пребывания, наличие документов, подтверждавших статус эмигранта и удостоверяющих его личность⁴. Как правило, нансеновский паспорт выдавался сроком на один год с возможностью дальнейшего продления, а условия его получения зависели от конкретного государства.

При этом среди дворян-эмигрантов было распространено отрицательное отношение к Лиге Наций, «существование симпатий к которой среди общего числа беженцев находилось под большим вопросом»⁵. Так, деятели образованного в июне 1921 г. Русского национального комитета, среди которых были такие дворяне-эмигранты, как В.Л. Бурцев, М.М. Федоров, Н.В. Тесленко, А.В. Тыркова-Вильямс, Б.Н. Неандер, направили обращение активному идеологу Лиги Наций

¹ Лагодзинская Ю.С. Русская эмиграция и становление правового статуса беженцев // Вопросы российского и международного права. 2012. № 3–4. С. 132–144.

² Таубер Л.Я. Лига Наций и юридический статус русских беженцев. Белград, 1933. С. 16.

³ Руль. 1923. № 911. С. 2.

⁴ Лагодзинская Ю.С. Русская эмиграция и становление правового статуса беженцев // Вопросы российского и международного права. 2012. № 3–4. С. 132–144.

⁵ Малафай М.С. Масонский вопрос в кругах русской дворянской эмиграции 1920–1930-х гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXIII Междунар. науч. конф., Иваново, 27–28 марта 2024 г. Иваново, 2024. С. 420–425.

лорду Роберту Сесилю по вопросу деятельности ее Верховного комиссара Ф. Нансена. С их точки зрения, последний психологически и практически неправильно подошел к решению «беженской задачи», в результате чего с его именем «связалось одно из самых одиозных в беженских кругах понятий – репатриация»¹, грозившая вернувшимся в СССР политическими репрессиями. В обращении сообщалось, что в русском отделе Лиги Наций не было ни одного полноправного представителя русских беженцев, интересы которых должен был защищать Верховный комиссар по беженцам, а намерения Лиги Наций им помочь оказались «мертвой буквой», за исключением поездки британского государственного деятеля Сэмюэля Хора в Константинополь, где назначенные им сотрудники оказали материальную и моральную поддержку переселенцам из России. Совмещение в лице Верховного комиссара Ф. Нансена «заступника за Советы и за эмиграцию» считалось невозможным и неприемлемым, а реализация помощи русским беженцам со стороны Лиги Наций считалась возможной только в случае, если ее главой стал бы человек, который не был связан «узами дружбы с московскими коммунистами»².

Л.В. Климович утверждает, что факт принятия иностранного гражданства беженцами сдерживался как их субъективным ощущением причастности к Русскому Зарубежью, так и объективными обстоятельствами, среди которых, например, требования стран-реципиентов к потенциальным гражданам³. В исследовании она придерживается вывода И.В. Сабенниковой, согласно которому массовой натурализации представителей русской диаспоры препятствовали следующие причины: 1) иностранное гражданство выступало «привилегией, предоставляемой государством индивиду за определенные заслуги»; 2) во многих беженских группах было сильно «чувство национальной лояльности к стране

¹ Обращение Русского Национального Комитета в Лондон к Лорду Роберту Сесилю по вопросу о деятельности Комиссара Лиги Наций, Ф. Нансена // Вестник Русского национального комитета. 1923. № 4. С. 61–66.

² Там же.

³ Климович Л.В. Молодое поколение российской эмиграции в странах Европы в 1920–1930-е гг.: дис. ... докт. ист. наук. Ульяновск, 2022. С. 125.

происхождения», что «делало правительства, предоставляющие гражданство, осторожными в отношении будущей верности беженцев, надеющихся вернуться на свою родину»¹.

Соглашаясь с данными утверждениями и учитывая их, необходимо заметить, что фактор субъективности в вопросе принятия дворянами иностранного гражданства или подданства был ощутимее, чем у представителей иных социальных групп Русского Зарубежья. З.С. Бочарова отмечает, что со второй половины 1920-х гг. все больше русских беженцев стало проходить процедуру натурализации, которая могла обеспечить трудоустройство и более успешную социальную мобильность и адаптацию беженцев². М.М. Рудковская, приведя статистику временных видов на жительство, выданных русским беженцам в г. Тулоне в 1927–1939 гг., продемонстрировала, что пик получения французских документов пришелся на конец 1920-х гг., а именно 1927 г.³, что демонстрирует стремление беженцев к натурализации. Примечательно, что высокий темп перехода беженцев во французское гражданство сохранился и в 1928 г., а доля натурализаций русских в 1926–1931 гг. была выше, чем среди всех иностранцев в целом⁴.

При этом среди дворянства, как правило, наблюдалось негативное отношение к натурализации, что было обусловлено сословным самосознанием и стремлением сохранить правовую связь с Россией. Это иллюстрирует рассмотрение вопроса о допустимости участия в деятельности Союза русских дворян лиц, принявших иностранное гражданство, 3 апреля 1927 г. на общем собрании объединения. После продолжительных прений в результате голосования было принято постановление, согласно которому решено было не ставить «никаких ограничений для русских дворян, принявших подданство в одном из лимитрофных государств или Югославии», так как этому способствовали неблагоприятные условия проживания,

¹ Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. М., Берлин, 2015. С. 82.

² Бочарова З.С. Особенности адаптации русской эмиграции 1920–1930-х годов // Русское зарубежье. 2017. № 6. С. 28–39.

³ Рудковская М.М. Интеграция русских эмигрантов во Франции в 1920–1930 гг.: правовой аспект // Вестник БГУ. 2019. № 1 (39). С. 117–121.

⁴ Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 гг.). М., 2014. С. 225.

в которых находилось русское дворянство в странах Балтии, и возможность сохранения прежнего русского подданства при переходе в подданство Королевства СХС¹. В отношении дворян, перешедших в иностранное подданство других государств, было принято решение, согласно которому вопрос «о приеме их в члены Союза, или об оставлении их в дальнейшем членам Союза», в каждом отдельном случае рассматривался советом союза с учетом «всех конкретных обстоятельств», которые вызвали начало процесса натурализации дворян. Данное постановление было введено в наказ Союза (ст. 10), однако небольшая часть членов Союза находила «его слишком мягким и снисходительным по отношению к такому акту, которым, ради каких-либо материальных выгод, эмигрант порывал связь свою с родиной и от которого должны бы, во всяком случае, воздержаться лица, принадлежащие к дворянскому сословию»². Таким образом, в конце 1920-х гг. сословная и национально-культурная идентичность дворян-эмигрантов оказывала существенное влияние на их негативное отношение к натурализации, которая могла значительно упростить процесс дальнейшей адаптации беженцев и способствовать улучшению их социального положения.

Ближе к середине 1930-х гг. все больше дворян-эмигрантов задумывались о получении иностранного гражданства, что соответствует тенденции, характерной для всей эмиграции. Так, пребывавший во Французском Конго доктор Н.В. Шарбо д'Артуа (Шарбау) летом 1933 г. решился на процесс натурализации во Франции. С его точки зрения, из принятия французского гражданства он мог извлечь «преимущества полицейского характера», такие как свобода переезда из страны в страну и спокойствие пребывания во Франции³. Помимо прагматических факторов, к этому «очень трудному шагу» его подтолкнуло убийство президента Французской Республики Поля Думера русским эмигрантом П.Т. Горгуловым в мае 1932 г., так как последний, по словам Шарбо, «убил эмиграцию как национальное и

¹ Обзор деятельности С.Р.Д. за время с февраля 1927 г. // Вестник Союза Русских Дворян. 1931. № 2. С. 7–16.

² Там же.

³ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 3. Л. 7–8.

политическое образование»¹. Действительно, выстрел П.Т. Горгулова негативно отразился на репутации русской эмиграции не только во Франции, но и в остальной Европе, способствуя росту антиэмигрантских настроений, выразителями которых были, прежде всего, представители левых течений². Поэтому натурализация рассматривалась беженцами как способ избавления от вновь образовавшихся проблем в рамках адаптации и ассимиляции в странах-реципиентах. В то же время Н.В. Шарбо признавал, что натурализация являлась гражданской смертью по отношению к России³.

Наиболее уязвима с правовой точки зрения в 1920–1930-е гг. была российская эмиграция в Китае. «Соглашение об общих принципах урегулирования вопросов между Китайской Республикой и СССР», подписанное министром иностранных дел пекинского правительства Гу Вэйцзюнем и полномочным представителем правительства СССР в Китае Л.М. Караханом в 1924 г. с последовавшей советизацией некоторых регионов страны лишь усугубило ее положение⁴. В результате этого в 1920-е гг. урегулирование правового статуса беженцев сводилось к сохранению статуса апатрида, принятию советского или китайского гражданства. Сложившаяся ситуация расколола русских колонистов на тех, кто готов был сотрудничать с советской властью, и «непримиримых»⁵. При этом среди всей российской диаспоры Китая преобладали лица, находившиеся в статусе эмигранта⁶, сохранить который предпочитали и некоторые дворяне, что демонстрируют представители рода Гроссе. Имея практически недоступную для большинства беженцев в Китае возможность принять иностранное подданство, В.Ф. Гроссе сознательно сохранил статус апатрида, продемонстрировав свою солидарность с русскими беженцами⁷. Его сын, А.В. Гроссе, проживавший в Китае, Германии и

¹ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 3. Л. 7–8.

² Варшавский С. В защиту эмиграции // Возрождение. 1932. № 2561. С. 2.

³ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 3. Л. 7–8.

⁴ Наземцева Е.Н. Политико-правовое положение русских эмигрантов в Китае в китайско-советских отношениях 1920–1949 гг.: дис. ... докт. ист. наук. М., 2017. С. 167.

⁵ Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб., 2014. С. 5.

⁶ Поздняков И.А. Из Китая в Америку: историко-антропологический взгляд на русскую эмиграцию (1920–1950-е гг.). СПб., 2007. С. 102.

⁷ Шаронова В.Г. Некрополь русского Шанхая. М., 2013. С. 150–153.

США, также отказался от иностранного гражданства, проигнорировав поступавшие в 1920–1930-е гг. предложения¹.

Процесс натурализации дворян в США отличался от аналогичных практик в Европе и Китае. Так, в мае 1933 г. В.В. Вадковский сообщал П.П. Менделееву, что 9/10 членов Союза российских дворян в Америке приняли гражданство США, а остальные намеривались это сделать². Переехавший в 1923 г. в США полковник П.В. Данильченко в письме великому князю Гавриилу Константиновичу от 14 августа 1931 г. писал, что вступил в американское гражданство, так как испытывал трудности с трудоустройством³, которые обострились в период Великой депрессии. Разумеется, из этого правила были исключения, так как в США оказались и не желавшие ассимилироваться беженцы, для которых был свойственен изоляционизм, выражавшийся в их «правовом пуританизме»⁴. Это подтверждает биография отказывавшегося от вступления в гражданство США бывшего офицера Кавалергардского полка П.П. Зубова, который переехал в Нью-Йорк из Эстонии в 1930 г. по приглашению князя С.П. Оболенского⁵, ставшего гражданином США в 1932 г.⁶ Таким образом, вопрос сохранения правовой связи с императорской Россией был одним из проявлений сохранения сословной и национально-культурной идентичности дворян. При этом наблюдаются некоторые отличия в подходах к нему между дворянством в США, Китае и Европе. К середине 1930-х гг. процесс натурализации дворян-эмигрантов ускорился, но отличался в зависимости от уровня их благосостояния, возможности найти заработок, личных амбиций в вопросе построения карьеры в странах-реципиентах, наличию брака с гражданами иностранных государств и внешнеполитической конъюнктуры. Субъективное

¹ А. фон-Гроссе – русский // Возрождение. 1934. № 3391. С. 1.

² ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 24. Л. 97.

³ БФРЗ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 51. Л. 9–12.

⁴ Зацепина О.С., Ручкин А.Б. Русские в США. Общественные организации русской эмиграции в XX–XXI вв. Нью-Йорк, 2011. С. 22.

⁵ Куда уезжают русские из Эстонии // Вести дня. 1930. № 165 (1317). С. 1.

⁶ Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. Т. 5: Н–П. М., 2004. С. 189.

ощущение связи с родиной для значительной части дворянской эмиграции во второй половине 1930-х гг. уходило на второй план.

В изгнании российским беженцам приходилось вести борьбу за существование в условиях социально-экономической реальности, сформировавшейся в результате Первой мировой войны. При этом большая часть беженцев не смогла вывезти с собой часть своего имущества и покинула Россию «без всяких средств и перспектив, спасая свою жизнь, свободу и человеческое достоинство»¹. Касалось это в том числе и представителей богатейших родов императорской России, испытывавших, за небольшим исключением, нужду в изгнании. В числе уцелевших Романовых плохо обеспеченными оказались вдовствующая императрица Мария Федоровна, великие княгини Ксения Александровна, Ольга Александровна и Мария Павловна, великие князья Александр Михайлович, Борис Владимирович и Андрей Владимирович, князь императорской крови Гавриил Константинович. Некоторыми средствами располагал великие князья Дмитрий Павлович и Николай Николаевич, князь Ф.Ф. Юсупов. Подобная финансовая дифференциация распространялась и на других дворян-эмигрантов. Немало русских Лондона и Парижа на рубеже 1910–1920-х гг. жили «совсем не по-беженски», особенно руководившие там во время Первой мировой войны русскими заграничными финансовыми и военно-техническими учреждениями, к числу которых примыкали бывшие чины Министерства финансов в лице В.Н. Коковцова и П.Л. Барка². «Эмигрантское благополучие» обрели такие представители дворянства Орловской губернии, как камер-юнкер Высочайшего Двора Владимир Иосифович Новицкий (1890–1968)³ и Михаил Александрович Стахович (1861–1923), безбедно живший «за счет шампанского Яхт-клуба»⁴. О высоком уровне жизни до 1930 г., писал П.П. Менделеев, однако его материальное положение ухудшилось: он лишился места в Земгоре и был вынужден

¹ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 5. Л. 4–5.

² Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 518–522.

³ Там же.

⁴ Беннигсен Э.П. Записки. В 2-х томах. Т. 2. 1917–1955. М., 2018. С. 317.

корректировать «Историю конногвардейского полка», издававшуюся на средства великого князя Дмитрия Павловича¹. «Трудностями полуголодного существования» были задеты проживавшие в США Г.В. Голохвастов и С.С. Бутурлин², в Шанхае в нищете жил генерал-майор П.П. Жулебин³, испытывали проблемы с финансами С.С. Воейков, Л.М. Савелов, полковник П.В. Данильченко, писавший в 1939 г. полковнику Н.Н. Клембовскому о своем бедственном положении⁴. В Югославии «кое-как перебивались» председатель Старицкой управы В.Ф. Бухмейер, статские советники А.Н. Корсаков и Н.А. Унковский⁵. На рубеже 1920–1930-х гг. в крайней нужде протекала жизнь семей Н.Е. Марков⁶ и М.М. Родзянко⁷, а также многих других представителей дворянской эмиграции.

Материальные затруднения, свойственные значительной части дворян-эмигрантов, подталкивали беженцев к трудоустройству, которое в эмигрантских кругах рассматривалась как один из индикаторов успешности адаптации⁸. Представители знати, получившие хорошее образование и воспитание, знавшие несколько иностранных языков, зачастую были неприспособленными к жизни в новых условиях, не умели «делать дела и зарабатывать на жизнь»⁹. Поиск работы для дворян-эмигрантов помимо таких свойственных для всех категорий беженцев факторов, как существовавшие правовые ограничения стран-реципиентов на трудоустройство для иностранцев и конъюнктуры на рынке труда, осложнялся еще и тем, что большинство из них не было приспособлено к физическому труду в отличие от некоторых других социальных групп беженства. Так, большинство

¹ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 598–602.

² ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 24. Л. 16–17 об.

³ Шаронова В.Г. Некрополь русского Шанхая. М., 2013. С. 186.

⁴ БФРЗ. Ф. 59. Оп. 1 Д. 6. Л. 1.

⁵ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 600.

⁶ Иванов А.А. Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб., 2023. С. 564.

⁷ Странники поневоле. Воспоминания Елизаветы Родзянко, Марии Муравьевой и Ольги Толстой. М., 2020. С. 133.

⁸ Бочарова З.С. Особенности адаптации русской эмиграции 1920–1930-х годов // Русское зарубежье. 2017. № 6. С. 28–39.

⁹ Странники поневоле. Воспоминания Елизаветы Родзянко, Марии Муравьевой и Ольги Толстой. М., 2020. С. 124.

казаков, оказавшись вне России, были задействованы в сельскохозяйственном производстве¹, что соотносилось с их хозяйственным родом деятельности в дореволюционный период. Землепашеством и скотоводством занимались проживавшие после 1917 г. в Китае и США старообрядцы².

Однако для выживания в эмиграции в условиях ограниченных возможностей найти подходящую интеллектуальную работу, дворянам-эмигрантам приходилось работать шоферами такси, официантами, полотерами³, заниматься иными видами физического труда. Например, о работе на ферме драматурга Н.Н. Сергиевского в США писал полковник П.В. Данильченко⁴. После он трудоустроился на завод авиаконструктора И.И. Сикорского в Стратфорде, штат Коннектикут, но из-за сокращений на рубеже 1920–1930-х гг. был вынужден вернуться для поиска работы в Нью-Йорк⁵. На предприятии И.И. Сикорского также работали такие активные деятели дворянского движения в США, как граф Б.Г. Берг и А.С. Толстой⁶. Зарабатывать на жизнь физическим трудом в различных формах были вынуждены светлейший князь А.Н. Лопухин-Демидов, князя Ю.А. Ширинский-Шахматов и С.А. Оболенский, генерал-майор П.А. Офросимов и многие другие представители дворянской эмиграции. Но даже в области неквалифицированного труда эмигранты могли столкнуться с острой конкуренцией. Это особенно было характерно для беженцев в Китае, где из-за обилия дешевой рабочей силы их шансы на трудоустройство существенно снижались⁷. При этом характерной чертой жизни диаспоры в Маньчжурии в начале 1920-х гг. была возможность получить работу на

¹ Ратушняк О.В. Казаки-эмигранты в Чехословакии в 1921–1939 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. № 5. С. 137–147.

² Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Северной Америке // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2011. № 1 (155). С. 64–74.

³ Странники поневоле. Воспоминания Елизаветы Родзянко, Марии Муравьевой и Ольги Толстой. М., 2020. С. 124.

⁴ БФРЗ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 51. Л. 9–12.

⁵ Там же. Л. 13.

⁶ Георгиевский праздник в Бриджпорте // Вестник монархиста. 1931. № 2. С. 11.

⁷ Мелихов Г.В. Русская эмигрантская печать как источник по истории адаптации эмигрантов в Китае // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. М., 1997. С. 96–105.

КВЖД, в числе служащих которой были такие дворяне-эмигранты Г.К. Гинс, полковник И.С. Ильин, генерал-майор Л.М. Адамович, В.А. Ивашкевич. Последняя за счет наличия рабочего места на КВЖД в 1920-е гг. смогла обеспечить материальное благополучие семьи¹.

Стоит заметить, что немалому числу дворян все же удалось найти интеллектуальную работу. Например, во Франции русские беженцы на фоне других эмигрантов отличались высокой долей лиц, занятых в сфере свободных профессий². Это подтверждают биографии таких заметных представителей дворянской эмиграции, как Г.А. Алексеев, граф П.А. Бобринский, А.С. Гершельман, Н.Ф. Иконников, Н.С. Лопухин, П.П. Менделеев, С.Н. Плаутин, князь С.М. Путятин, барон Б.Э. Нольде, князь В.А. Оболенский, А.С. Хрипунов и других. Кроме того, в эмиграции дворяне пытались вести предпринимательскую деятельность. Например, бывший тульский губернатор Михаил Михайлович Осоргин (1861–1939) во Франции в 1931 г. открыл рыбную копильню³, представитель старинного дворянского рода Федор Александрович Лодыженский (1877–1947) открыл ресторан, который стал местом притяжения для дворян в США⁴.

Во Франции в 1926 г. десятая часть русских беженцев была занята в сфере ремесленного производства, а в швейной промышленности преобладали выходцы из Центральной и Восточной Европы⁵. К рукоделию в эмиграции пришлось обратиться многим дворянкам. Изготовлением вышивки и кружев некоторое время занималась великая княгиня Мария Павловна, которой помогали ее муж – князь С.М. Путятин – и свекровь, княгиня Софья Сергеевна Путятина (1866–1940), урожденная Палтова. В 1921 г. великая княгиня Мария Павловна основала дом вышивки «Китмир», идея создания которого появилась еще до Первой мировой

¹ Кротова М.В. Вера Анатольевна Ивашкевич: дочь генерала, жена писателя // Люди и судьбы русского зарубежья. М., 2016. С. 116–133.

² Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 гг.). М., 2014. С. 154.

³ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 19. Л. 190.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.

⁵ Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 гг.). М., 2014. С. 149–151.

войны¹. Однако после развода великой княгини с супругом, дела предприятия «пошли много хуже»², поэтому «Китмир» был продан парижской фирме «Фитель и Ирель». До отъезда великой княгини Марии Павловны в США с ней сотрудничала и И.И. Менделеева, жена П.П. Менделеева. В «Китмире» она осуществляла закупки нужных материалов, а после закрытия дома вышивки занималась комиссионерством по продаже дамских платьев³. Свои Дома моды имели князь Ф.Ф. Юсупов с супругой, княгини М.С. Трубецкая и Л.П. Оболенская, О.Н. Эджертон, урожденная княжна Лобанова-Ростовская. Кроме того, дворянки занимались преподаванием. Например, княгиня Вера Петровна Трубецкая (1892–1968), урожденная Базилевская, вдова князя Н.С. Трубецкого, для заработка давала частные уроки и преподавала русский язык⁴, преподавали графиня С.В. Панина, Л.Э. Родзянко, урожденная Деопик, и другие. Некоторые дворянки, как и мужчины, были вынуждены заниматься менее престижным трудом. Так, М.М. Муравьева, внучка председателя Государственной думы III–IV созывов М.В. Родзянко, торговала зеркалами и работала прислугой⁵. Таким образом, можно утверждать, что незначительная часть дворянства смогла воспользоваться в эмиграции материальными преимуществами, которые были обусловлены их социальным положением до 1917 года. При этом анализ материального положения беженцев и особенностей их трудоустройства позволяет сделать вывод о деклассировании значительной части дворянской эмиграции. Несмотря на трансформацию социального статуса, многие дворяне в изгнании проявляли гибкость в трудовой адаптации, что позволило им восстановить приемлемый уровень жизни.

¹ Владин Л. Русские в эмиграции. У великой княгини Марии Павловны // Иллюстрированная Россия. 1927. № 6 (91). С. 10–11.

² Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 598–601.

³ Там же.

⁴ Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. Т. 6. Кн. 2: Скр–Ф. М., 2007. С. 473.

⁵ Странники поневоле. Воспоминания Елизаветы Родзянко, Марии Муравьевой и Ольги Толстой. М., 2020. С. 129.

Нередко успешному трудоустройству беженцев способствовало знание иностранных языков¹. Действительно, языковой вопрос для дворянства в эмиграции стоял не столь остро, как для представителей иных слоев Русского Зарубежья, так как дворяне, как правило, владели одним или несколькими иностранными языками. Например, Л.В. Гроссе хорошо знал английский, французский, немецкий и китайский языки². Однако были и ситуации, когда дворяне-эмигранты не знали национальные языки стран-реципиентов. Например, проживавший в Нью-Йорке В.В. Вадковский изначально не владел английским языком³, что осложняло его деятельность и в общественно-политических организациях эмиграции, так как даже она требовала коммуникации с американцами. По оценке князя П.Д. Долгорукова, отношение беженцев к изучению иностранных языков разнилось в зависимости от страны пребывания. Наиболее популярными изучаемыми языками были французский, немецкий, английский, а в меньшей степени беженцы интересовались финским, балтийскими и славянскими языками⁴. Изучение иностранных языков рассматривалось как составляющая просветительской деятельности, которая также являлась элементом социализации беженцев.

Актуальной на протяжении всех 1920–1930-х гг. в кругах эмиграции для большинства беженцев оставалась проблема поиска жилища: многие из них «снимали так называемые углы, жили по несколько человек в четвертушке или половине комнаты»⁵. Распространялось это правило и на представителей дворянской эмиграции. Так, историку права Е.В. Спекторскому в белградский период его жизни «приходилось снимать маленькие комнаты у хозяек, с которыми

¹ Странники поневоле. Воспоминания Елизаветы Родзянко, Марии Муравьевой и Ольги Толстой. М., 2020. С. 124.

² Черникова Л.П. «Землю под фундамент привезли с родины»: очерк истории генерального консульства России в Шанхае в 1890-е – 1927 гг. // Общество и государство в Китае. 2013. № 2. С. 186–210.

³ ГАРФ. Ф. Р-5763. Оп. 1. Д. 7. Л. 58–59 об.

⁴ Долгоруков П.Д. Дополнительные русские национальные учебные курсы для русских беженских детей в иностранных школах // Вестник Русского национального комитета. 1923. № 3. С. 14–20.

⁵ Косик В.И. Что мне до вас, мостовые Белграда? М., 2007. С. 29.

не всегда устанавливались доброжелательные отношения»¹. О своей жизни в тесноте писал и А.Н. Яхонтов, сообщавший в письме Марии Леонидовне Маклаковой (1874–1949), урожденной княжне Оболенской, следующее: «Очень надоело превращение собственного угла в прибежище для платных гостей, при которых приходится исполнять обязанности кухонного мужика, истопника и коридорного малого»². Небольшую двухкомнатную квартиру в пригороде Парижа снимали Н.М. Родзянко с супругой Л.Э. Родзянко³, урожденной Деопик. Выгодно отличалось от большинства беженцев положение дворян, которые могли себе позволить приобрести недвижимость в эмиграции или уже владели ею до 1917 года. Приобрести жилье смогли великий князь Борис Владимирович, князь Ф.Ф. Юсупов, владели недвижимостью за границей А.К. Бодиско, П.А. Половцов, княгиня М.В. Радзивилл⁴, урожденная Браницкая, многочисленные представители дипкорпуса императорской России и другие. Кроме того, сохранить недвижимое имущество удалось тем дворянам, которые до 1917 г. владели им на территории Польши, Бессарабии, Литвы и прибалтийских губерний Российской империи⁵.

Несмотря на тяжелые условия адаптации беженцев, жизнь русских диаспор сопровождалась заключением браков и созданием семей. При этом среди российских беженцев наблюдался демографический перекос. Например, согласно статистике, в 1924 г. из 7 тыс. человек, составлявших русскую колонию Шанхая, 4200 было взрослыми мужчинами⁶. В силу гендерной диспропорции из-за военного характера эмиграции наблюдался высокий процент неженатых⁷. В результате этого браки с иностранными гражданами стали закономерностью для российских беженцев и сопровождали, в том числе, и дворянскую часть диаспоры. Например,

¹ Климович Л.В. Молодое поколение российской эмиграции в странах Европы в 1920–1930-е гг.: дис. ... докт. ист. наук. Ульяновск, 2022. С. 142.

² БФРЗ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.

³ Странники поневоле. Воспоминания Елизаветы Родзянко, Марии Муравьевой и Ольги Толстой. М., 2020. С. 123.

⁴ Кшесинская М.Ф. Воспоминания. М., 1992. С. 338.

⁵ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 521.

⁶ Муниципальная статистика о русских эмигрантах // Зарубежная Русь. № 101. С. 4.

⁷ Климович Л.В. Молодежь российской эмиграции как социокультурный феномен: Королевство СХС и Югославия, 1920–1930-е гг. // Нансеновские чтения. СПб., 2019. С. 515–522.

тверской дворянин А.А. Вонсяцкий вступил в брак с американской миллионершей Мэрион Бакингом, чем во многом обеспечил свой успех в политической деятельности¹, князь С.М. Путятин после развода с великой княгиней Марией Павловной обручился с американкой Ширли Мэннинг, в браке с гражданами США состояли такие члены Союза российских дворян в Америке, как граф А.П. Лесли и В.С. Сомова². Браки с иностранцами способствовали ассимиляции беженцев и нередко укрепляли их социальный капитал, однако распространенность подобных союзов в диаспоре варьировалась в зависимости от региона пребывания. Например, в Великобритании русские беженцы чаще вступали в брак с британскими подданными, чем во Франции, где эмигрантская община оставалась достаточно однородной³. Союзы между выходцами из Российской империи в большей степени способствовали сохранению сословной и национально-культурной идентичности. Примерами служат браки старшего сына дворянского деятеля В.В. Вадковского и Н.Л. Пущиной⁴, Н.В. Вадковской – дочери В.В. Вадковского – и И.Л. Пущина⁵, графа В.М. Толстого и О.М. Родзянко, Л.Л. Зиновьева и С.П. Долгоруковой, дочери княгини С.А. Долгоруковой.

Особое место в культуре брачно-семейных отношений дворянской эмиграции занимал институт морганатического брака, который сохранял дореволюционные тенденции развития⁶. Морганатическим браком на американке Одри Эмери, принявшей православие с именем Анна, женился великий князь Дмитрий Павлович. Пожалуй, наиболее известным морганатическим браком стал союз великого князя Андрея Владимировича и М.Ф. Кшесинской, заключенный после официального разрешения великого князя Кирилла Владимировича. М.Ф.

¹ Базанов П.Н. Партия А.А. Вонсяцкого: Политическая и издательская деятельность // Общество и власть: Материалы Всероссийской научной конференции (июнь 2005 г.). СПб., 2006. С. 297–306.

² ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 26. Л. 2–19.

³ Multanen E. British Policy Towards Russian Refugees in the Aftermath of the Bolshevik Revolution. Ph.D. Thesis, University College London (UCL), The School of Slavonic and East European Studies, 2000. P. 261.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 24. Л. 71.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 26. Л. 2–19.

⁶ Панкрашин С.А. Морганатический брак в доме Романовых в XIX – начале XX вв.: от возникновения до кризиса // Клио. 2024. № 3 (207). С. 149–156.

Кшесинская отмечала, что бракосочетание было вызвано прежде всего обеспокоенностью положением ее сына Владимира, который после заключения брака становился законным сыном великого князя Андрея Владимировича¹. Стоит отметить, что вопрос именования детей, рожденных в морганатических браках с представителями Дома Романовых, поднимался в Русском историко-генеалогическом обществе во Франции. Отмечалось, что в отношении неравных браков наличие специального акта было «вопросом настоятельной важности» в силу значительного увеличения морганатических браков после 1917 г., которые, как правило, заключались согласно законодательству стран-реципиентов и невозможности обязательного распространения на них «Учреждения о Императорской Фамилии», входящего в раздел 2 «Свода основных государственных законов Российской империи»². В рамках обсуждения данного вопроса было решено, что рожденные в морганатическом браке получали право присоединять к своей фамилии княжеское, графское или баронское достоинство³. Кроме того, в Обществе рассматривался также вопрос, как при устных и письменных обращениях титуловать супругов и нисходящее потомство членов Императорской Фамилии, вступивших в брачный союз после революции⁴.

В эмиграции перед российской диаспорой встал вопрос воспитания и образования молодежи, которая должна была стать частью элиты после смены власти в России⁵. В крупнейших центрах Русского Зарубежья было открыто множество учебных заведений, ставших значимой частью народного образования в изгнании. Активное участие в становлении образовательной системы Русского Зарубежья принимали дворяне-эмигранты, которым в изгнании необходимо было создать «такие условия для воспитания своих детей, чтобы удержать их на том

¹ Кшесинская М.Ф. Воспоминания. М., 1992. С. 329.

² БФРЗ. Д. 79. Оп. 1. Л. 8–12.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Странники поневоле. Воспоминания Елизаветы Родзянко, Марии Муравьевой и Ольги Толстой. М., 2020. С. 105.

уровне культуры, на котором стояли их отцы и деды»¹. В Праге, ставшей крупным научным и культурным центром Русского Зарубежья 1920–1930-х гг., при содействии президента Чехословакии Т.Г. Масарика и первого премьер-министра К.П. Крамаржа в 1923 г. был создан Русский Народный университет. Открытию университета содействовала и группа русских профессоров и общественных деятелей, среди которых к дворянскому сословию относился историк, депутат Государственной думы А.А. Кизеветтер. В 1925 г. там же был основан Семинар имени Н.П. Кондакова, названный в честь русского историка Никодима Павловича Кондакова (1844–1925). В жизни данного объединения значимую роль сыграла княгиня Н.Г. Яшвиль, вдова полковника лейб-гвардии Гусарского полка князя Н.В. Яшвиля. При содействии сербского короля Александра I, заинтересованного в привлечении «человеческого капитала» высокого уровня из России, был открыт Русский Институт в Белграде, среди лекторов и членов состава правления которого были и представители дворянства Русского Зарубежья: П.Н. Струве, математик Н.Н. Салтыков, Е.В. Спекторский, адмирал и ученый Г.Н. Пио-Ульский².

Весомый вклад в становление образовательного процесса в условиях изгнания внесли Евграф Петрович Ковалевский-младший (1865 (6?)–1941)³, семья которого принадлежала к старинной ветви украинского слободского дворянства, дворянин Тверской губернии М.М. Федоров и князь П.Д. Долгоруков. В октябре 1920 г. Е.П. Ковалевский был назначен графом П.Н. Игнатьевым Уполномоченным по делам просвещения во Франции, почти одновременно вошел в Русскую Академическую группу в Париже, где был избран членом правления и председателем Отдела средней школы. В качестве члена Педагогического бюро по делам средней и низшей школы за границей, основанного в Праге в 1923 г., он участвовал в ряде съездов организации в Праге по вопросам внешкольного

¹ Заключительная часть доклада Совета Общему Собранию 1930 г. // Вестник Союза русских дворян. 1930. № 2. С. 20–29.

² Общее дело. 1928. № 1. С. 4.

³ Долгоруков П.Д. Дополнительные русские национальные учебные курсы для русских беженских детей в иностранных школах // Вестник Русского национального комитета. 1923. № 3. С. 14–20.

образования и денационализации детей русских беженцев¹. Как член Академической группы он был делегатом на IV и V съездах Русских Академических организаций за границей в Белграде в 1928 г., где его доклад был посвящен «Проблеме просвещения русского юношества», и в 1931 г. в Софии².

Для выстраивания траектории развития образования молодого поколения диаспоры Отделом Русского национального союза во Франции под председательством М.М. Федорова, был составлен план, который включал в себя следующие задачи: забота об устройстве в высшие учебные заведения Западной Европы и Америки всей по возможности русской молодежи обоего пола, кончившей средние учебные заведения в России и за границей, и студентов и студенток не окончивших еще высших учебных заведений; устройство детей в средние учебные заведения; попечение «о детях, лишенных родителей, о детях неимущих родителей и о детях, принятых в семьи иностранцев или работающих у них»³. Для их реализации предполагалось с помощью Русской академической группы в Париже, созданной в 1920 г. при участии потомственных дворян Е.В. Аничкова, П.П. Гронского, Н.М. Могилянського, М.И. Ростовцева и С.И. Метальникова⁴, объединить в данном направлении все русские эмигрантские организации, тесно взаимодействуя с французской стороной⁵. Для этого был создан Центральный комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей, председателем которого был избран М.М. Федоров. Комитет вошел в тесную связь с французской комиссией по организации русского преподавания во Франции, председателем которой состоял ректор Парижского университета профессор Поль Аппель, а бывший министр финансов Временного правительства

¹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 28. Л. 8–10.

² Там же.

³ Федоров М.М. Подготовка русской молодежи к предстоящей ей ответственной задаче // Вестник Русского национального комитета. 1923. № 1. С. 12–18.

⁴ Квакин А.В., Мухачев Ю.В. Русская академическая группа // Русское зарубежье. 2015. № 4. С. 29–33.

⁵ Федоров М.М. Подготовка русской молодежи к предстоящей ей ответственной задаче // Вестник Русского национального комитета. 1923. № 1. С. 12–18.

М.В. Бернацкий, представитель древнего дворянского рода, установил связь с Совещением Послов¹.

Одной из основных проблем образовательных учреждений и иных общественно-политических, сословных организаций эмиграции стала угроза денационализации молодежи. По мнению князя П.Д. Долгорукова, особенно она грозила младшеклассникам, обучавшимся в иностранных учебных заведениях². Для того, чтобы этого избежать, князь П.Д. Долгоруков предлагал организовать дополнительные русские курсы, где преподавались история, география России, литература, русский язык, Закон Божий, родиноведение, или хотя бы часть перечисленных дисциплин с учетом особенностей страны пребывания. В Париже такие дополнительные курсы были учреждены Русской академической группой в 1923 г. на средства французского правительства³. Обращал внимание на проблему денационализации эмигрантской молодежи и Е.П. Ковалевский, отмечавший, что особое внимание руководством в организации школьного дела обращалось «на борьбу всеми доступными средствами с денационализацией русских детей»⁴.

На Дальнем Востоке при участии потомственного дворянина, директора Коммерческих училищ Н.В. Борзова и барона В.А. Дистерло в Харбине в 1918 г. была восстановлена работа Комитета по учреждению русскоязычного высшего учебного заведения⁵. В результате в 1920 г. открылись Высшие экономико-юридические курсы, преобразованные затем в Юридический факультет, и Русско-китайский техникум, с 1922 г. именовавшийся Русско-китайским политехническим институтом. Кроме того, за все время работы в Харбине Н.В. Борзов стал один из основателей и организаторов системы подготовки педагогических кадров (летних педагогических курсов), Маньчжурского педагогического общества, инициатором

¹ Федоров М.М. Подготовка русской молодежи к предстоящей ей ответственной задаче // Вестник Русского национального комитета. 1923. № 1. С. 12–18.

² Долгоруков П.Д. Дополнительные русские национальные учебные курсы для русских беженских детей в иностранных школах // Вестник Русского национального комитета. 1923. № 3. С. 14–20.

³ Там же.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 28. Л. 9.

⁵ Лукашин А.С. К библиографии дальневосточной прессы // Новый журнал. Нью-Йорк. 1974. Кн. 114. С. 252–259.

проведения ежегодных съездов учителей железнодорожных школ (1907–1925); одним из организаторов отряда скаутов на базе коммерческих училищ¹. Одним из самых популярных профессоров Юридического факультета был Г.К. Гинс². Вместе с ним большой вклад в развитие учебного заведения внес заведующий кафедрой административного права, а затем и декан Юридического факультета В.В. Энгельфельд.

Иначе ситуация складывалась в США, где не сложилась устойчивая сеть русских учебных заведений в эмиграции в силу малой численности русских студентов, которая в 1924 г. оценивалась приблизительно в тысячу человек³. Большая часть русского студенчества получала американское образование и сконцентрировалась в Сан-Франциско, Сиэтле, Лос-Анджелесе, образовав Русский Студенческий Фонд и Русский Христианский Студенческий Союз, действовавший под покровительством Young Men Christian Association («Христианский Союз Молодых людей»)⁴.

Дворянская часть диаспоры принимала деятельное участие в связанных с фигурой А.С. Пушкина торжествах 1920–1930-х гг. День русской культуры, который был приурочен ко дню рождения А.С. Пушкина, отмечался в большинстве стран российской эмиграции и носил неполитический характер. У праздника были следующие цели: объединить эмиграцию, усилить ее связи с русской культурой, которые неизбежно становились все слабее, и распространить знание русской культуры в ведущих обществах. Можно утверждать, что в попытке воспроизвести «внутреннюю остановку» всего русского народа в Пушкинский день⁵, как это свойственно европейско-американским обществам в период национальных праздников, в определенной степени беженцами была реализована рецепция

¹ Косинова О.А. Организаторская и педагогическая деятельность Николая Викторовича Борзова в Харбине [Электронный ресурс] // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018. № 4. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/809> (дата обращения: 11.08.2024). DOI: 10.17805/trudy.2018.4.5

² Хисамутдинов А. Профессор Г.К. Гинс – ученый, политик, публицист // Проблемы Дальнего Востока: Научный и общественно-политический журнал. 2001. № 5. С. 138–145.

³ Русские студенты в Америке // Последние новости. 1924. № 1148. С. 4.

⁴ Там же.

⁵ Праздник русской культуры // Руль. 1925. № 1371. С. 2.

социальных норм стран-реципиентов. По мнению Е.Ф. Шмурло, День русской культуры должен был «обслуживать интересы подрастающего и молодого поколения», служить ему воспитательной школой, пробуждать среди молодежи патриотические чувства и осознание величия родины и ее духовных ценностей, сформированных за период тысячелетней государственности¹. По мнению В.А. Маклакова, А.С. Пушкин был «великим национальным маяком», на который были устремлены «взоры русских людей, находящихся на чужбине», а фигура поэта способствовала консолидации всей эмиграции и была символом величия России². В качестве объединительной идеи Русского Зарубежья творчество Пушкина рассматривал и Г.К. Гинс³. Нередко в фокусе внимания эмигрантов оказывалось дворянское происхождение поэта, о котором П.Н. Милюков писал так: «Пушкин сам подчеркивал – и даже утрировал, – свою принадлежность к старому русскому дворянству шестой родословной книги, предводившему московские рати и подписавшему грамоту на избрание Михаила Романова. И для эпохи вовсе не звучало курьезом, что в первых известиях о его смерти говорили, что убит “камер-юнкер” Пушкин»⁴. Популяризировал творчество А.С. Пушкина в Русском Зарубежье Н.А. Пушкин, который перевел на французский язык его произведения и биографию, составленную М.Л. Гофманом, собирал портреты родственников, писал исторические и генеалогические труды, а в феврале 1937 г., в связи со 100-летием со дня смерти А.С. Пушкина выступил на заседании Русского историко-генеалогического общества в Брюсселе с докладом «Дворянский род Пушкиных»⁵.

К проведению Пушкинского юбилея 1937 г., ставшего одним из самых ярких культурных событий в жизни Русского Зарубежья, в эмиграции при активном участии дворянства были образованы Пушкинские комитеты. Так, в состав президиума Пушкинского комитета во Франции, образованного в феврале 1935 г.,

¹ ГАРФ. Ф. Р-5965. Оп. 1. Д. 636. Л. 1–2.

² День русской культуры в Сорбонне // Возрождение. 1926. № 371. С. 3.

³ Хисамутдинов А.А. Профессор Г.К. Гинс – ученый, политик, публицист // Проблемы Дальнего Востока: Научный и общественно-политический журнал. 2001. № 5. С. 138–145.

⁴ Милюков П. Историческая роль Пушкина // Последние новости. 1924. № 1271. С. 2.

⁵ Наумов О.Н. «Гербовник русского дворянства» Н.А. Пушкина: указатель гербов // Гербоведение. Том VI. М., 2017. С. 206–218.

входили В.А. Маклаков, председатель комитета, М.М. Федоров, товарищ председателя, Г.Л. Лозинский, генеральный секретарь, П.Н. Милюков и И.А. Бунин¹. Греко-русский Пушкинский комитет в Афинах возглавил Л.М. Савелов. Потомственный дворянин, профессор В.В. Ламанский занимал должность заместителя председателя Пушкинского комитета в Шанхае². Б.Л. Бразоль стал председателем образованного 18 декабря 1934 г. советом Союза российских дворян в Америке «Комитета по ознаменованию Столетней Годовщины со дня смерти А.С. Пушкина», идея создания которого появилась среди русских колонистов Нью-Йорка осенью того же года³. Среди участников организации были князь А.А. Оболенский, С.С. Бутурлин, Н.Д. Плешко, Г.В. Голохвастов, В.С. Ильяшенко. Комитет «мог кооптацией пополнять свой состав новых членов вне зависимости от их принадлежности к Союзу и национальности»⁴. К концу 1935 г. усилиями Б.Л. Бразоля в Комитете образовалась американская секция из 22 человек, в числе которых были славист Кларенс Маннинг, основательница общества Эдгара По в Нью-Йорке Алберта Галлатин, американский поэт Эдвин Маркхам, а после проведения Пушкинского юбилея 1937 г. Комитет был переименован в Общество им. А.С. Пушкина⁵.

Отличительной чертой дворянства в изгнании являлось сохранение и развитие генеалогической культуры. Весомый вклад в развитие генеалогии в эмиграции внесли граф П.Н. Апраксин, В.С. Арсеньев, С.С. Бутурлин, Н.Ф. Иконников, Л.М. Савелов, В.Н. Смольянинов, Н.Д. Плешко и другие. Изучением генеалогии рода Пушкиных занимался Н.А. Пушкин, составивший в эмиграции гербовник русских дворян-эмигрантов, проживавших в Бельгии⁶. Проявил себя на

¹ Пушкинский комитет // Возрождение. 1935. № 3677. С. 5.

² Драгунова А. Три жизни одного памятника // Слово. 2019. № 12. С. 20–25.

³ Малафай М.С. Союз русских дворян в Америке в 1930-е гг. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей Международной научно-практической школы конференции молодых ученых (22–25 октября 2024 г.). М., 2024. С. 344–350.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Пушкины: генеалогическая энциклопедия / Институт общественной мысли; редакционный совет: Наумов О.Н. (ответственный редактор) [и др.]. М., 2020. С. 364–365.

генеалогическом поприще лингвист и историк С.Н. Плаутин, который эмигрировал из России в 1919 г. и в течение длительного времени занимался изучением поэмы «Слово о полку Игореве». Продолжили генеалогические исследования в изгнании барон М.А. Таубе, действительный член Историко-родословного общества в Москве с 1905 г.¹, и В.С. Арсеньев, занимавшийся историей потомства Аслана-Мурзы-Челебея и древнего дворянского рода Шеншиных².

В эмиграции возникло три самостоятельных историко-генеалогических общества. В работе Русского историко-генеалогического общества во Франции принимали участие автор «Родословной рода Демидовых» П.А. Демидов, занимавший должность председателя, П.С. Толстой-Милославский, А.Г. Тимрот, А.Н. Яхонтов, князь А.А. Гагарин, В.В. Малама³, ставший затем председателем объединения великий князь Андрей Владимирович. Товарищем председателя некоторое время был действительный член Русского генеалогического общества барон Николай Аполлонович Типольт (1864–1948)⁴. В рамках деятельности Общества рассматривался вопрос, как при устных и письменных обращениях титуловать супругов и нисходящее потомство членов Императорской Фамилии, вступивших в брачный союз после революции⁵. Кроме того, Обществом предлагалось издание альманаха, который должен был стать дополнением к ранее напечатанным трудам по генеалогии русских дворянских родов. Утверждалось, что такое издание представило бы особую ценность в ситуации пропажи многих документов и архивов, и рассеяния представителей русского дворянства по всему миру, поэтому дворянам-эмигрантам было предложено заполнить опросные листы⁶. В 1932 г. в Бельгии графом Петром Николаевичем Апраксиным (1876–1962) было основано второе Историко-генеалогическое общество, секретарем которого был

¹ Росов В.А. Письма Н.К. Рериха к М.А. Таубе // Дельфис. 2014. № 4 (80). С. 10–18.

² Наумов О.Н. Письма В.С. Арсеньева Л.М. Савелову как исторический источник // Летопись Историко-родословного общества в Москве. 2020. Вып. 16 (60). С. 36–58.

³ БФРЗ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 79. Л. 5.

⁴ Савелов-Савелков Л.М. Генеалогия в Зарубежье // Новик. 1939. № 4. С. 1–14.

⁵ БФРЗ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 79. Л. 8–12.

⁶ Там же. Л. 13.

Сергей Сергеевич Набоков (1902–1998)¹. В 1937 г. было основано Историко-родословное общество в Нью-Йорке, объединившее всех любителей генеалогии в США. Его председателем был Л.М. Савелов, товарищем председателя – Н.Д. Плешко, секретарем – Ю.А. Навроцкий. Цели объединения были тождественны целям созданного в декабре 1904 г. Историко-родословного общества в Москве, наименование и устав которого оно приняло².

При этом отношение дворян-эмигрантов к собственному благородному происхождению значительно различалось: одни видели в своем происхождении единственную и инвариантную основу для интеграции дворянской диаспоры, для сохранения русской культуры и традиций, в то время как другие возлагали на дореволюционную аристократию ответственность за падение монархии и революцию³. К первой группе относились, например, Н.С. Арсеньев, Н.А. Бердяев, В.В. Набоков, М.П. Наумов, В.Н. Челищев и другие⁴. Гордился принадлежностью к роду Ильиных, потомков Рюрика, проживавший в 1920-е гг. в Харбине полковник И.С. Ильин, который «даже в жалких условиях эмиграции» подчеркивал свое превосходство над своей женой Екатериной Дмитриевной Воейковой-Ильиной⁵. Другая часть дворян, напротив, оправдывала свое происхождение, что было следствием их нахождения в демократических бессловных странах⁶.

Вопрос родства и благородного происхождения отражался и на консолидации дворян, которые были подвержены разобщенности, о чем В.В. Вадковский писал так: «Трудно работать с русскими вообще, а с русскими дворянами в особенности: у каждого барона своя фантазия»⁷. П.П. Менделеев подчеркивал, что в начале беженского пути дворяне не отличались идеологическим и сословным единением, предпочитая держаться «отдельными кружками», что было особенно заметно по

¹ Савелов-Савелков Л.М. Генеалогия в Зарубежье // Новик. 1939. № 4. С. 1–14.

² Там же.

³ Наумов О.Н. Октябрь 1917 года и генеалогическая культура русского дворянства // Россия XXI. 2017. № 5. С. 72–95.

⁴ Там же.

⁵ Ильин И.С. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016. С. 7–8.

⁶ Наумов О.Н. Октябрь 1917 года и генеалогическая культура русского дворянства // Россия XXI. 2017. № 5. С. 72–95.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 24. Л. 100.

представителям придворной аристократии¹. Однако в связи с утратой иллюзий о возвращении на родину и реставрации дореволюционного строя подобное размежевание дворян, исходившее от высшей аристократии и проявлявшееся в замкнутости Романовых, постепенно исчезало. Данный процесс иллюстрируют воспоминания А.В. Тырковой-Вильямс, которая писала следующее: «Те же Васильчиковы, которые были рады болтать со мной, когда мы в Ментоне очутились под одной крышей, как далеки и как высокомерны были они, когда мы были дворяне той же Новгородской губернии»². Таким образом, внутри российского дворянства в эмиграции в начале 1920-х гг. сохранялась характерная для XVIII – начала XX в. неявная сословная дифференция³, которая постепенно стиралась на фоне дальнейшего пребывания в изгнании.

Таким образом, дворянство стало неотъемлемой и значимой частью Русского Зарубежья с рядом специфических черт, отличавших его от других социальных групп российской эмиграции. На основе анализа социально-экономических и политических условий приема русских беженцев можно выделить страны, которые по отношению к ним в 1920–1930-е гг. предоставляли широкие возможности для адаптации и самореализации. К их числу стоит отнести Чехословакию, Королевство Югославию, Францию и США. Нейтральное отношение к беженцам проявилось в Великобритании, хотя там и не сложилась многочисленная община дворян-эмигрантов. Власти Румынии активно выражали стремление к ассимиляции беженцев, тяжелое положение которых там было обусловлено особенностями проведения национальной политики по отношению к русскому населению, а также характером внешнеполитических отношений с Советской Россией и СССР. В наиболее бедственном положении оказалось российское дворянство в Китае.

¹ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 502–503.

² ГАРФ. Ф. 10230. Оп. 1 Д. 79. Л. 2.

³ Наумов О.Н. Инновационные методы в изучении русского дворянства (социогенеалогия) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2020. № 4. С. 8–12.

1.2. Гуманитарная и благотворительная деятельность дворян

Представители дворянской эмиграции приняли активное участие в благотворительной деятельности и оказании гуманитарной помощи беженцам Русского Зарубежья 1920–1930-х гг. вне зависимости от сословной принадлежности последних. Зачастую она осуществлялась через такие получившие практически всемирный охват учреждения, как Российское Общество Красного Креста (РОКК) и Российский Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор), а также локальные объединения. Целью их деятельности являлось оказание социальной помощи, в которой нуждалось большинство беженцев, включающей в себя реализацию помощи нуждающимся лицам или группам населения, способствующей преодолению или смягчению жизненных трудностей, поддержанию социального статуса и полноценной жизнедеятельности нуждающихся, их адаптации в обществе¹.

Активизация попыток организации процессов по оказанию гуманитарной помощи беженцам произошла вскоре после эвакуации из Крыма Русской армии, хотя попытки ее институализации существовали и ранее. Так, в Лондоне 29 июля 1920 г. был образован Главный русский комитет по делам о беженцах (General Russian Committee for the Relief of Russians Refugees)². Его возникновению предшествовал визит в Лондон в июне 1920 г. члена Южнорусского правительства М.В. Бернацкого. По соглашению с М.В. Бернацким и П.Б. Струве, было признано желательным сосредоточить в Лондоне планомерную помощь русским беженцам, на что Южнорусское правительство выделило крупные средства. Возглавил Комитет бывший министр народного просвещения граф П.Н. Игнатьев, ставший главноуполномоченным по делам о беженцах. Пять из семи приглашенных в состав Комитета были дворянами: Е.В. Саблин, полковник Н.Т. Беляев, К.Е. Замен, А.А. Риттих и П.Л. Барк. Управляющим делами Комитета был Д.В. Яковлев, казначеем

¹ Бочарова З.С. Социальная помощь российским беженцам в 1920–1930-е годы // Русское зарубежье. 2016. № 5. С. 59–119.

² Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 538.

– П.П. Менделеев, бухгалтером канцелярии – князь Е.Ф. Гагарин, служивший в Кредитной канцелярии Министерства финансов. Двое первых совместно с П.Н. Игнатьевым были ключевыми фигурами Комитета¹.

Деятельность комитета сосредоточилась на трудовой и просветительской помощи. Первая должна была заключаться в выдаче ссуд на организацию трудовых предприятий, артелей, производственных кооперативов, в снабжении отдельных лиц орудиями производства, в поиске службы, занятий (бюро труда). Для просветительской помощи намечалось помещение неимущего беженского юношества в различные учебные заведения стран пребывания, организация внешкольных занятий и лекций. Для реализации этих задач предполагалось назначить в страны концентрации русских беженцев особых уполномоченных Главного комитета, которым поручалось общее руководство оказанием помощи беженцам и объединение для этого усилий всех организаций диаспоры. Однако удалось назначить уполномоченных только в некоторые страны: Германия – Ф.В. Шлиппе, Данциг – Д.Н. Островский, Чехословакия – дворянин Санкт-Петербургской губернии А.М. Миркович, Италия – А.Н. Яхонтов, которого затем сменил полковник С.А. Немченко, потомственный дворянин Киевской губернии. В остальных регионах русского рассеяния в рамках оказания трудовой помощи Главный комитет воспользовался содействием местных организаций и отдельных лиц². Причина прекращения деятельности Комитета, как и многих других беженских организаций, была вызвана нехваткой финансирования. Из 204 000 фунтов стерлингов более 2/3 были направлены разным учреждениям и лицам, оказывавших общую помощь беженцам; 30 тыс. были выделены графу П.Н. Игнатьеву, как председателю Общества Красного Креста, а 11 700 фунтов стерлингов были направлены в Китай князю Н.А. Кудашеву³. Активная фаза деятельности Главного русского комитета по делам о беженцах продолжалась около полугода. Согласно предложению графа П.Н. Игнатьева, на заседании 14 марта

¹ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 537.

² Там же. С. 534–539.

³ Там же. С. 540.

1921 г. Комитет постановил о желательности передачи всех дел Главному управлению РОКК¹. Это предложение было сообщено барону П.Н. Врангелю, который утвердил его в телеграмме от 28 марта 1921 г., а под председательством П.Н. Игнатьева в качестве совещательного органа была образована ликвидационная комиссия по делам бывшего Комитета и Главного управления Красного Креста². В ее состав вошли П.П. Менделеев, Д.В. Яковлев и князь Е.Ф. Гагарин³. Старший Русского Дипломатического Представительства за границей М.Н. Гирс был обязан сообщить всем остальным дипломатическим представителям о данных бюрократических изменениях⁴.

9 января 1921 г. бароном П.Н. Врангелем был учрежден Эмиграционный совет, значительный вклад в работу которого внес камергер, действительный статский советник, князь Н.Б. Щербатов. Основной задачей деятельности организации являлось объединение правительственных и общественных органов и частных групп беженцев в рамках работы по «организации и руководству всем делом русской эмиграции»⁵. Основными направлениями его деятельности являлся сбор информации о странах, куда могла быть направлена эмиграция, обращения с ходатайствами о приеме русских беженцев к правительствам стран-реципиентов, поиск средств для переселения беженцев, учет и группировка лиц, пожелавших переехать⁶.

В феврале 1921 г. в Париже собравшиеся члены упраздненного большевиками Главного управления РОКК постановили возобновить его деятельность на принципах Устава общества от 17 апреля 1893 г. Помимо членов Главного управления в совещании приняли участие представители Временных управлений по делам Красного Креста, возникших в России в период Гражданской

¹ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 543.

² ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 1. Л. 75–81.

³ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 544.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 1. Л. 75–81.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-6425. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

⁶ Там же.

войны: граф П.Н. Игнатьев, Б.Е. Иваницкий, потомственный дворянин Саратовской губернии М.Л. Киндяков, А.В. Кривошеин, барон Б.Э. Нольде, граф Э.П. Беннигсен, работавший в РОКК до 1927 г.¹, Н.В. Чайковский, князь И.С. Васильчиков, А.И. Гучков, В.Н. Новиков, почетный член РОКК Г.М. Кауфман-Туркестанский². После этого в странах пребывания русских эмигрантов начала создаваться сеть представительств РОКК за границей. Под руководством М.Л. Киндякова РОКК заключил ряд соглашений с различными организациями, согласно которым русским беженцам во Франции выдавались билеты на ночлег на барже общества Христианской Молодежи или на обеды в благотворительной столовой³.

К осени 1926 г. уполномоченные и представители РОКК действовали в 25 государствах, выступая в качестве субъектов защиты интересов русских беженцев выходцев из России⁴. На территории Европы, США и Китая 16 из 20 уполномоченных РОКК имели дворянское происхождение: в Австрии – потомственный дворянин Тверской губернии, дипломат Л.В. Иславин; в Великобритании – Д.А. Зиновьев, сменивший барона Е.А. Рауш фон Траубенберга⁵; в Бельгии – бывший Обер-прокурор Святейшего синода, потомственный дворянин Владимирской губернии П.П. Извольский; в Венгрии – В.В. Малама; в Греции – княгиня С.И. Демидова; в Германии – Ф.П. Шлиппе; в Дании – дворянин Полтавской губернии, генерал-майор С.Н. Потоцкий; в Италии – дипломат И.А. Персиани; в Королевстве Сербов, Хорватов, Словенцев (Югославия) – дворянин Лифляндской губернии В.Н. Штрандтман; в Чехословакии – потомственный дворянин, действительный статский советник, доктор медицины, почетный лейб-медик С.А. Острогорский; в Швейцарии – дворянин Тверской губернии Ю.И. Лодыженский; в Эстонии – дворянин Псковской губернии П.Н. Яхонтов; в Марселе

¹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

² Голотик С.И., Ипполитов С.С. Российское Общество Красного Креста (1917–30-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 4. С. 167–174.

³ Беннигсен Э.П. Записки. В 2-х томах. Т. 2. 1917–1955. М., 2018. С. 356.

⁴ Голотик С.И., Ипполитов С.С. Российское Общество Красного Креста (1917–30-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 4. С. 167–174.

⁵ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 533.

– потомственный дворянин Черниговской губернии М.А. Искрицкий; в Данциге – представитель Государей Кирилла Владимировича и Владимира Кирилловича в Германии Н.Ф. Фабрициус-де-Фабрис, в США – дворянин Рязанской губернии, статский советник и камер-юнкер Высочайшего Двора В.В. Буймистров; в Харбине – бывший симбирский уездный предводитель дворянства М.Ф. Беляков.¹ Пособил основанию отделения РОКК в Ницце потомственный дворянин Самарской губернии А.Н. Наумов, сотрудничавший с рядом благотворительных организаций и состоявший председателем Общества помощи русским учащимся в Ницце². После закрытия Главного русского комитета по делам о беженцах в Лондоне уполномоченным Главного управления РОКК по учебной части был назначен Е.П. Ковалевский³.

Финансирование РОКК осуществлялось Финансовой комиссией при Соповещании послов в Париже и дополнялись частными пожертвованиями⁴. Главное управление РОКК организовывало лекции, пожертвования с которых шли на нужды организации. Так, было оказано содействие в проведении лекций театрального деятеля, режиссера и критика князя С.М. Волконского, сбор с которых поступил на содержание учреждений РОКК в Париже⁵. Всего же под флагом РОКК действовали три госпиталя, один санаторий, 29 амбулаторий, четыре зубооечебных кабинета, четыре инвалидных дома, дом для престарелых, два детских приюта, три общежития, столовая, три склада и 30 местных комитетов Красного Креста⁶. Делами Детского сада РОКК в Булонь-Бийанкуре совместно ведали княгиня Вера Кирилловна Мещерская (1876–1949), урожденная Струве, дочь дипломата К.В. Струве, и Е.А. Шидловская (1866–1935)⁷, урожденная

¹ Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. Т. 1: А–В. М., 1999. С. 270.

² ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 40. Л. 7.

³ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 28. Л. 9.

⁴ Голотик С.И., Ипполитов С.С. Российское Общество Красного Креста (1917–30-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 4. С. 167–174.

⁵ Лекции Красного Креста // Возрождение. 1926. № 555. С. 4.

⁶ Голотик С.И., Ипполитов С.С. Российское Общество Красного Креста (1917–30-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 4. С. 167–174.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 22. Л. 50.

Куломзина, дочь потомственного дворянина Костромской губернии, председателя Государственного совета в 1915–1917 годах А.Н. Куломзина. При их участии там проводились встречи бесплатного Нового Русского года с обедами для безработных¹. Кроме того, В.К. Мещерская, Е.А. Шидловская, М.Л. Киндяков и графиня А.И. Шувалова участвовали в деятельности Комитета помощи детям РОКК².

Как и другие гуманитарные организации РОКК оказывал беженцам и адресную помощь, которую порой запрашивали сами эмигранты. С.С. Воейков, лечившийся от туберкулеза в коммуне Полаге – Paulhaguet, France (Haute-Loire, Auvergne), ходатайствовал к барону Б.А. Нольде с прошением о своем содержании в санатории за счет средств РОКК и просил П.П. Менделеева поддержать данное обращения³. По словам С.С. Воейкова, он был единственным из 53 больных, кто сам за себя платил 15 франков в сутки⁴. В письме от 30 сентября того же года С.С. Воейков выразил благодарность П.П. Менделееву в содействии и передаче барону Б.А. Нольде прошения⁵. Иногда тяжелые условия жизни приводили дворян-эмигрантов к злоупотреблению помощью, оказываемой РОКК. Это демонстрирует ситуация с бывшим камер-юнкером Высочайшего Двора, князем И.П. Шаховским, который, по утверждению графа Э.П. Беннигсена, оказавшись «окончательно босяком», требовал от РОКК выдачи средств к существованию и мошенническим путем обязал организацию оплатить его содержание в гостинице⁶.

На смену Главному русскому комитету по делам о беженцах пришел Земско-Городской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор)⁷, который занимал центральное место в организации гуманитарной помощи Русского Зарубежья 1920–1930-х гг. По мнению И.В. Сабенниковой, Земгор был «наиболее

¹ Бесплатные обеды для безработных // Возрождение. 1935. № 3501. С. 3.

² Неделя помощи русским детям // Возрождение. 1935. № 3558. С. 5.

³ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 32. Л. 34.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 45.

⁶ Беннигсен Э.П. Записки. В 2-х томах. Т. 2. 1917–1955. М., 2018. С. 356–357.

⁷ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 543.

представительной из эмигрантских организаций, действовавшей в межвоенный период во всем Русском Зарубежье»¹. В конце января 1921 г. в Париже было созвано Совещание представителей земских и городских организаций, которое единогласно высказалось за необходимость создания там Земско-Городского Комитета помощи беженцам для объединения «земских и городских деятелей, разбросанных во Франции, Англии, Эстонии, Латвии, Финляндии, Польше, Чехословакии, Германии и работавших в разных организациях помощи беженцам, деятельность которых оставалась несогласованной»².

В условиях эмиграции Земгор продолжил традиции российского земства, заложенные в 1860-х гг. местными самоуправлениями России, в сферу деятельности которых входили «заботы об организации медицинской помощи, о школах, путях сообщений, об экономическом преуспении населения, о благотворительности»³. Оставив Обществу Красного Креста часть забот о медико-санитарной помощи, земские деятели сосредоточились на поиске для беженцев дешевого жилища, столовых и работы, а городские деятели на культурно-просветительских нуждах и заботе о детях⁴. В то же время РОКК и Земгор реализовывали совместные гуманитарные акции. Так, их совместными усилиям был открыт детский дом в Шатене⁵.

Первым председателем Земгора был князь Г.Е. Львов, бывший главноуполномоченный Всероссийского земского союза и председатель Объединенного комитета Земгора. При этом, согласно воспоминаниям П.П. Менделеева, объединение возникло главным образом благодаря Д.В. Яковлеву, который появился в Париже «с мешком денег и с идеей о трудовой помощи»⁶, чем воспользовался князь Львов и общественно-политический деятель В.В. Вырубов,

¹ Сабенникова И.В. Сохранение традиций земства в русской эмиграции 1917–1939 гг.: Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. № 3. С. 1008–1034.

² ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ Шатене // *Возрождение*. 1938. № 4132. С. 13

⁶ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 550–551.

представитель пензенского дворянского рода Вырубовых. Неспособность князя Львова справиться с ролью главы Временного правительства¹ проявилась и в его председательствовании в Земгоре. Он не проявлял должной «энергии, подлинного интереса, живой инициативы» в повседневной работе, не руководил и не резюмировал прения².

Руководящими и контролирующими органами Земгора были Ревизионная комиссия, Исполнительный комитет и Общее собрание членов³. Ревизионная комиссия изначально состояла из трех человек, но на годовом собрании организации 5–8 июля 1922 г. трехчленная конструкция была заменена пятичленной, но в январе 1924 г. была возвращена ее прежняя конструкция, так как из состава комиссии выбыли политический деятель Н.В. Чайковский и юрист И.А. Кириллов. Помимо них в деятельности комиссии принимали участие И.П. Демидов и князь В.А. Оболенский⁴. В составе Исполнительного комитета Земгора работали Г.А. Алексеев, А.С. Орлов, А.С. Хрипунов, Ф.В. Шлиппе, бывший член II Государственной думы от Воронежской губернии Н.С. Долгополов и адвокат П.Н. Переверзев⁵. Помимо указанных лиц в деятельности Земгора значимую роль сыграли такие представители дворянства, как графиня С.В. Панина, последняя представительница графской ветви рода Паниных, представитель Русского заграничного архива в Болгарии, полковник А.В. Арцишевский, бывший московский городской голова Н.И. Астров, педагог А.В. Жекулина, дипломаты Г.П. Бахметев и Э.П. Демидов, адвокат В.Я. Гуревич, историк Н.К. Кульман, генерал-майор Д.В. Яковлев⁶.

Членом правления Земгора и Исполнительного комитета был пензенский земский деятель Василий Васильевич Вырубов (1879–1963), который по отзывам

¹ Аксакова Т.А. Семейная хроника: в 2-х книгах. Кн. 1. Париж, 1988. С. 284.

² Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 557.

³ Сабенникова И.В. Сохранение традиций земства в русской эмиграции 1917–1939 гг.: Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. № 3. С. 1008–1034.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 5. Л. 33–34.

⁵ Там же. Л. 32.

⁶ Там же. Л. 36.

современников не относился к категории «кающихся дворян» и отличался широтой взглядов «с подлинно демократической терпимостью в суждениях»¹. В 1921–1931 гг. должность секретаря Земгора занимал П.П. Менделеев, принявший предложение занять этот пост от Г.А. Алексеева². Именно его присутствие в Земгоре наряду с А.С. Хрипуновым, составлявших правое крыло организации, побудило взять на себя исполнение секретарских обязанностей³. В 1931 г. П.П. Менделеев вынужден был покинуть данную должность, так как Земгор сокращал свой служебный аппарат и был вынужден отказаться от сотрудничества с ним. Об этом сообщалось в письме, подписанным Председателем комитета Н.Д. Авксентьевым, а также членами комитета П.П. Юрневым, В.В. Рудневым и В.Ф. Зеелером⁴.

Как отметила И.В. Сабенникова, комитет был сформирован с учетом его преемственности Всероссийскому земскому союзу путем законных выборов, в результате чего стал той общественной организацией, которая могла представлять интересы беженцев перед иностранными правительствами и международными организациями, имея необходимый авторитет⁵. Так, с особым меморандумом Земгор обращался в МИД Англии, Франции и Италии. В нем он просил оказать реальную помощь для переселения нуждавшихся в этом русских беженцев, разрешении правового положения беженцев оставшихся в Константинополе делегатами Лозанской международной конференции и принятии их «под покровительство одной или нескольких Великих держав, в предоставлении им одинаковых с другими иностранцами прав», а сам князь Г.Е. Львов имел несколько бесед с представителями МИД Франции по вопросу положения русских в Константинополе после поражения греков и отправлял письмо бывшему

¹ Лобанов-Ростовский Н.Д. Воспоминания (записки коллекционера) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 2003. М., 2004. С. 233–234.

² Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 546.

³ Там же. С. 551.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5971, Оп. 1. Д. 6. Л. 1–2.

⁵ Сабенникова И.В. Сохранение традиций земства в русской эмиграции 1917–1939 гг.: Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. № 3. С. 1008–1034.

французскому президенту Раймону Пуанкаре с просьбой об обеспечении интересов и прав русских беженцев в Турции¹. Кроме того, князь Г.Е. Львов обращался с просьбой принять меры к охране русских беженцев и учреждений от произвольных действий местных властей на Балканах к главе Болгарского национального комитета при Международной торговой палате в Париже Дмитру Савову, председателю Совета Министров Болгарии А.С. Стамболийскому, посланнику Королевства сербов, хорватов и словенцев в Париже М.И. Спалайковичу и премьер-министру Николе Пашичу².

Одной из главных проблем всех общественно-политических и гуманитарных организаций Русского Зарубежья являлся поиск средств для осуществления их деятельности, и Земгор не был исключением из этого правила. Его финансирование осуществлялось Совещанием Послов, членом которого был князь Г.Е. Львов, а также за счет частных пожертвований, финансовой поддержки иностранных гуманитарных, частных благотворительных организаций и правительств отдельных стран³. Позже к источникам финансирования добавились ассигнования различных организаций и учреждений, которые оказывали помощь российским гражданам, а также доходы от предприятий, организуемых самим Комитетом, и членские сборы⁴. При этом в первые месяцы деятельности организации около 36% всех расходов приходилось именно на жилье для беженцев⁵. Ключевую роль в поиске средств для деятельности Земгора сыграл сам князь Г.Е. Львов, которому приходилось самостоятельно заниматься поиском средств для организации из-за нехватки средств. Зимой 1924–1925 гг. для получения финансирования князь Г.Е. Львов совместно с журналистом и художником Н.В. Макеевым отправились в США, однако поездка не принесла реальных результатов⁶. Помешали этому «интриги и протесты

¹ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 5. Л. 49–50.

² Там же. Л. 51–53.

³ Сабенникова И.В. Сохранение традиций земства в русской эмиграции 1917–1939 гг.: Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. № 3. С. 1008–1034.

⁴ Там же.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 42.

правых земских кругов», из-за которых не удалось получить хранившихся в американских банках крупных сумм Российского земского союза, однако в целом князь Г.Е. Львов сумел проявить свой известный талант – «умение доставать деньги»¹. С просьбой найти помощь для переселения казачьих групп на работы в Канаду Земгор обращался к Б.А. Бахметеву и С.А. Угету, исполнявшего обязанности финансового атташе Российского посольства в США².

В то же время политическое прошлое князя Г.Е. Львова и отношение к нему как к одному из главных виновников падения монархии в кругах значительной части дворянской эмиграции сформировали предпосылки для обвинений в его адрес и других членов Земгора в присвоении средств, принадлежавших иным общественно-политическим объединениям Белого движения. В.Д. Кузьмин-Караваев, выходец из древнего дворянского рода, и председатель III Государственной думы А.И. Гучков обвиняли Земгор в попытке заполучить доступ к распоряжению казенными средствами. Они утверждали, что «поддержка благотворительных организаций, содержащихся на средства Земгора, должна сохраниться, хотя организация и дискредитировала себя окончательно в глазах Русского Зарубежья, отколовшись от общерусского беженского дела в вопросе репатриации, что лишало русских эмигрантов права на убежище»³. Глава Союза «Единство Руси» Б.Л. Бразоль обвинял князя Г.Е. Львова в присвоении 1 млн франков, направленных бывшим послом России в США Г.П. Бахметевым на нужды армии П.Н. Врангеля, а также финансировании эсеровской газеты «Воля России» (Прага, 1920–1922)⁴. Члены бюро Земского объединения, среди которых были князь А.М. Орбелиани, бывший Лохвицкий уездный предводитель дворянства А.Ф. Русинов, полковник лейб-гвардии Конного полка, дворянин Рязанской губернии А.Н. Кармалин, бывший Ефремовский предводитель дворянства Е.Д. Хлюстин и

¹ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 558.

² ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 5. Л. 53.

³ Малафай М.С. «Вместе с ними Вы издавна расшатывали устои священного Царского Трона...» // Россия XXI. 2025. № 1. С. 116–131.

⁴ Там же.

Л.И. Гальский, и его председатель Ф.Д. Свербеев утверждали, что «Земгор не был связан с русскими земствами и городскими учреждениями, в силу чего не мог защищать интересы бывших подданных Российской империи, а его участники использовали наименование организации лишь в качестве рекламы»¹. Критиковали князя Г.Е. Львова и умеренно-правые круги дворянской эмиграции. По словам графа Э.П. Беннигсена, в Париже Г.А. Алексеев распространял информацию о том, что еще в Москве князь Г.Е. Львов брал комиссии с поставщиков Земского Союза, которые, вероятно, направил на подготовку революционного движения². По мнению графа Э.П. Беннигсена, князь Львов действовал так «по своей ограниченности»³. Положительно оценивал фигуру князя Г.Е. Львова В.В. Вырубов, который «неизменно отзывался о нем с любовью и преданностью», но признавал, что «по свойствам своего характера этот “праведник” должен был бы остаться в стороне от политической деятельности, особенно во времена революционные»⁴.

Социальную помощь беженцам оказывал и Русский эмигрантский комитет, образованный в Париже. 24 октября 1924 г. под председательством В.А. Маклакова состоялось заседание представителей эмиграционных организаций для окончательного утверждения состава Комитета, на котором присутствовали уже выбранные члены организации: В.Д. Кузьмин-Караваев, генерал И.А. Хольмсен, капитан 2-го ранга В.И. Дмитриев, Я.И. Савич, С.Н. Третьяков и Н.Н. Шебеко. Принимали в деятельности Комитета такие дворяне-эмигранты как А.П. Богаевский, адмирал М.А. Кедров, М.Л. Киндяков, Н.В. Савич, П.Н. Шатилов⁵ и другие. Основное направление деятельности Эмигрантского комитета заключалось в стремлении улучшить общее правовое положение русских беженцев⁶ и выдаче им

¹ Протест против деятельности кн. Львова // Высший монархический совет. 1922. № 21. С. 4–5.

² Беннигсен Э.П. Записки. В 2-х томах. Т. 2. 1917–1955. М., 2018. С. 353.

³ Там же.

⁴ Лобанов-Ростовский Н.Д. Воспоминания (записки коллекционера) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 2003. М., 2004. С. 233–234.

⁵ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 596.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-6378. Оп. 2. Д. 3. Л. 215.

во Франции *carte d'identite* (удостоверения личности). Нередко решение данного вопроса сопровождалась критикой со стороны правых кругов дворянской эмиграции. Например, председатель Высшего монархического совета Н.Е. Марков обвинял Русский эмигрантский комитет в Париже и лично В.А. Маклакова в подаче французскому правительству обращения, согласно содержанию которого для русских эмигрантов вместо налога *carte d'identite* за русские паспорта устанавливался сбор в размере 45 франков за нансеновский паспорт¹. Н.Е. Марков, председатель парижского Общества русских врачей имени Мечникова И.П. Алексинский, А.Н. Крупенский и А.Ф. Трепов рассматривали риск взимания налога за оба паспорта и дальнейшего поступления собранных средств в непосредственное распоряжение представителей Лиги Наций². В силу этого от имени И.П. Алексинского, С.Н. Городнецкого, А.Н. Крупенского и А.Ф. Трепова был подан протест премьер-министру Франции Раймону Пуанкаре с требованием снижения налога *carte d'identite*³.

Как отмечал Н.Н. Чебышев, второе направление деятельности Эмигрантского комитета заключалось в реализации адресной помощи отдельным лицам. Так, за 1935 г. Комитет посетило 6341 беженцев, было принято к производству 2005 дел: 601 касалось сношений с Министерством труда Франции, 506 с представителями Лиги Наций, 495 с МВД Франции и 403 с МИД Франции⁴. Кроме того, на заседаниях организации рассматривались следующие сообщения В.А. Маклакова: об издании Министерством труда Франции циркуляра о распространении на русских беженцев всех преимуществ Закона о социальном страховании на равных с французскими гражданами; о предоставлении права представителю Лиги Наций во Франции выдавать беженцам свидетельства о бедности, освобождающих их от уплаты гербового сбора с *carte d'identite*; о пересмотре вопроса распространения

¹ Малафай М.С. Масонский вопрос в кругах русской дворянской эмиграции 1920–1930-х гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXIII Междунар. науч. конф., Иваново, 27–28 марта 2024 г. Иваново, 2024. С. 420–425.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6378. Оп. 2. Д. 3. Л. 215.

воинской повинности во Франции на беженцев призывного возраста¹. Хотя Н.Н. Чебышев и утверждал, что Эмигрантский комитет не уклонялся от беженских обращений и «далеко не бездействовал»², в целом от деятельности данной организации было мало практической пользы, по мнению большинства дворян Русского Зарубежья³.

Важную роль в оказании помощи беженцам сыграли и локальные гуманитарные организации, а также Русские дома, попытки институционализации которых хронологически совпадают с периодом начала деятельности крупных гуманитарных образований. Сведения о деятельности большинства из них довольно скупы – сегодня невозможно воссоздать точный список всех русских эмигрантских организаций, действовавших в странах Европы, США и Китае в 1920–1930-е гг. Тем не менее, многие из них были созданы и функционировали при активном участии дворян-эмигрантов.

Так, в 1919 г. «в качестве общепольного начинания» был образован Русский союз взаимного кредита в Лондоне. Статья 1 его устава определила цель организации так: «содействие пребывающим за границей русским в получении кредита»⁴. Для управления делами союза его первоначальные участники простым большинством голосов выбирали учетно-распорядительный комитет, в который входило от трех до девяти человек, причем не обязательно являвшихся членами союза. Комитет избирался сроком на один год, после чего мог быть переизбран, но новый состав должны были одобрить банки, предоставлявшие союзу кредиты⁵. Среди участников учетно-распорядительного комитета были такие дворяне-эмигранты, как финансист К.Е. Замен, один из наиболее деятельных членов приходского совета бывшей посольской Успенской православной церкви⁶, и В.Д.

¹ ГАРФ. Ф. Р-6378. Оп. 2. Д. 3. Л. 221.

² Там же. Л. 215.

³ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 596.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

⁵ Там же.

⁶ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 523.

Набоков, а приглашенным членом Союза с кредитом в 2000 фунтов стерлингов был П.П. Менделеев. При участии последнего там же в 1920 г. было образовано Лондонское Русское кооперативное общество (London Russian Cooperative Society), в деятельности которого участвовали К.Е. Замен, Д.В. Яковлев, княгиня О.Н. Лобанова-Ростовская, пытавшаяся при кооперативе образовать свое самостоятельное предприятие¹. Главным русским комитетом по делам о беженцах в беспроцентную ссуду сроком на два года кооперативу было выдано 2500 фунтов стерлингов под расписку от 31 августа 1920 г. и еще столько же на условиях возврата в случае ликвидации кооператива². На полученные деньги были открыты механическая, художественная и табачная мастерские. Так как открытые кооперативом мастерские оказались нерентабельными и обеспечили существование не более 30 беженцев³, его решено было закрыть. Принадлежавшие кооперативу активы были переданы РОКК⁴. Д.В. Яковлев в письме П.П. Менделееву от 6 января 1922 г. писал, что дальнейшее существование кооператива не только бесполезно, но и несло риски предъявления имущественных исков. Ликвидировать кооператив необходимо было до 1 января 1922 г., поэтому 30 декабря 1921 г. было созвано общее собрание, на котором был поставлен вопрос о его добровольной ликвидации⁵.

В Греции в 1927 г. по инициативе княгини С.И. Демидовой был создан Союз русских эмигрантов, который просуществовал до конца 1980-х гг.⁶. Целями данной организации было объединение всех находящихся в Греции беженцев-белозэмигрантов из России, защита их прав всеми возможными официальными способами, улучшение их положения и оказание помощи⁷. Союз позиционировал

¹ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 532–535.

² ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 1. Л. 62.

³ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 535.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 103. Л. 1–2.

⁵ Там же.

⁶ Жалнина-Василькиоти И. Княгиня Сан-Донато (С.И. Демидова) в истории русской эмиграции в Греции // Россия и современный мир. 2012. № 4. С. 220–229.

⁷ Там же.

себя как официальный орган представителя интересов русских эмигрантов, признанного греческим правительством¹. До общего собрания 4-го июня 1930 г. должность председателя союза занимал бывший генеральный консул в Пирее И.Н. Хаджи-Лаззари (Хаджи-Лаззаро), которого сменил избранный подавляющим большинством голосов барон А.П. Оффенберг, в состав правления организации вошли Л.М. Савелов и В.В. Дейтрих, а княгиня С.И. Демидова была единогласно избрана почетным товарищем председателя Союза². Правление союза, озабоченное удешевлением жизни в подавляющей массе неимущего беженства, предприняло ряд мер, согласно которым члены Союза могли реализовать скидки при покупке одежды, обуви и других товаров. В силу значительного числа военных среди эмиграции в Греции встал вопрос о помощи раненым и пострадавшим. В силу этого усилиями В.В. Дейтриха, В.С. Барановского, генерала от кавалерии Н.Н. Баратова и капитана 1-го ранга М.Ю. Гаршина, потомственного дворянина Харьковской губернии, был создан Союз инвалидов³.

Знаменательным событием в жизни всей русской эмиграции, и в особенности ее дворянской части, стало открытие в апреле 1927 г. Русского дома (Русского старческого дома) – дома престарелых, основанного в имении Коссонри в Сент-Женевьев-де-Буа и ставшего прибежищем для многих русских аристократов. «Основательницей и душой» Русского дома стала княгиня В.К. Мещерская, занимавшая должность председательницы женской трудовой организации «Увруар», в числе членов комитета которой были графиня Мария Дмитриевна Нирод (1879–1965), дочь последнего посла Российской империи в Бельгии Д.А. Нелидова Ольга Дмитриевна Нелидова (?–1935), а должность секретаря организации занимал князь Никодим Исаевич Алатуни (1865–1946)⁴. Русский дом занял купленную на средства американо-английской благотворительницы мисс Дороти Пэджет (1905–1960), загородную усадьбу Коссонри, которая была подарена княгине В.К. Мещерской. Для легализации

¹ Греция. Союз русских эмигрантов // Возрождение. 1930. № 1896. С. 3.

² Там же.

³ Жалнина-Василькиоти И.Л. Русская эмиграция в Греции. Судьбы. XX век. М., 2015. С. 191.

⁴ Встреча святой Пасхи в «Увруар» // Возрождение. 1927. № 695. С. 5.

управления учреждением было создано смешанное франко-русское общество L'Assistance aux Refugies Russes, в управлении которого состояла княгиня В.К. Мещерская. Вице-председатель общества был маркиз Пьер де Лагиш (1859–1940), казначеем – граф Феликс де Вогюз. Членами общества состояли графиня А.Ф. Коковцова, маркиз Лоренс Кастеле, Д.А. Нелидов и профессор И.П. Алексинский¹. Подготовительные работы к открытию Дома начались в марте 1927 г., цели создания которого княгиня В.К. Мещерская определила так: «1) приютить нетрудоспособных и престарелых русских беженцев, тем или иным образом связавших свое имя с работой на пользу России и 2) дать возможность трудящимся русским беженцам и их детям, которые по недостатку средств не могут отдохнуть у моря или на климатической станции, отдохнуть на чистом воздухе в здоровых и хороших условиях»².

Заведующим Русским домом был назначен генерал-майор Сергей Николаевич Вильчковский (1871–1934), происходивший из петербургских дворян. «Частично заведующим всеми сборами» являлся генерал-майор Свиты Николай Антонинович Княжевич (1871–1950), потомственный дворянин Таврической губернии. Он выдавал квитанции о получении средств и бланки заявлений, которые просил спонсоров присылать лично ему вместе со взносами³. Библиотекой учреждения заведовал член Союза русских дворян, хранитель Версальского музея, потомственный дворянин Псковской губернии Владимир Владимирович Философов (1857–1929)⁴. Над украшением церкви Русского Дома, помимо княгини В.К. Мещерской, работали и другие дворяне-эмигранты: князь М.С. Путятин, полковник А.П. Гревс, дворянин Орловской губернии, генерал-лейтенант С.Л. Марков, потомственный дворянин Московской губернии⁵. Изъявил готовность содействовать созданному княгиней В.К. Мещерской делу и П.П. Менделеев. В письме от 11 июля 1928 г. он предложил свою систему привлечения членов Дома:

¹ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 20. Л. 10.

² Там же.

³ Там же. Л. 2–3.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 18. Л. 27.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 20. Л. 10.

они должны были предоставлять готовые бланки заявлений с первым взносом, а не посылать особые заявления на имя В.К. Мещерской¹. По предложению княгини В.К. Мещерской в 1939 г. к работе Русского дома был привлечен Борис Георгиевич Старк (1909–1996), сын контр-адмирала Г.К. Старка, с женой. Спустя два месяца после начала работы супруги арендовали большое имение, где оборудовали церковь².

В Ницце на рубеже 1920–1930-х гг. действовал Комитет имени государыни императрицы Марии Феодоровны по оказанию помощи туберкулезным больным, устройство которого было возложено на графиню Екатерину Болеславовну Толстую-Милославскую (1868–1956)³. В рамках деятельности организации, участие в которой принимала графиня И.Н. Грабовская, было выделено пособие в размере 200 франков на лечение генерал-майора Георгия Андреевича Барковского (1874–1929) и капитана Н.К. Митрофанова, находившегося на лечении в Доме отдыха РОКК в Ницце⁴. Так как деньги на лечение Г.А. Барковского были получены уже после его смерти, они были потрачены на обустройство захоронения генерал-майора⁵.

С целью «объединения всех русских, культурных и национально мыслящих людей, объединенных общей культурой, верой и обычаями» в Нью-Йорке 25 января 1925 г. был образован Русский национальный клуб, который развернул работу по созданию локации, где русские беженцы могли рассчитывать на оказание моральной и материальной поддержки⁶. Участники объединения среди его задач выделили организацию недорогой столовой, бюро труда и взаимного страхования на случай смерти. Ожидаемый к маю 1925 г. капитал организации составлял 1500 долларов США, а членский взнос равнялся доллару в месяц. Совет Старейшин состоял из одиннадцати человек, восемь из которых были дворянами: А.К. Бодиско,

¹ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

² Старк Б.Г. Вся моя жизнь – чудо...: воспоминания и проповеди. М., 2009. С. 41–43.

³ БФРЗ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 77. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 6–7.

⁵ Там же. Л. 10.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-5763. Оп. 1. Д. 7. Л. 155–156.

граф Б.Г. Берг, светлейший князь Д.К. Дадияни, жандармский офицер А.П. Мартынов, полковник Л.П. Родзянко, двоюродный брат М.В. Родзянко, генерал П.А. Руцкой (Руцкий), барон Ю.А. Торнау и полковник лейб-гвардии Преображенского полка Н.А. Швецов. Председателем организации был потомственный дворянин Б.А. Завалишин, функции секретаря исполнял барон М.А. Торнау, а казначея – князь Ю.С. Шаховской¹. Оказывал материальную помощь российским беженцам в США и Союз российских дворян в Америке, но его совет ограничил расходование средств, собранных на благотворительных вечерах для американцев, на нужды не состоявших в организации дворян в 40%². Это объяснялось функционированием в США множества благотворительных организаций, а также нормативными документами союза, которые не предусматривали какой-либо благотворительной деятельности³.

Достаточно быстро в 1920-е гг. шел процесс формирования институтов диаспоры в русских колониях Китая, большинство из которых сосредоточилось на оказании материальной помощи соотечественникам⁴. Это было особенно актуально на фоне плачевного экономического положения беженцев в сравнении с эмиграцией, осевшей в Европе и США. В оказании материальной помощи беженцам активное участие принимала и дворянская часть диаспоры Китая. Так, в состав правления Харбинского комитета помощи русским беженцам, начавшего официальную деятельность в 1924 г., входил генерал-лейтенант А.В. Бордзиловский, а В.А. Казем-Бек, сын известного врача профессора Казанского университета А.Н. Казем-Бека, оказывал бесплатную медицинскую помощь по ходатайству организации⁵. В Шанхае С.Э. Дитерихс, супруга М.К. Дитерихса,

¹ ГАРФ. Ф. Р-5763. Оп. 1. Д. 7. Л. 155–156.

² Малафай М.С. Союз русских дворян в Америке в 1930-е гг. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей Международной научно-практической школы конференции молодых ученых (22–25 октября 2024 г.). М., 2024. С. 344–350.

³ Там же.

⁴ Аурилене Е.Е. Русские эмигранты в Китае: особенности адаптации (1920–1930-е гг.) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М. 2005. С. 391–405.

⁵ Лазарева С.И. Роль Харбинского Комитета помощи русским беженцам в становлении социальной защиты русских эмигрантов в Маньчжурии (1923 – начало 40-х гг. XX в.) // Известия Восточного института. 2013. № 1 (21). С. 10–19.

основала Ольгинского приюта для девочек-сирот, лишившихся родителей в годы Гражданской войны. Там же в 1926 г. было образовано Общество помощи нуждающимся учащимся Французского муниципального колледжа. Силами объединения председательством полковника В.А. Пухова в 1926–1936 гг. была собрана сумма в 30 тыс. долларов, потраченных на обучение эмигрантской молодежи, предоставление бесплатных обедов и оказание медицинской помощи¹.

Огромный вклад в оказание помощи русским беженцам Шанхая внесли В.Ф. Гроссе и Э.П. Гроссе. Последняя основала благотворительное общество «Помощь», в числе первых членов которого был бывший уполномоченный в армии адмирала А. Колчака А.А. Булыгин², регулярно организовывала благотворительные балы, а также возглавила Дамский Благотворительный комитет, который содействовал устройству кадетского корпуса³. В.Ф. Гроссе возглавил Комитет защиты прав и интересов русских граждан в Шанхае. Вице-председателем Комитета в 1925 г. стал К.Ф. Вальтер. В рамках возникшей в историографии дискуссии о дате образования данной гуманитарной организации стоит согласиться с Е.М. Красноусовым, который отмечал, что она была образована после упразднения в 1924 г. Бюро по русским делам⁴. Это подтверждается данными из периодической печати, где писали следующее: «По закрытии “Бюро по русским делам в Шанхае” 24-го июля 1924 года в Шанхае местными национальными организациями был образован Комитет защиты прав и интересов русских в Шанхае, под председательством бывшего Российского Генерального Консула в Шанхае В.Ф. Гроссе»⁵. Организация активно помогала беженцам в трудоустройстве и содействовала их правовой защите. С июня по сентябрь 1925 г. Бюро труда при Комитете зарегистрировало 1450 безработных беженцев, из которых 970 удалось трудоустроить⁶. Всего Комитет защиты прав и

¹ Деятельность О-ва помощи нуждающимся учащимся Ф.М.К. // Слово. 1937. № 2830. С. 10.

² Шаронова В.Г. Некрополь русского Шанхая. М., 2013. С. 99.

³ Шаронова В.Г. Виктор Гроссе – хозяин Русского замка в Шанхае // Новый журнал. 2013. № 271. С. 345–374.

⁴ Дроботушенко Е.В., Ланцова Ю.Н. Деятельность Комитета защиты прав и русских интересов в Шанхае // Россия и АТР. 2020. № 1 (107). С. 143–152.

⁵ Зарубежная Россия в Китае // Возрождение. 1925. № 151. С. 4.

⁶ Там же.

интересов русских граждан в Шанхае объединял 8 беженских организаций. В их число входило Русское благотворительное общество, председателем которого также был В.Ф. Гроссе. В 1927 г. его сменил А.Э. Бари. В деятельности организации также принимали участие А.П. Бари, член правления общества в 1922–1931 гг., и потомственный дворянин Л.А. Гаффнер, исполнявший обязанности председателя ревизионной комиссии Общества.

Сбор средств на нужды русским беженцам осуществлялся и в рамках благотворительных мероприятий колонистов или личных инициатив дворян, которые активно продолжили дореволюционные традиции благотворительности в эмиграции. Так, княгиней З.Н. Юсуповой в Италии был организован предрождественский благотворительный базар для сбора средств, направленных на помощь беженцам¹. Финансовая цель данной акции в канун 1923 г. не была достигнута, так как в Италии наметилась финансовая катастрофа, приведшая к сокращению потребительских расходов². С 1936 г. бесплатную врачебную помощь всем обратившимся русским неимущим беженцам «без различия возраста, вероисповедания, социального положения, политических взглядов или принадлежности к партиям» оказывал С.Е. Шмурло, проживавший на тот момент в Тулузе³. Заметную роль в организации благотворительных акций сыграли представители Дома Романовых, которые «не отказались от своих многовековых традиций милосердия»⁴. В ноябре 1924 г. по приглашению Дамского благотворительного клуба в США для участия в международной благотворительной акции отправилась великая княгиня Виктория Феодоровна, которую сопровождали вдова адмирала С.О. Макарова Капитолина Николаевна Макарова (1850–1946), княгини В.К. Мещерская и контр-адмирал Н.А. Петров-Чернышин⁵. Дочь Кирилла Владимировича и Виктории Феодоровны великая

¹ Новости искусства и литературы // Последние новости. 1922. № 538. С. 3.

² Там же.

³ Возрождение. 1936. № 3958. С. 5.

⁴ Закатов А.Н. Традиции благотворительности Дома Романовых: к 100-летию со дня рождения Е.И.В. Государыни Великой Княгини Леониды Георгиевны. СПб., 2015. С. 114.

⁵ Там же. С. 116.

княгиня Кира Кирилловна покровительствовала «Комитету помощи бегущим из Советской России»¹. Активно занимались благотворительной работой великие княгини Ксения и Ольга Александровны, великий князь Андрей Владимирович, великий князь Дмитрий Павлович, великая княгиня Елена Владимировна, княгиня императорской крови Татиана Константиновна и другие члены Династии Романовых². При этом нередко благотворительная деятельность носила политический окрас, что отражалось на категориях лиц, которым оказывалась помощь. По мнению графа А.А. Игнатьева, подобная избирательность в оказании помощи беженцам негативно сказывалась на их гуманитарном и правовом положении, демонстрируя безответственность руководителей организаций³. Решением же подобных конфликтов могло быть назначение руководителями организаций представителей принимавших беженцев государств из среды общественных и политических деятелей.

На основе анализа гуманитарной и благотворительной деятельности Русского Зарубежья 1920–1930-х гг. можно утверждать, что представители дворянского сословия внесли значительный вклад в становление и реализацию помощи российским беженцам. Эмигрантский запрос на оказание гуманитарной помощи был обусловлен бедственным положением большинства беженцев и существовавшей необходимостью смягчения процесса их адаптации в рассеянии. Ведущими институтами оказания помощи беженцам были такие организации, как РОКК и Земгор, сохранявшие преемственность по отношению к дореволюционным объединениям, а также многочисленные локальные организации. В деятельности рассмотренных объединений заметную роль сыграли князь Г.Е. Львов, граф П.Н. Игнатьев, Б.Е. Иваницкий, Г.М. Кауфман-Туркестанский, М.Л. Киндяков, Г.А. Алексеев, граф Э.П. Беннигсен, В.В. Буймистров, княгиня С.И. Демидова, Д.А. Зиновьев, В.В. Малама, П.П. Менделеев, княгиня В.К. Мещерская и другие представители дворянской диаспоры.

¹ Положение на Дальнем Востоке // Правое дело. 1931. № 3. С. 10–11.

² Закатов А.Н. Традиции благотворительности Дома Романовых: к 100-летию со дня рождения Е.И.В. Государыни Великой Княгини Леониды Георгиевны. СПб., 2015. С. 122.

³ Игнатьев А.А. Беженское представительство // Последние новости. 1924. № 1280. С. 2.

Таким образом, в 1920–1930-е гг. дворянство стало как неотъемлемой, значимой частью Русского Зарубежья, так и одновременно самостоятельным феноменом. Расселение дворян по странам-реципиентам было неравномерным и в целом повторяло основные направления движения российских беженцев. При этом эмиграция затронула всю структуру сословия, о чем свидетельствует многообразие дворянских родов, представители которых покинули Россию после 1917 года. Несмотря на существующие сложности с оценкой ее численности, на основе источников и косвенных признаков можно утверждать, что дворяне составляли существенную часть от общего числа беженцев, покинувших Россию после 1917 г., даже в тех регионах, которые в 1920–1930-е гг. не отличались многочисленностью русских колонистов. Главными центрами формирования дворянского движения в 1920–1930-е гг. стали Франция и США. В свою очередь, Китай, являясь одним из основных регионов российской эмиграции 1920–1930-х гг., так и не стал подобным центром, несмотря на попытки создания дворянской организации в Шанхае. Это было обусловлено, в том числе, более тяжелыми условиями жизни беженцев в сравнении с Европой и США, а также географической удаленностью от политических центров российской эмиграции. У истоков дворянского движения в эмиграции стояли Г.А. Алексеев, граф П.Н. Апраксин, А.К. Бодиско Б.Л. Бразоль, С.С. Бутурлин, В.В. Вадковский, С.С. Воейков, светлейший князь М.К. Горчакова, А.М. Дерюгин, князь А.Д. Голицын, Н.Ф. Иконников, граф П.К. Ламздорф-Галаган, П.П. Менделеев, князь А.А. Оболенский, княгиня Л.П. Оболенская, Н.Д. Плешко, С.Н. Плаутин, князь М.С. Путятин, Л.М. Савелов, князь В.В. Тенишев, князь В.П. Трубецкой, А.С. Толстой, граф Д.С. Шереметев. Это лишь малая часть имен, которую можно дополнить другими видными представителями Русского Зарубежья.

Сталкиваясь с тем же рядом проблем, что и другие социальные группы Русского Зарубежья, дворянство в изгнании обладало рядом уникальных характеристик и особенностей, которые позволяют рассматривать его как устойчивое социально-культурное и политическое явление. Так, в сравнении с другими социальными группами эмиграции сохранение правовой связи с

императорской Россией для российских дворян, как правило, имело особое значение, а натурализация считалась возможной лишь в исключительных случаях. В США натурализация дворян практиковалась чаще, чем в Европе и Китае, хотя и там были прецеденты принципиального отказа от принятия гражданства страны пребывания. Таким образом, осознанный отказ дворян от натурализации выступал своеобразной формой сохранения правовой связи с Россией, сословной и национально-культурной идентичности.

Привилегированное социальное положение в императорской России позволило незначительной части дворян обрести «эмигрантское благополучие», но большинство из них столкнулось со сложностями адаптации и интеграции в странах-реципиентах. Для выживания дворяне-эмигранты прибегали к несвойственному им физическому труду, пытались конвертировать свои навыки и знания в рамках интеллектуальных занятий, чему способствовало знание языков и полученное образование. Хотя гендерная дифференциация эмиграции и способствовала заключению беженцами союзов с представителями стран-реципиентов, дворяне нередко вступали во внутрисословные браки, что препятствовало размыванию сословия. Учитывая важность воспитания эмигрантской молодежи, дворяне внесли весомый вклад в становление образовательных учреждений Русского Зарубежья. Составляющей культурного феномена дворянства в эмиграции также являлось его участие в подготовке и проведении Пушкинского юбилея 1937 года, что способствовало сохранению национальной культуры и самосознания.

Отличительной особенностью дворянской эмиграции в 1920–1930-е гг. было сохранение генеалогической культуры, о чем свидетельствует работа историко-генеалогических обществ, продолживших дело Историко-родословного общества в Москве. Значительный вклад в развитие генеалогии в изгнании внесли граф П.Н. Апраксин, В.С. Арсеньев, С.С. Бутурлин, Н.Ф. Иконников, Л.М. Савелов, В.Н. Смольянинов, Д.П. Соловский, С.Н. Плаутин, Н.Д. Плешко, барон М.А. Таубе и другие представители сословия. При этом среди дворян в эмиграции сохранялась препятствовавшая их консолидации неявная сословная дифференциация, которая

особенно была заметна в начале 1920-х гг. Под влиянием бессловных обществ стран-реципиентов отношение дворян к собственному происхождению постепенно трансформировалось.

В силу тяжелых условий жизни подавляющего большинства российских беженцев приобрела особое значение гуманитарная и благотворительная деятельность дворян. Дворянская часть диаспоры приняла деятельное участие в работе таких гуманитарных институтов Русского Зарубежья, как РОКК и Земгор. Анализ их деятельности выявил, что их функционирование нередко сопровождалось конфликтами, вызванными политической неоднородностью эмиграции и сословной дифференциацией. Существенную помощь беженцам оказывали и локальные гуманитарные организации Русского Зарубежья, многие из которых были созданы дворянами-эмигрантами. Дворянская диаспора сыграла ключевую роль в открытии и дальнейшем функционировании Русского дома в Сент-Женевьев-де-Буа, одного из символов Русского Зарубежья. Сохраняя преемственность, заметную благотворительную деятельность осуществляли представители Дома Романовых. Таким образом, утратив сословные привилегии, в 1920–1930-е гг. дворянство в эмиграции сохранилось как устойчивая и самостоятельная социальная группа, а также удержало общественное лидерство и культурное представительство в среде Русского Зарубежья.

ГЛАВА 2. ДВОРЯНСТВО И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

2.1. Деятельность Союза русских дворян в 1920–1930-е гг.

Одной из главных привилегий российского дворянства до 1917 г. было право на объединение в особые внутрисословные корпорации на уровне уездов и губерний, появившиеся в период царствования Екатерины II. Жалованная грамота дворянству 1785 г. окончательно закрепила существование губернских дворянских собраний как органов местного самоуправления и определила их правовой статус. При этом дореволюционное дворянство не обладало общероссийской сословной корпоративной организацией, а первые попытки ее создания пришлось на рубеж XIX–XX вв. Обострение социально-экономической ситуации в Российской империи начала XX в. и Первая русская революция способствовали гражданской активизации дворян. 21–28 мая 1906 г. состоялся Первый съезд уполномоченных дворянских обществ, где был разработан его проект устава, затем утвержденный Министерством внутренних дел 29 июня 1906 г. Вторая редакция Устава была принята на III съезде в 1907 г. и утверждена министром внутренних дел 5 мая 1909 года¹. Как отмечает Е.П. Баринова, создание общероссийской дворянской организации было завершающим этапом в консолидации сословия как охранительной силы², однако конструктивная политическая деятельность им так и не была реализована, а обсуждения на дворянских съездах нередко заканчивались «пустой говорильней»³.

Стремление объединить российское дворянство проявилось и в условиях эмиграции. Крупнейшей монархической дворянской организацией Русского Зарубежья стал Союз русских дворян за границей. Отмечается, что к 1940 г. в его

¹ Баринова Е.П. Правовой статус объединенного дворянства // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 1 (47). С. 22–27.

² Там же.

³ Баринова Е.П. Объединенное дворянство об актуальных вопросах развития России // Известия Самарского научного центра РАН. 2006. № 8 (3). С. 728–739.

составе насчитывалось 1231 человек¹. По-видимому, указанная численность относится к 1939 г., так как вскоре после начала Второй мировой войны дворянский союз во Франции приостановил свою деятельность.

Процесс формирования дворянской организации начался в 1925 году. На страницах «Союза дворян» (Париж, 1950–1976), послевоенного периодического органа печати объединения, указано, что 11 ноября 1925 г. П.П. Менделеев, графы Д.С. Шереметев, Э.П. Беннигсен и В.А. Бобринский, светлейший князь М.К. Горчаков, князья С.В. Гагарин, А.Д. Голицын и В.В. Тенишев выступили с инициативой создания «рыцарского ордена самопомощи, самосохранения и самосовершенствования»².

При этом сам П.П. Менделеев в мемуарах упоминал получение им циркулярного приглашения от инициативной группы по созданию объединения в конце июня 1925 г., в котором сообщалось, что Союз русских дворян образуется со следующими целями: «блюсти и охранять идеологическую чистоту старых дворянских традиций и вместе с тем бороться против утраты дворянского самосознания как силы, исторически способствовавшей возвеличению Государства Российского и долженствующий служить естественной опорой трона»; «отстаивать при восстановлении Российской державы идею сословности вообще и в частности исконное значение дворянства как сословия, правящего в противовес уравнилельным демократическим стремлениям»; «воспитывать в юношестве дух религии, рыцарской чистоты и верности своему государю»³. Там же сообщалось, что избранный на инициативном собрании Временный совет старшин, председателем которого был князь Н.Б. Щербатова, просил П.П. Менделеева поддержать своим авторитетом возникающую внепартийную организацию и

¹ Зацепина О.С., Ручкин А.Б. Русские в США. Общественные организации русской эмиграции в XX–XXI вв. Нью-Йорк, 2011. С. 87.

² Союз дворян. 1953. № 7. С. 2.

³ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 574–575.

приглашал его принять участие в общем собрании будущих членов Союза, которое состоялось 5 июля 1925 года¹.

В состав инициативной группы входили светлейший князь М.К. Горчакова, граф А.Д. Бутурлин, Е.М. Бульмеринг, А.Ф. Билинский, Ф.П. Бострем, Д.Д. Давыдов, А.М. Дерюгин, граф Д.П. Капнист, В.Н. Куколь-Яснопольский, князя Ф.Н. Касаткин-Ростовский, Н.С. Оболенский и Н.Б. Щербатов². Концепцию создания организации, которая предполагала реставрацию дворянских привилегий дореволюционного строя, поддержало лишь 7 участников собрания из 42, в то время как остальные были против политической деятельности Союза³. А.Н. Крупенский был вообще против идеи его образования, считая, что это дает лишь материал для советской пропаганды⁴. Стоит отметить, что А.Н. Крупенский в целом был против создания «новых партий», так как видел в них угрозу раскола монархического движения⁵. Объясняется это и существовавшими опасениями потери монополии Высшего монархического совета среди монархических организаций Русского Зарубежья.

2 августа 1925 г. состоялось еще одно собрание, где преобладали монархисты умеренных взглядов. Тогда же был определен состав Временного совета Союза, в который вошли П.Н. Апраксин, граф Э.П. Беннигсен, А.Ф. Билинский, светлейший князь М.К. Горчакова, А.М. Дерюгин, генерал-майор Д.Ф. Левшин, Г.С. Панютин, князя А.Д. Голицын, В.В. Тенишев и К.М. Шаховской⁶. Таким образом, указание 11 ноября 1925 г. и списка лиц в послевоенном издании организации, по-видимому, обусловлены внутренними конфликтами и сложностями в организации Союза в 1925–1929 гг. Деятельность ассоциации должна была начаться после образования

¹ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 574–575.

² Там же. 576–577.

³ Беннигсен Э.П. Записки. В 2-х томах. Т. 2. 1917–1955. М., 2018. С. 387.

⁴ Там же. С. 287.

⁵ БФРЗ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 35. Л. 12–17 об.

⁶ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 576–577.

10 губернских объединений, каждое из которых должно было избрать трех депутатов для участия в общих собраниях¹.

Первое общее собрание Союза русских дворян за границей состоялось 4 июля 1926 г., где была дополнена редакция устава Союза от 2 августа 1925 г. и избран постоянный совет². Первым председателем объединения был избран граф Д.С. Шереметев, товарищами председателя – П.П. Менделеев и князь А.Д. Голицын, казначеем – светлейший князь М.К. Горчаков, управляющим делами – А.М. Дерюгин, а членами совета Н.Ф. Иконников, Я.И. Савич, графы Э.П. Беннигсен и В.А. Бобринский, князья С.В. Гагарин, В.В. Тенишев и В.П. Трубецкой³. Именно 4 июля 1926 г. в последствии было принято считать формальной датой основания организации⁴. К 1 июля 1930 г. общее число членов Союза русских дворян достигло 530 человек⁵.

В 1929 г. новым председателем Союза был избран князь В.П. Трубецкой. В письме от 7 марта 1929 г. граф Д.С. Шереметев сообщил В.П. Трубецкому и П.П. Менделееву о своем нежелании вновь занять эту должность и просил не выставять его кандидатуру на выборы 10 марта⁶. «Я благодарю дворян за честь, которую они мне сделали, выбрав меня председателем, но чувствую себя уставшим и думаю, что дворяне остановят свой выбор на лице более меня опытным и лучше меня умеющим вести заседания», – писал граф Д.С. Шереметев⁷. Он также не принял своего избрания в совет Союза и со своей семьей вышел из состава организации⁸. 21 июня 1936 г. новым председателем был избран П.П. Менделеев⁹.

Согласно французскому Закону о Союзах от 1 июля 1901 г., Союз русских дворян являлся частным юридическим лицом, территория деятельности которого

¹ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 576–577.

² Хроника // Вестник Союза Русских Дворян. 1927. № 1. С. 9.

³ Там же.

⁴ От Совета // Вестник Союза Русских Дворян. 1931. № 2. С. 3–4.

⁵ Там же.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 19. Л. 119–120.

⁷ Там же.

⁸ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 589.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.

могла охватывать все страны-реципиенты российского дворянства¹. Общее собрание и совет Союза находились в Париже, но его «Отделы» могли открываться в других государствах и частях Франции по соглашению с советом Союза². 1926–1928 гг. были потрачены на преимущественно «сконструирование» организации, в результате чего были определены главные задачи, формы и границы ее деятельности³. В соответствии с этим общим собранием был утвержден устав организации от 24 ноября 1928 г., где была сформулирована цель ее создания: объединение русского дворянства «для взаимопомощи нравственной, правовой и материальной, для сохранения идеологической чистоты старых дворянских традиций, для воспитания юношества на религиозных началах и в духе рыцарской чести и для ведения родословных записей и выдачи дворянам удостоверений о принадлежности их к Российскому Дворянству»⁴. Приверженность объединения монархизму предполагала непримиримую борьбу с большевиками, однако никакого реального сопротивления Союз не вел и не планировал⁵. Из-за этого он критиковался в печати, где отмечалась несвоевременность генеалогических изысканий⁶ в условиях укрепления советской власти и повышения ее влияния в мире в первой половине 1930-х гг.

Членами Союза являлись лица обоего пола, входившие в состав губернских дворянских обществ до 3 марта 1917 г. и их совершеннолетние дети, принимаемые в состав Союза его советом, а также лица, которые согласно т. IX Свода Законов имели право на вхождение в состав дворянского сословия⁷. Зачисление в члены Союза производилось советом по представлению губернским объединением, но в случае его отсутствия прием производился советом «при условии убежденности последнего в неопороченности принимаемого и в бесспорной принадлежности его

¹ От Совета // Вестник Союза Русских Дворян. 1931. № 2. С. 3–4.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Устав и Наказ Союза // Вестник Союза Русских Дворян. 1931. № 2. С. 41–46.

⁵ Урядова А.В. Из истории Союза русских дворян во Франции (1925–1960) // Россия и Франция. XVIII–XX века. 2006. Вып. 7. С. 323–336.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 24. Л. 86.

⁷ Устав и Наказ Союза // Вестник Союза Русских Дворян. 1931. № 2. С. 41–46.

к Российскому Дворянству», а выход из организации осуществлялся по личному желанию или по предложению совета, утвержденного 2/3 голосов общего собрания¹.

Капитал организации разделялся на «запасный, оборотный и особого назначения», к основным источникам финансирования ее деятельности относилась часть ежемесячных членских взносов губернских объединений, которую по истечению года вносили в кассу Союза, добровольные пожертвования, средства, полученные от организованных Союзом мероприятий и пользования имуществом и ценностями организации². Приносили средства Союзу устраиваемые под покровительством великой княгини Ксении Александровны дворянские балы и танцевальные вечера³, при этом приток финансов от иностранцев в 1931–1932 гг. иссяк⁴.

Согласно редакции устава от 24 ноября 1928 г., организационная структура Союза включала в себя общее собрание, ревизионную комиссию, совет Союза, состоявшего из избираемого на год председателя, его трех товарищей, управляющего делами, казначея и шести членов, избираемых общим собранием на один год, а также соединенного собрания совета и председателей губернских отделений⁵. Ревизионная комиссия состояла из трех членов, избираемых председателем, и избиралась общим собранием на год. К ведению совета Союза относились: принятие в Союз новых членов; прием членских взносов и других денежных поступлений; заключение по вопросу об исключении из состава Союза членов и доклад о сем общему собранию; изыскание с целью увеличения средств Союза источников дохода; непосредственная забота об оказании членам Союза необходимой помощи; организация докладов, лекций, балов, концертов и пр.; составление годовых отчета, сметы и плана работ на будущий год; доклад общему

¹ Устав и Наказ Союза // Вестник Союза Русских Дворян. 1931. № 2. С. 41–46.

² Там же.

³ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 593.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 22. Л. 114–126.

⁵ Устав и Наказ Союза // Вестник Союза Русских Дворян. 1931. № 2. С. 41–46.

собранию о вновь принятых в Союз членах; предварительное рассмотрение всех без исключения вопросов, вносимых в общее собрание; разрешение вопросов, не подлежащих ведению общего собрания; созыв очередных и чрезвычайных общих собраний; ведение родословных записей и выдача удостоверений «о принадлежности по происхождению к Российскому Дворянству лицам о том просящим»¹.

В составе Союза русских дворян во Франции действовали губернские объединения. К лету 1926 г. их было двенадцать: Московское, Петербургское, Новгородское, Нижегородское, Псковское, Тверское, Саратовское, Курское, Орловское, Тульское, Харьковское и Таврическое². В 1925 г. рассматривалась возможность создания Черниговского губернского объединения, которое мог возглавить судебный деятель и политик, член IV Государственной думы, потомственный дворянин Черниговской губернии В.П. Басаков³. Граф Д.П. Капниста, член IV Государственной думы и потомственный дворянин Полтавской губернии, обещал А.М. Дерюгину возглавить Полтавское губернское объединение⁴, но в силу скоропостижной смерти так и не смог реализовать обещанное. На 1 апреля 1927 г. делегатами Витебского губернского объединения были Я.М. Офросимов, камергер Н.Н. Евреинов, барон К.Н. Розен; Курского – В.Н. Куколь-Яснопольский, князя Л.И. Дондуков-Изъединов и А.Н. Волконский; Московского – граф Д.С. Шереметев, князя В.П. Трубецкой и М.К. Горчаков; Новгородского – Я.О. Савич, граф Э.П. Беннигсен и Н.М. Родзянко, сын М.В. Родзянко; Нижегородского – полковник С.Н. Горский, Г.С. Панютин, Д.Б. Нейдгардт; Орловского – князь В.В. Тенишев, А.С. Хрипунов; Петроградского – член IV Государственной думы от Ярославской губернии А.Г. Ратьков-Рожнов, князь С.В. Гагарин; Псковского – А.М. Дерюгин, князь К.М. Шаховской, Я.Н. Офросимов; Саратовского – П.А. Васильчиков, Н.Ф. Иконников, поэт и переводчик М.С.

¹ Устав и Наказ Союза // Вестник Союза Русских Дворян. 1931. № 2. С. 41–46.

² Хроника // Вестник Союза Русских Дворян. 1927. № 1. С. 9.

³ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 19. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 44.

Михайлов-Расловлев¹. Кроме того, П.П. Кондэ-Марквот-Ренгартен был кандидатом в делегаты Витебского губернского объединения, герцог С.Н. Лейхтенбергский – Новгородского, а граф Ю.В. Орлов-Денисов – Саратовского².

В процессе подготовки создания Херсонского губернского объединения был составлен список находившихся в Париже дворян, которые могли бы в Союзе быть представителями этой губернии. В нем указаны Г.А. Алексеев со своей женой, коллекционер и меценат В.Н. Аргутинский-Долгоруков (1874–1941), Мария Александровна де Карриер (1858–1942), урожденная Трофимова, братья Алексей Дмитриевич и Николай Дмитриевич Келеповские, князя Димитрий Георгиевич и Георгий Георгиевич Кугушевы, сыновья дипломата Г.И. Кугушева (1872–1923), Мира Сергеевна Куссис (1890–1972), урожденная Соколова-Бородкина³, директор 1-й Тифлисской женской гимназии К.Н. Шульгин, и представители рода Эрдели: И.Е. Эрдели, Г.П. Эрдели, подполковник 9-го драгунского полка С.В. Эрдели, штабс-ротмистр лейб-гвардии Драгунского полка О.А. Эрдели со своей матерью Клавдией Петровной, урожденной Живкович, Глеб Яковлевич Эрдели и София Александровна Эрдели⁴.

За четыре года численность губернских объединений увеличилась в два раза, и к 1 июля 1930 г. их насчитывалось 20: Витебское, Области Войска Донского, Екатеринославское, Казанское, Киевское, Московское, Нижегородское, Новгородское, Орловское, Полтавское, Псковское, Рязанское, Саратовское, Таврическое, Тамбовское, Тверское, Тульское, Харьковское, Херсонское и Ярославское. Их председателями были Я.Н. Офросимова, С.Ф. Ефремов, Д.Ф. Левшин, А.А. Нератов, С.С. Уваров, князь В.П. Трубецкой, Г.С. Панютин, Я.И. Савич, князь В.В. Тенишев, С.И. Гриневич, князь К.М. Шаховской, П.А. Васильчиков, В.А. Волков, П.В. Попов, П.П. Менделеев, А.В. Глебов, князь А.Д.

¹ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 18. Л. 98.

² Там же.

³ Незабываемые могилы: российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. Т. 3: И–К. М., 2001. С. 656.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 19. Л. 152.

Голицын, И.Е. Эрдели, князь И.А. Куракин соответственно¹. Самым многочисленным из губернских объединений было Московское, председатель которого отличался особой эффективностью². В 1925–1926 гг. созывы московского дворянства реализовывал граф Д.С. Шереметев³, который среди наиболее активных лиц губернского объединения, помимо князя В.П. Трубецкого, отмечал графа В.А. Чернышева-Безобразова, поручика С.Х. Роопа и бывшего управляющего Московской конторой Императорских театров С.Т. Обухова⁴. К середине 1930-х институция губернских объединений не имела предпосылок для развития: проявляли признаки жизни лишь Московское, Екатеринославское и Казанское объединения, и только девять губерний были представлены в совете Союза постоянными членами⁵.

Во второй половине 1920-х гг. деятельность Союза сопровождалась рядом вызовов, препятствовавших планомерной работе объединения. А.В. Урядова в их числе выделила три ключевых вопроса: принятие дворянами иностранного подданства, их принадлежность к масонству и допустимость участия в общих собраниях Союза дворянок⁶. Такой контур проблемных вопросов организации следует считать корректным, но неполным.

Возможность участия дворянок в деятельности Союза вызвала дискуссии среди его членов еще в первый год деятельности организации. Второе общее собрание Союза, состоявшееся 11 октября 1925 г., определило, что лица женского пола имеют право вступать в члены Союза и пользоваться всеми правами, содержащихся в нормативных документах дворянского объединения, в результате чего в рамках Союза был образован Дамский Комитет, первое заседание которого состоялось 14 ноября 1925 г. в доме графини Е.В. Шуваловой при участии членов

¹ Вестник Союза Русских Дворян. 1931. № 2. С. 47.

² Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 589.

³ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 22. Л. 114–126.

⁶ Урядова А.В. Из истории Союза русских дворян во Франции (1925–1960) // Россия и Франция. XVIII–XX века. 2006. Вып. 7. С. 323–336.

совета Союза¹. Целью его деятельности была организация денежных сборов, подписок, балов, концертов и лекций в пользу Союза². Первым председателем бюро Дамского Комитета Союза русских дворян была графиня Ирина Илларионовна Шереметева (1872–1959), урожденная графиня Воронцова-Дашкова, а в его состав в первый год существования Комитета входили Е.Н. Бюнтинг, княгини В.К. Волконская, В.К. Гагарина и Е.Н. Голицына, леди О.Н. Эджертон, урожденная княжна Лобанова-Ростовская, В.Н. Карпова, Н.Н. Обухова, графиня М.М. Орлова-Денисова, баронесса М.Е. Рооп, И.Н. Савич, княгиня В.Х. Тенишева, княгиня М.С. Трубецкая, графиня А.И. Шувалова и графиня С.П. Шувалова³. Принимала участие в деятельности Дамского Комитета и Е.А. Шидловская⁴.

Более ощутимыми в рамках деятельности Союза русских дворян оказались вопросы принадлежности дворян к масонству и принятия ими иностранного подданства, рассмотренный в первой главе. В 1927 г. совет Союза одобрил предложение о недопущении членства масонов в объединении, изъявленное его крайне правыми элементами, что привело к выходу из Союза некоторых его заметных участников, среди которых был и граф Э.П. Беннигсен, не скрывавшего своей принадлежности к масонству и способствовавшего его развитию уже в эмиграции⁵. 31 июля 1927 г. общее собрание Союза постановило, что «участники масонских лож не могут состоять членами Союза русских дворян», признав масонство «одним из наиболее опасных врагов государства, религии и дворянских заветов»⁶. Однако многих членов объединения, в числе которых были такие его именитые участники, как А.С. Дубасова, вдова адмирала Ф.В. Дубасова, графиня С.С. Игнатьева, граф В.Н. Коковцов, князь Б.А. Васильчиков, возмутило решение

¹ Хроника // Вестник Союза Русских Дворян. 1927. № 1. С. 9.

² ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 18. Л. 69.

³ Хроника // Вестник Союза Русских Дворян. 1927. № 1. С. 9.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 19. Л. 175.

⁵ Малафай М.С. Масонский вопрос в кругах русской дворянской эмиграции 1920–1930-х гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXIII Междунар. науч. конф., Иваново, 27–28 марта 2024 г. Иваново, 2024. С. 420–425.

⁶ Обзор деятельности С.Р.Д. за время с февраля 1927 г. // Вестник Союза Русских Дворян. 1931. № 2. С. 7–16.

брать с дворян подписку о непринадлежности к масонству¹. Князь М.С. Путятин обвинял инициаторов предоставления данной подписки – графа Д.С. Шереметева и светлейшего князя М.К. Горчакова – в использовании приемов ГПУ с целью раскола дворянства в эмиграции². Для недопущения распада организации вопрос о подписке был пересмотрен в течение следующего года в рамках деятельности согласительной комиссии, в которую вошли В.Н. Куколь-Яснопольский, полковник А.Н. Тиран, Я.И. Савич и князь В.П. Трубецкой: старые члены Союза русских дворян освобождались от предоставления обязательной подписки, а всем вновь вступающим предлагалось заполнить опросный лист, содержащий пункт о непринадлежности к тайным обществам, что было рассмотрено и принято общим собранием Союза 24 ноября 1928 г. и закреплено в уставе и наказе Союза³.

Дальнейшая практическая реализация этих принятых норм не устроила дворян Петроградского и Курского губернских объединений. Князь А.Н. Волконский в докладе курским дворянам подверг критике созданный механизм контроля дворян на предмет их принадлежности к масонству и избрание в совет Союза графини М.Н. Чернышевой-Безобразовой, урожденной княжны Щербатовой, отметив отсутствие принципиальности Союза в вопросе принятия дворянами иностранного подданства, после чего члены объединения Курской губернии постановили выйти из состава Союза⁴. Их решение поддержало собравшееся 25 мая 1929 г. собрание дворян Петроградской губернии под председательством А.В. Ратькова-Рожнова, участниками которого были князь С.В. Гагарин, князь Я.В. Ратьков-Рожнов, граф А.В. Гендирков, И.А. Мятлев, П.Л. Стефанович, А.А. Половцов-младший, барон С.К. Фелейзен, А.Н. Моллер, М.Н. Моллер, Н.Н. Григорьев и А.Н. Виноградский⁵. Ответ на критику деятельности

¹ Малафай М.С. Масонский вопрос в кругах русской дворянской эмиграции 1920–1930-х гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXIII Междунар. науч. конф., Иваново, 27–28 марта 2024 г. Иваново, 2024. С. 420–425.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Выпись из протокола собрания курских дворян от 20 мая 1929 г. // Вестник Союза Русских Дворян. 1931. № 2. С. 33–34.

⁵ Там же.

Союза со стороны этих губернских объединениями был предоставлен на Соединенном собрании Совета Союза русских дворян, губернских предводителей и председателей губернских объединений 26 июня 1929 г., участники которого выразили надежду на устранение возникшего недопонимания и разногласий¹. При этом после в письме князю В.П. Трубецкому А.В. Ратьков-Рожнов, с которым был солидарен князь С.В. Гагарин, опровергал свое участия в обсуждении голосования по вопросам масонства и иностранного подданства, о чем сообщалось в журнале соединенного собрания совета Союза русских дворян, губернских предводителей и председателей губернских объединений от 26 июня 1929 г.². Стоит отметить, что непосредственно их имена в выписке из журнала не указаны, поэтому обоснованность данных обвинений не может быть полностью достоверна.

В статье А.В. Урядовой не выделена еще одна проблема, которая также не способствовала консолидации дворянского объединения – удержание молодежи в рядах Союза. Стараниями А.М. Дерюгина практически сразу после образования Союза при нем образовался кружок дворянской молодежи, председателями которого был герцог С.Н. Лейхтенбергский, а после князь императорской крови Никита Александрович³. Стоит отметить, что политические объединения Русского Зарубежья не пользовались популярностью в кругах эмигрантской молодежи, для которой в целом была характерна низкая общественная активность⁴. Дворянская молодежь, напротив, хотя и была поглощена учебой и работой в процессе ассимиляции, активно интересовалось актуальными вопросами политики «в настоящем и будущем»⁵. Б.Г. Старк вспоминал, что молодые дворяне устраивали балы, приглашали великих княгинь, а шефство над собраниями дворянской

¹ Журнал соединенного собрания Совета Союза русских дворян, губернских предводителей и председателей губернских объединений от 26 июня 1929 г. // Вестник Союза Русских Дворян. 1931. № 2. С. 37–40.

² ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 18. Л. 55.

³ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 590–591.

⁴ Климович Л.В. Молодежь российской эмиграции как социокультурный феномен: Королевство СХС и Югославия, 1920–1930-е гг. // Нансеновские чтения. СПб., 2019. С. 515–522.

⁵ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 592.

молодежи взяла великая княгиня Елена Владимировна¹. Ключевые фигуры Союза русских дворян из-за решения организационных вопросов и преодоления внутренних конфликтов не смогли обратить на дворянскую молодежь должного внимания, в то время как А.М. Дерюгин «приобрел исключительное на членов кружка влияние» и распространял среди них крайне правые идеи². Так, вопрос о преследовании масонства был впервые поднят именно в рядах молодежи по инициативе А.М. Дерюгина, а в конечном результате кружок примкнул к «горчаковской группе» и вышел из состава объединения вслед за выходом А.М. Дерюгина из совета Союза³, хотя и обладал высокой самостоятельностью и в рамках организации⁴.

Вскоре князь М.А. Волконский и А.М. Дерюгин инициировали создание с собственным уставом и наказом Союза российской дворянской молодежи, генеральным секретарем которого стал П.Я. Данзас⁵. При этом имели место быть попытки сплотить молодежь вокруг «стариков» в Союзе русских дворян и после выхода из организации и регистрации самостоятельного объединения молодых дворян. Предполагалось открыть интернат для молодых дворян Парижа и его окрестностей, для реализации чего был учрежден особый денежный фонд, однако «горчаковская группа» опередила в этом вопросе Союз, открыв на средства тверского дворянина А.А. Вонсяцкого в Вилье-ле-Бель, северном пригороде Парижа, Кадетский корпус им. Императора Николая II, директором которого в 1930–1933 гг. был генерал-лейтенант, дворянин Харьковской губернии В.В. Римский-Корсаков⁶.

¹ Старк Б.Г. Вся моя жизнь – чудо...: воспоминания и проповеди. М., 2009. С. 35.

² Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 591.

³ Там же.

⁴ Данзас П.Я. Воспоминания о Союзе молодежи: Два письма из Парижа // История российских дворянских организаций и учреждений, их сегодняшнее состояние и перспективы развития: Материалы ко Второму научному семинару. СПб., 1996. С. 51–55.

⁵ Там же.

⁶ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 591.

Одним из наиболее удачных направлений его деятельности было сохранение и развитие генеалогической культуры дворянства. Родословная комиссия Союза под председательством князя М.С. Путятина смогла образовать вокруг себя группу из 10–12 человек, проживавших в Париже и за пределами Франции и работавших в области российской генеалогии¹. Фактическим руководителем и «душой этой комиссии» был заместитель князя М.С. Путятина – Н.Ф. Иконников, который отличался энергичностью и деловитостью, смог внести в родословное дело «долю жизни и поэзии»².

В «Докладе о реорганизации деятельности Союза в области генеалогии» Н.Ф. Иконникова, предоставленного в совет Союза 6 июля 1929 г., содержится прошение об утверждении членами родословной комиссии, помимо уже участвовавших в ее работе князя М.С. Путятина и Н.Ф. Иконникова, С.Н. Плаутина и капитана лейб-гвардии тяжелого артдивизиона Дмитрия Павловича Соловского (1894–1957)³. Для укрепления авторитета Союза русских дворян Н.Ф. Иконников предлагал переименовать родословную комиссию в особый генеалогический отдел при Союзе, так как «само понятие о комиссии как об институте временном и случайном» умаляло вес предоставляемых им заключений. Согласно его предложениям, состав отдела должен был определять его председатель, избираемый ежегодно общим собранием Союза одновременно с избранием совета, предполагалось наличие собственного имущества и капитала у отдела, а его годовой отчет подлежал рассмотрению ревизионной комиссии на общих основаниях. Основная цель данного преобразования заключалась в повышение уровня генеалогической экспертизы. Автор доклада утверждал, что следовало тщательно проверять сведения о дворянах, вносимых в родословную книгу дворянства Союза, чтобы не дискредитировать его деятельность неточностью вносимых данных. Родословные записи поколений дворянских родов должны были вестись Отделом в виде предварительных записей, которые включали в себя сведения, собранные путем

¹ Родословная комиссия // Вестник Союза русских дворян. 1931. № 2. С. 14–16.

² Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 588.

³ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 18. Л. 62–65 об.

опроса и свидетельских показаний¹. В случае, когда происхождение дворянина было установлено с несомненностью, род его вносился в Родословную книгу Союза, по утверждению советом Союза подробного журнала генеалогического отдела, с перечислением в нем свидетельств и документов, устанавливающих несомненность происхождения данного дворянина². В статье И.И. Гризина сообщается, что 16 июля 1929 г. решение о пополнении родословной комиссии Союза С.Н. Плаутиным и Д.П. Соловским было принято, а в конце июля родословная комиссия преобразовывалась в родословный отдел, который становился выборным органом, работа которого упорядочивалась, регламентировался порядок подачи прошений о занесении в родословные книги³.

К 1931 г. Родословной комиссией были закончены и готовы к печати родословные Араповых, Васильчиковых, Левшиных, Мазараки, Плаутиных, Раевских герба Лебедь, графов Рибопьер и Строгановых, князей Куракиных, Путятиных и Хованских, Устиновых, Хлоповых, представителей воронежской ветви Шидловских, баронского рода Типольт⁴. Между 1932 и 1940 г. в 11 полутамах вышло первое напечатанное на mimeографе издание «Родословного сборника российского дворянства»⁵, главной работы Н.Ф. Иконникова. В опубликованные родословия вошли потомки Ратши – Аминевы, Пушкины со своими разветвлениями, Бутурлины, Каменские, Кологривовы, Мятлевы, Прнчищевы, Чулковы, Замыцкие, Шиловские, Шиловы, Докудовские, Фредерикс, Гаевские, Головачевы, Янковы, Языковы, Кутайсовы, Лачиновы, Литвиновы, Нарышкины, Сабуровы с их разветвлениями, Поленовы, Резвые, Бискупские, Левшины⁶ и другие. Всего было изучено более 700 фамилий, а их поколенные росписи доведены почти до наших дней, что особенно ценно на фоне кризиса генеалогии в России

¹ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 18. Л. 62–65 об.

² Там же.

³ Грезин И.И. История некоторых материалов из собрания Н.Ф. Иконникова и опыт их разбора // Генеалогический вестник. 2020. Вып. 63. С. 112–118.

⁴ Родословная комиссия // Вестник Союза русских дворян. 1931. № 2. С. 14–16.

⁵ Конарский Ш., Орбек М. Памяти русского генеалога Николая Флегонтовича Иконникова (1885–1970) // Генеалогический вестник. 2020. Вып. 63. С. 59–62.

⁶ Савелов-Савелков Л.М. Генеалогия в Зарубежье // Новик. 1939. № 4. С. 1–14.

после 1917 г.¹. Среди недостатков «Сборника» отмечали небезупречную стилистику и французский язык, что компенсируется точностью поколенных росписей и дат, верными ссылками на источники информации². Выход труда в свет сопровождался и отзывами Л.М. Савелова, который в эмиграции установил связь с Н.Ф. Иконниковым. Как отметил О.Н. Наумов, Л.М. Савелов несомненным достоинством труда Н.Ф. Иконникова признавал тщательность в составлении росписей и наличие библиографических ссылок, при этом отмечая их неполноту, вызванную отсутствием доступа к русским архивам и библиотекам³. Л.М. Савелов указывал и на спорные моменты в росписях, составленных Н.Ф. Иконниковым, и иногда самостоятельно дополнял их конкретными фактами⁴. Вне страниц периодического издания Л.М. Савелов, наряду с С.С. Бутурлиным, был более критичен к деятельности Н.Ф. Иконникова, о чем сказано в письме В.В. Вадковского⁵.

Наряду с Н.Ф. Иконниковым весомый вклад в становление родословной комиссии Союза русских дворян во Франции внес С.Н. Плаутин. Он активно занимался сбором и исследованием документов для составления родословной Плаутиных, в результате чего ему удалось составить генеалогическое древо, охватившее конец XVIII – начало XX вв.⁶. В рамках этих работ он собрал сведения о своей прабабке – Северине Осиповне Плаутиной (1815–1852), урожденной графине Калиновской, жене генерала от кавалерии и члена Государственного совета Николая Федоровича Плаутина (1794–1866). Полученные С.Н. Плаутиным сведения позволили определить год рождения С.О. Плаутиной, который иногда ошибочно указывают как 1814 г., год ее замужества – октябрь 1832 г.⁷, и вероятное

¹ Конарский Ш., Орбек М. Памяти русского генеалога Николая Флегонтовича Иконникова (1885–1970) // Генеалогический вестник. 2020. Вып. 63. С. 59–62.

² Там же.

³ Наумов О.Н. Л.М. Савёлов и Н.Ф. Иконников // Генеалогический вестник. 2020. Вып. 63. С. 119–121.

⁴ Там же.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 24. Л. 49.

⁶ БФРЗ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.

⁷ Там же. Л. 14.

место смерти – Киевская губерния¹. Кроме того, он вел переписку с полковником Георгием Адамовичем Гоштовтом (1891–1953), представителем русского-литовского дворянского рода и автором изданного в 1931 г. в Париже «Дневника кавалерийского офицера», о генеалогии литовских великих князей и князей смоленских, о родословиях князей Вяземских, Друцких, Одинцевич, Острожских².

В родословную комиссию Союза поступало множество просьб о составлении отдельных родословных, о записи в родственные книги новорожденных дворян, о выдаче свидетельств о дворянстве и о рисовании гербов³. Так, князь С.Е. Трубецкой (1890–1949) обращался туда с просьбой навести справки об Ольге Владимировне Жаворонковой, урожденной Матвеевой, отец которой, по сведениям князя Н.Б. Щербатова, был уездным предводителем дворянства Орловской губернии⁴. Археолог и искусствовед А.П. Калитинский, дворянин Саратовской губернии, обращался к П.П. Менделееву с просьбой о доступе к генеалогической библиотеке Союза для работ над геральдикой⁵. Кроме того, родословной комиссии приходилось давать справки и разъяснения русским офисам во главе с В.А. Маклаковым⁶. Князь В.П. Трубецкой поднимал перед последним вопрос о праве удостоверить дату рождения и отчество членов Союза и их детей, что было необходимо для получения сертификатов и актов о рождении лиц не имевших метрик или подлинных русских документов⁷. В ответном письме В.А. Маклаков указал, что французские законы требовали предоставления подлинника документа старого режима, а утратившие их лица были обязаны обращаться к мировому судье для получения нотариального свидетельства стоимостью 350 франков. Однако для В.А. Маклакова и Русского офиса в рамках оценки достоверности просимых документов удостоверение Союза

¹ БФРЗ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 10. Л. 9.

² Соколова Т.Ф. Коллекция Плаутиных в архивном фонде Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014–2015. М., 2015. С. 146–158.

³ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 593.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 32. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 23.

⁶ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 593.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 22. Л. 111.

являлось «ценным подсобным материалом», что позволяло получить его членам свидетельство о рождении стоимостью в 53 франка¹.

Союз восстанавливал и другие утраченные документы дворян. Например, Н.А. Мельников в январе 1937 г. обращался к П.П. Менделееву с просьбой оформить удостоверение о том, что его дочь, Прасковья Николаевна Мельникова, окончила курс в Елизаветинском институте благородных девиц в Санкт-Петербурге, так как документы об его окончании не сохранилось². В Париже подтвердить это мог сын покойной начальницы учебного заведения Л.А. Казем-Бек и ее родная племянница Л.П. Толстая-Милославская. Там же Н.А. Мельников указывал, что его дочь родилась в Казани 22 сентября 1898 г. Это подтверждал сохранившийся паспорт, выданный ей Казанским дворянским депутатским собранием³. Наличие восстановленных документов могло существенно облегчить процесс адаптации дворян в инокультурной среде.

Жизнь Союза 1930-х гг. была наполнена и другими событиями. В рамках обсуждения теоретических вопросы об устройстве России после смены власти в июне 1933 г. было предложено организовать собеседования на общественно-политические темы, которые по замыслу организаторов должны были привлечь молодых дворян⁴. Князь А.Д. Голицын подготовил лекцию на тему «Внутренняя политика России при Императоре Александре II», Д.А. Олсуфьева «О внешней политике Александра III», журналист В.И. Семенов «О современной Польше», граф П.К. Ламздорф-Галаган «Воспоминания о Правительствующем Сенате времени царствования Николая II»⁵ и другие. Однако эти просветительские инициативы натолкнулись на полное безразличие со стороны дворянской молодежи, которая была поглощена адаптацией в странах-реципиентах и досугом⁶.

¹ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 22. Л. 111.

² ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 32. Л. 12–13.

³ Там же.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 22. Л. 120–121.

⁵ Там же.

⁶ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 592.

Это еще одно подтверждение поколенческого размежевания в кругах дворянской эмиграции.

Рассматривалось формирование «Дворянского клуба», который должен был собираться еженедельно по определенным дням: через каждые две недели танцевальные собрания, а в промежутках между ними беседы с такой же периодичностью¹. При участии князя В.В. Тенишева и управляющего Союза Г.А. Алексеева в Токийском дворце Парижа 28 июня 1933 г. был устроен концерт, давший на благотворительные нужды 1632 франка². На квартире последнего, проживавшего в Париже по адресу 12 Rue Blanche, проходили частные собрания, где дворяне выступали с докладами, освещавшими исторические и политические темы³. По воскресеньям в Союзе проводились дневные собрания – «кружки чая»⁴, приглашения на которые публиковались в газете «Возрождение». Особенно они были популярны среди молодежи⁵. В апреле 1938 г. Союз русских дворян наряду с другими эмигрантскими организациями принял участие в чествовании великой княжны Киры Кирилловны по случаю ее помолвки с принцем Луи Фердинандом Прусским⁶.

Состоявшееся 26 марта 1939 г. Общее собрание Союза русских дворян во Франции переизбрала в качестве председателя организации П.П. Менделеева. Товарищами предателя были избраны князь А.Д. Голицына, граф П.К. Ламздорф-Галаган и князь В.В. Тенишев, управляющим делами Г.А. Алексеев, а членами Совета Союза С.С. Воейков, А.А. Гулевич, С.Ф. Ефремов, С.С. Зилоти, Н.Ф. Иконникова, М.А. Кедров, Д.Ф. Левшин, князь П.Н. Мещерской, Я.Н. Офросимова и князь В.П. Трубецкой. В Ревизионную комиссию избраны предводитель дворянства Ковенской и Минской губерний А.Ф. Гирс, А.Д. Келеповский, юрист Г.В. Курлов, калужский уездный предводитель дворянства М.М. Осоргин и

¹ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 22. Л. 121.

² Там же.

³ Малафай М.С. Участие Г.А. Алексеева в жизни российской эмиграции 1920–1930-х годов // Преподавание истории в школе. 2025. № 4. С. 75–78.

⁴ Там же. С. 594.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 22. Л. 119.

⁶ Чествование великой княжны Киры Кирилловны // Возрождение. 1938. № 4126. С. 7.

лейтенант И.И. Стеблин-Каменский¹, редактор журнала «Армия и флот» (Париж, 1938–1939). В ноябре 1939 г. деятельность Союза была приостановлена на фоне начала Второй мировой войны².

Согласно докладу Совета Союза русских дворян от 19 июня 1934 г., Париж, как «мировая столица и главное место скопления русской эмиграции», должен был стать центром объединения всех подобных дворянских союзов³. Первым из них стал Союз российских дворян в Америке, образованный 3 декабря 1933 г. и зарегистрированный по штату Нью-Йорк. Тогда же общее собрание Союза утвердило его устав и наказ в первоначальной редакции, которые были составлены в общем духе документов Союза русских дворян во Франции при участии П.П. Менделеев⁴. Дворянская ассоциация в США, признавая авторитет Союза во Франции, к которому в полном составе отдельной группой примкнула в марте 1934 г., подчеркивала «свое единение со всем российским дворянством за рубежом»⁵. Союз провозглашался «культурно-национальной организацией, исповедовавшей общие монархические принципы и объединявшей "всех представителей монархической мысли от абсолютистов до конституционалистов разных оттенков"»⁶. При этом аполитичный дворянского объединения подчеркивался еще до его образования В.В. Вадковским в переписке с П.П. Менделеевым⁷. Таким образом, повторялась концепция устройства парижского дворянского объединения.

Подготовка к образованию дворянского союза в США началась весной 1933 года. Так, А.С. Толстой в письме С.Н. Плаутину от 5 апреля 1933 г. выразил заинтересованность в образовании Союза в США по образцу парижского объединения, уточнял его состав, адреса, содержание устава и образцы написания

¹ Союз русских дворян // Возрождение. 1939. № 4180. С. 14.

² Урядова А.В. Из истории Союза русских дворян во Франции (1925–1960) // Россия и Франция. XVIII–XX века. 2006. Вып. 7. С. 323–336.

³ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 22. Л. 114–126.

⁴ Малафай М.С. Союз русских дворян в Америке в 1930-е гг. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей Международной научно-практической школы конференции молодых ученых (22–25 октября 2024 г.). М., 2024. С. 344–350.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 24. Л. 97.

заявлений в родословную комиссию, упомянув среди инициаторов создания организации В.В. Вадковского, А.К. Бодиско и Г.В. Голохвастова, которые предполагали «объединение не только чисто по генеалогическому принципу, но и по другим признакам, как принадлежность к старинным Русским клубам, к полкам и училищам»¹. С.Н. Плаутин рекомендовал П.П. Менделееву воспользоваться предложением А.С. Толстого и предоставить ему полномочия на открытие отдела Союза русских дворян в Америке². При этом возможность создания дворянского объединения в США рассматривалась еще в 1927 г. В письме П.П. Менделееву от 2 февраля 1927 г. А.М. Дерюгин писал, что князь С.П. Оболенский выразил желание вступить в члены Союза русских дворян во Франции и стать его представителем в США. Автор письма рассматривал эту инициативу как возможность поставить Союз «на две ноги», так как князь С.П. Оболенский для нужд объединения мог приобрести дом или обеспечить его аренду³. Создание Союза в США в 1930-е гг. объясняется тем, что к этому времени произошел рост численности участников парижского объединения и во многом завершился процесс институализации объединения, который во второй половине 1920-х гг. сопровождался множеством конфликтов. Кроме того, русская колония в США не отличалась многочисленностью дворян, однако к 1930-м гг. их численность увеличилась за счет прибывших из Европы и Китая.

В 1933–1938 гг. председателем американского объединения был князь Алексей Александрович Оболенский (1883–1942), которого затем на непродолжительный срок сменил В.В. Буймистров⁴. С 1939 г. обязанности председателя Союза исполнял В.В. Вадковский. Изначально в качестве потенциальных председателей рассматривались князь П.А. Чавчадзе⁵ и великий князь Георгий Константинович, отказавшийся от данной должности⁶. Согласно

¹ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 24. Л. 119.

² Там же. Л. 120.

³ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 19. Л. 46.

⁴ Савелов-Савелков Л.М. Генеалогия в Зарубежье // Новик. 1939. № 4. С. 1–14.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 24. Л. 119.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 23. Л. 11–22 об.

годовому отчету за 1934 г. товарищами председателя Союза были С.С. Бутурлин, В.В. Вадковский и Н.Д. Плешко, управляющим делами Союза являлся полковник В.В. Родионов, казначеем – А.С. Толстой¹. В совете Союза состояли А.К. Бодиско, Б.Л. Бразоль, полковник Г.В. Голохвастов, потомственный дворянин Санкт-Петербургской губернии А.А. Ильин, бывший чиновник Правительствующего Сената В.С. Ильяшенко, правовед В.К. Кулибин, М.А. Лебедев и капитан Б.Н. Луговой².

23 марта 1934 г. Союз российских дворян в Америке с целью единения со всем российским дворянством за рубежом вступил в состав Союза русских дворян во Франции, образовав «отдельную коллективную группу» с собственным уставом и самостоятельным управлением³. В соответствии с уставом последнего происходила согласительная работа по переписке В.В. Вадковского и П.П. Менделеева. Для избежания всяких недоразумений предлагалось внести изменения в статью № 4 устава Союза русских дворян во Франции: «Союз может иметь свои автономные отделы и в других государствах, управляемые по своему собственному Уставу, соответственно с местными нуждам и желаниями своих сочленов. Все члены таких иностранных по отношению к Франции местных отделов являются, в случае их присутствия в Париже, равноправными членами нашего Союза»⁴. Хотя по своей формальной структуре нормативные акты дворянских объединений во многом повторялись, были некоторые отличия:

- название «Российский» напоминало об императорском устройстве и точнее выражало прежнее законодательство о российском дворянстве, в которое входили и те дворяне, которые не были «русскими» по национальности, например, прибалтийские, польские и грузинские;
- возраст членов американского Союза был снижен с 21 года до 18 лет;

¹ Малафай М.С. Союз русских дворян в Америке в 1930-е гг. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей Международной научно-практической школы конференции молодых ученых (22–25 октября 2024 г.). М., 2024. С. 344–350.

² Там же.

³ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 22. Л. 114–126.

⁴ Там же.

- в Союзе российских дворян в Америке не было губернских объединений;
- Денежная взаимопомощь была лишь «возможностью», а не главной задачей Союза, в то время как политическая окраска проявлялась ярче в сравнении с парижским объединением: в пояснительной записке члены американского Союза призывались к работе по воссозданию «Великой Национальной России»¹.

Примечательно, что в проекте наказа Союза «нежелательность» вступления в объединение масонов и лиц, стремившихся к расчленению России и состоявших на службе в советских учреждениях, заменили на «неприемлемость»². Масонский вопрос беспокоил правые круги дворянской эмиграции и в США, но его восприятие несколько отличалось от членов европейских колоний Русского Зарубежья. В.В. Вадковский отмечал незначительную численность масонов среди русских эмигрантов в США, а также писал о непонимании причин негативного отношения европейцев к масонству американцами, считавших факт принадлежности лица к тайному обществу свидетельством его достоинств³.

С января 1935 г. по апрель 1937 г. численность членов Союза увеличилась с 62 человек до 118⁴. В их числе были поручик Лейб-гвардии Семеновского полка Н.П. Тыртов, граф Б.Г. Берг, князь С.Г. Трубецкой, юрист Н.А. Тарновский, В.С. Сомова, дочь петроградского губернского предводителя дворянства С.М. Сомова (1854–1924), князь К.П. Щербатов, экономист и переводчик А.Б. Татищев, князь П.А. Чавчавадзе, граф А.П. Лесли со своей дочерью О.А. Лесли⁵. Близки к Союзу были дети члена IV Государственной думы Л.И. Пущина: И.Л. Пущин был членом ревизионной комиссии Союза, Н.Л. Пущина была женой сына В.В. Вадковского.

¹ Малафай М.С. Личный фонд П.П. Менделеева как источник по истории российского дворянства после 1917 г. // Историческая наука и архивы в XXI веке: материалы Третьей Всерос. науч. конф. историков и архивистов, посвящ. 80-летию Победы в Великой Отечеств. войне, Самара, 27–28 марта 2025 г. Самара, 2025. С. 242–249.

² ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 24. Л. 81–83.

³ Малафай М.С. Масонский вопрос в кругах русской дворянской эмиграции 1920–1930-х гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXIII Междунар. науч. конф., Иваново, 27–28 марта 2024 г. Иваново, 2024. С. 420–425.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Е.Л. Пущина была замужем за членом Союза Р.А. Небольсиным, сыном контр-адмирала А.К. Небольсина¹.

В 1930-е гг. существенный вклад в развитие Союза российских дворян в Америке внесла княгиня Любовь Петровна Оболенская (1888–1980), урожденная княжна Трубецкая, которая была женой князя А.А. Оболенского и сестрой князя В.П. Трубецкого. В 1935 г. В.В. Вадковский отмечал распорядительность, энергию «мужскую деловитость» княгини Л.П. Оболенской. При этом она выступала за прием в состав Союза «всех дворян, не уличенных в каких-либо преступлениях», против чего выступали члены совета Союза, не желавшие принимать в объединение дворян «сомнительной нравственности и достоинства», забывших «русские дворянские традиции»². Позже В.В. Вадковский стал критично отзываться о качествах княгини Л.П. Оболенской в силу начавшегося конфликта в рамках ассоциации между его единомышленниками и сторонниками князя А.А. Оболенского, который попал «под влияние дам», а также дворян, «близких к масонам»³.

Родословная комиссия Союза осуществляла генеалогические исследования, регистрацию браков и новорожденных дворян. Возглавлял комиссию с 1934 г. Н.Д. Плешко, который активно включился в дворянское движение после 1917 г.⁴, а также вел историко-родословную работу по таким русским дворянским родам, как Бодиско, Бутурлины, Вадковские, Воропаевы, Дитмары, Дубасовы, Леховичи, Рущины и Фуллон⁵. Среди членов комиссии были Г.Г. Гильшер, полковник Г.В. Голохвастов, Н.В. Дмитриев, инженер Н.Н. Епанчин, полковник Н.С. Полушкин,

¹ Малафай М.С. Союз русских дворян в Америке в 1930-е гг. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей Международной научно-практической школы конференции молодых ученых (22–25 октября 2024 г.). М., 2024. С. 344–350.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Наумов О.Н. Геральдика в историко-генеалогическом журнале «Новик» (1948–1963 гг.) // Гербовед. 1997. № 15. С. 69–74.

⁵ Малафай М.С. Союз русских дворян в Америке в 1930-е гг. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей Международной научно-практической школы конференции молодых ученых (22–25 октября 2024 г.). М., 2024. С. 344–350.

который ранее отказался ее возглавить¹. В январе 1936 г. родословную комиссию покинули историк Д.В. Лехович и Г.Г. Гильшер, а ее новыми членами стали П.П. Зубов, товарищ председателя Союза Единства Руси и редактор газеты «Правое Дело» В.К. Кулибин, граф Л.А. Лесли и капитан 2-го ранга В.Д. Погожев². После прибытия в США в ее работе принял активное участие Л.М. Савелов. Генеалог В.С. Арсеньев, находившийся на территории СССР до 1934 г., предоставил в дар библиотеке родословной комиссии американского Союза множество изданий, среди которых был алфавитный список дворянских родов с кратким указанием важнейших документов «Московское дворянство», изданный незадолго до начала Первой мировой войны, а Н.Д. Плешко передал «Гербовник Анисима Титовича Князева», составленный для Екатерины II и найденный незадолго до Первой мировой войны, и «Русскую Родословную книгу» князя А.Б. Лобанова-Ростовского³.

Родословная комиссия Союза составляла свой историко-генеалогический сборник, который должен был указать на лиц, незаконно присваивавших себе «разные русские титулы и фальшивые именные прозвища»⁴. В сборнике не допускалось указывать сведения о дворянах, разделявших большевистские взгляды или сочувствующих советской власти, в приложение могли вноситься изменения фамилий при натурализации согласно законам соответствующей страны. В сведениях о дворянских родах могли быть переименованы лишь титулы и фамилии, законно утвержденные и официально признанные до 3 (16) марта 1917 г. После этой даты сведения могли быть размещены в особом приложении к сборнику, если титулы были пожалованы, а изменения утверждены Главой Российского императорского дома, Папой Римским, монархами и правительствами стран,

¹ Малафай М.С. Союз русских дворян в Америке в 1930-е гг. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей Международной научно-практической школы конференции молодых ученых (22–25 октября 2024 г.). М., 2024. С. 344–350.

² Там же.

³ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 25. Л. 12–14.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 30. Л. 2.

признававших у себя титулы и дворянство¹. В 1936 г. вышел первый том «Родословного сборника», который содержал родословные родов Бодиско, Вадковских и Фуллон². Основная часть работы над сборником была проделана Н.Д. Плешко, а сам труд получил достойную оценку от Л.М. Савелова³.

В 1936 г. при Культурно-просветительском отделе Союза российских дворян в Америке было создано Бюро русских лекторов-националистов, заведующим которого стал В.В. Вадковский. В его состав вошли полковники М.А. Бориславский и П.В. Карташев, Б.Л. Бразоль, С.С. Бутурлин, Г.В. Голохвастов, Б.А. Завалишин, бывший управляющий канцелярией Русского народного союза им. Михаила Архангела В.В. Казаринов. В качестве первой задачи деятельности Бюро выступило предоставление русским эмигрантам в Нью-Йорке доступа к лекциям, «проникнутых здоровым русским национализмом», что должно было уменьшить влияние лекторов, проводивших «скрытую пропаганду разных космополитических и интернациональных идей»⁴. Данная инициатива была ответом на преобладание сторонников левых политических сил среди русских эмигрантов в США 1920–1930-х гг.⁵, многие из которых покинули Россию до 1917 г. Две оставшиеся задачи объединения были сформулированы так: «Предложить русским национальным организациям и группировкам некоторый выбор тем, по которым лекторы Бюро могут в кратчайшие сроки выступить с докладами, а также темы, на которые члены Бюро могут в течение известного срока изготовить доклады»; «Предоставить возможность необеспеченным материально членам Бюро получать за свой труд некоторое, хотя бы скромное, вознаграждение»⁶.

¹ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 30. Л. 2.

² Савелов-Савелков Л.М. Генеалогия в Зарубежье // Новик. 1939. № 4. С. 1–14.

³ Там же.

⁴ Малафай М.С. Союз русских дворян в Америке в 1930-е гг. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей Международной научно-практической школы конференции молодых ученых (22–25 октября 2024 г.). М., 2024. С. 344–350.

⁵ Селезнёва Т.В. Русская эмиграция в Северной Америке (1920–1930) // Русское зарубежье. 2016. № 5. С. 160–173.

⁶ Малафай М.С. Союз русских дворян в Америке в 1930-е гг. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей Международной

Связь между Союзом русских дворян во Франции и Союзом российских дворян в Америке поддерживалась перепиской В.В. Вадковского и П.П. Менделеева, а также Н.Д. Плешко и Н.Ф. Иконникова¹. В 1936 г. для укрепления связи между дворянскими ассоциациями в Нью-Йорк отправился управляющий делами французского объединения Г.А. Алексеев². Во многом он был солидарен с В.В. Вадковским в его оценках князя А.А. Оболенского и княгини Л.П. Оболенской, а также отметил низкий уровень консолидации среди дворян ассоциации³. При этом, по мнению Г.А. Алексеева, отсутствовали кандидаты, которые могли бы заменить князя А.А. Оболенского на посту председателя Союза⁴. В числе наиболее активных деятелей американского дворянского объединения Г.А. Алексеев отметил С.С. Бутурлина, «культурного и образованного человеком», задетого «трудностями полуголодного существования», и Н.Д. Плешко⁵.

Как отмечает А.В. Урядова, в 1935 г. открылись Германский и Дальневосточный отделы Союза русских дворян за границей⁶. Однако существуют сведения о начале институализации дворянской эмиграции на Дальнем Востоке годом ранее. По сообщению Н.Ф. Иконникова, работы по созданию собственного дворянского объединения в Шанхае активизировались в 1934 г., а в Шанхайскую организационную группу дворян вошли лейтенант А.О. Пикель (Пиколь), который вел переписку с Н.Ф. Иконниковым, генерал-майор А.И. Исаков, казачий полковник Хальфов и еще несколько неуказанных лиц⁷. В дальнейшем за «предварительные сношения» с шанхайским дворянским объединением отвечал князь А.Д. Голицын⁸.

научно-практической школы конференции молодых ученых (22–25 октября 2024 г.). М., 2024. С. 344–350.

¹ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.

² Там же.

³ Малафай М.С. Участие Г.А. Алексеева в жизни российской эмиграции 1920–1930-х годов // Преподавание истории в школе. 2025. № 4. С. 75–78.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Урядова А.В. Из истории Союза русских дворян во Франции (1925–1960) // Россия и Франция. XVIII–XX века. 2006. Вып. 7. С. 323–336.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 22. Л. 122.

⁸ Там же. Л. 136.

Информацию о деятельности дворянского объединения в Германии во второй половине 1930-х гг. на данный момент обнаружить не удалось.

Таким образом, образование Союза русских дворян во Франции в середине 1920-х гг. стало значимым явлением для всей российской дворянской эмиграции. Хотя первые годы жизни организации сопровождались многочисленными внутренними конфликтами, к 1930-м гг. Союз во многом завершил свое «конструирование». В силу этого были созданы предпосылки для образования подобных организаций в других странах-реципиентах. Наиболее заметное влияние на развитие дворянского движения, культурной и политической жизни русской колонии США оказали представители Союза русских дворян в Америке.

2.2. Эмигрантская периодика о дворянстве

Вопреки трудностям, с которыми столкнулись русские беженцы первой волны эмиграции, уже на рубеже 1910–1920-х гг. в ряде стран рассеивания начали зарождаться центры книгоиздания и периодической печати. В результате этого сформировалось единое информационно-культурное пространство Русского Зарубежья межвоенного периода, во многом сохранившее преемственность по отношению к императорской России. Являясь важнейшим инструментом диаспоры в процессе установления бытовой связи между беженцами, эмигрантская периодическая печать способствовала адаптации и консолидации членов русских колоний. Периодика Русского Зарубежья охватила значительную часть вопросов, отражавших интересы эмиграции, среди которых была реализация антибольшевистской деятельности, политические и социально-экономические концепции и проекты переустройства России, особенности жизни оставшихся соотечественников, вопросы материальной помощи русским беженцам, памятные мероприятия, досуг и другие. Весомый вклад в формирование и развитие печати внесли дворяне-эмигранты.

Уже в 1919 г. в различных центрах русской эмиграции стали возникать русские издательства, началась печать книг, газет и журналов. А.В. Суптело оценивает численность эмигрантских периодических изданий 1918–1932 гг. в 1005¹. П.Н. Базанов указывает цифру в 3182 газет и журналов за период 1917–1968 гг.². Учитывая сложность подсчета общего числа печатных органов Русского Зарубежья 1920–1930-х гг., стоит отметить, что периодика являлась важным инструментом формирования культурно-информационного пространства эмиграции, средством связи для беженцев, а также площадкой для общественно-политических организаций.

¹ Суптело А.В. Становление периодической печати русского зарубежья (1920–1930 гг.) // Омский научный вестник. 1999. № 9. С. 16–17.

² Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб., 2008. С. 11.

Активизация выпуска периодических изданий в условиях эмиграции относится к 1920 г., когда после Крымской эвакуации барон П.Н. Врангель предложил Н.Н. Чебышеву занять должность начальника бюро русской печати в Константинополе¹. В издаваемом им еженедельнике «Зарницы» публиковались небольшие статьи и заметки В.В. Мусина-Пушкина².

Немногочисленность русской послереволюционной эмиграции в Великобритании соотносилась с количеством периодических изданий, созданных представителями диаспоры. Выпуск газет, журналов и брошюр на английском и русском языках способствовал контактам, прежде всего, с центрами Русского Зарубежья в Европе и США. В 1920 г. в Лондоне под редакцией лидеров кадетской партии В.Д. Набокова и П.Н. Милюкова начался выпуск журнала “The New Russia: A Weekly of Russian Politics”, издававшегося на английском языке на средства П.Н. Врангеля³. В начале сентября 1920 г. существовал значительный риск невозможности печати издания из-за нехватки средств, необходимых по договору с немецким издательством Ullstein Verlag⁴. Выбор языка издания, основной целью которого была антибольшевистская пропаганда⁵, обусловлен во многом существовавшими еще в эмигрантских кругах надеждами на активную помощь британских властей. Данный еженедельник был одним из первых эмигрантских периодических изданий в Великобритании и заложил основы для развития кадетской зарубежной печати.

Там же под редакцией экономиста М.В. Брайкевича издавался англо-русский журнал Русского экономического общества в Лондоне, научно-исследовательского объединения в центре внимания которого оставалась Россия⁶, «Записки Русского

¹ Чебышев Н.Н. Близкая даль: воспоминания. Париж, 1933. С. 285–286.

² Там же. С. 325.

³ Гессен И.В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979. С. 117.

⁴ «Надеюсь, до торжества большевизма в Германии мы не доживем...» [Электронный ресурс] / Под ред. Г. Аросева // Урал. 2020. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2020/7/nadeyus-do-torzhestva-bolshevizma-v-germanii-my-ne-dozhivom.html> (дата обращения: 28.01.2024).

⁵ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 526.

⁶ Телицын В.Л., Орлов И.Б. Русское экономическое общество в Лондоне: Взгляд в прошлое, настоящее и будущее России // Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании: (1917–1940-е гг.). М., 2002. С. 57–68.

экономического общества в Лондоне» (Лондон, 1920–1923) с параллельным заглавием на английском языке “The Russian Economist: Journal of the Russian Economic Association in London”. В журнале публиковались рецензии на новые книги, сообщения о деятельности Общества и других научных и общественных организаций русской эмиграции, а также финансовые и экономические обзоры, широкий интерес к которым объясняется статусом Лондона как мирового финансового центра в 1920–1930-х гг. и немалым числом предпринимателей и банковских служащих среди представителей колонии¹, коммерческую деятельность которых облегчала британская правовая система, достаточно низкие налоги и благоприятная бизнес-среда.

Ведущим эмигрантским периодическим изданием второй половины 1930-х гг. в Великобритании являлась газета «Русский в Англии» (Лондон, 1936–1939), выходившая с подзаголовком «Газета, орган Общества северян и сибиряков в Великобритании» под редакцией Н.В. Александрова и А.В. Байкалова, постоянного сотрудника газеты «Последние новости» (Париж, 1920–1940) и активного участника эмигрантской жизни русских в Британии². К 1936 г. газета была единственным печатным органом, издающимся в Англии на русском языке³, а среди ее авторов были такие представители российского дворянства, как барон П.В. Вилькен, Г.П. Струве, А.В. Тыркова-Вильямс, историк, философ и публицист Г.П. Федотов, литературный критик и журналист А.М. Хирьяков, капитан 1-го ранга Г.Е. Чаплин, искусствовед Т.В. Чернавина и другие.

Активно развивалось русское книгоиздание и печать различных политических сил в Берлине 1920-х гг., который тогда являлся литературно-художественной столицей эмиграции. В тот период там издавалось около 150

¹ Шацлло М.К. Русские предприниматели в первые годы изгнания // Россия на рубеже XIX–XX веков: Материалы научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина. М., 1999. С. 233–242.

² Богуцкий А.Е. Енисейский казак А.В. Байкалов – деятель российской эмиграции в Великобритании // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 25–29.

³ Монарх, гражданин, человек // Русский в Англии. 1936. № 2. С. 1.

периодических изданий и альманахов¹, чему способствовала дешевизна издательской деятельности на фоне высокого уровня послевоенной инфляции². Одной из наиболее известных эмигрантских газет Берлина являлась ежедневная газета правого крыла партии кадетов «Руль», которая была основана при участии юристов В.Д. Набокова, И.В. Гессена и А.И. Каминки. За период с 16 ноября 1920 г. по 14 октября 1931 г. было выпущено 3309 номера газеты, а ее редакторами в 1920–1921 гг. были И.В. Гессен и адвокат Н.И. Радин. В 1921–1926 гг. редактором являлся Г.В. Офросимов. Также среди редакторов дворянского происхождения были историк А.А. Кизеветтер и один из лидеров Партии социалистов-революционеров А.А. Аргунов. «Руль» являлся преемником «Речи», главной кадетской газеты Петербурга до ее закрытия большевиками в октябре 1917 г., что выражалось не только в перечне лиц, стоящих у истоков данных изданий, и ее повестки, но и в намеренном сходстве дизайнов. Примечательно, что И.В. Гессен был изначально против основания газеты, однако позже подчинился воле В.Д. Набокова и А.И. Каминки, так как те не обладали необходимым редакторским опытом³. В 1922 г. серьезным вызовом для редакции газеты и всей Берлинской группы кадетов стало убийство В.Д. Набокова. К концу 1920-х гг., по мнению историка М.И. Раева, издание приобрело «налет провинциальности, сосредоточивая внимание на событиях местного значения, перепечатывая статьи и рассказы из других изданий и используя информацию местных и иностранных газет для сообщений о текущих событиях»⁴. Это демонстрировало снижение политического значения данной газеты. Подобные тенденции характерны для многих политических сил и периодических изданий эмиграции второй половины 1920-х гг., когда сопротивление большевизму, по мнению историка религии и культуры, дворянина Тульской губернии Н.С. Арсеньева, все больше переходило в

¹ Щерблыгина И.В. Культурное наследие Русского Зарубежья. Учебное пособие. СПб., 2024. С. 42.

² Струве Г.П. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Париж, М., 1997. С. 24–25.

³ Гессен И.В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979. С. 118.

⁴ Раев М.И. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции, 1919–1939. М., 1994. С. 108.

духовную область и выражалась в борьбе «за душу русского народа»¹. Кроме того, политический центр Русского Зарубежья к концу 1920-х гг. переместился в Париж.

Право-монархическая печать в Германии была представлена журналом «Высший Монархический Совет: Еженедельник», одного из печатных органов одноименной монархической организации. Начало выпуска издания было следствием деятельности Первого монархического Съезда. Журнал выходил в Берлине в 1921–1926 гг. (№ 1–143) в издательстве «1», а в 1923 г., с № 93, поменял издательство на «Стяг» и с 1926 г., № 143, подзаголовков – на «Вестник»². Редактором издания был историк Н.Д. Тальберг, а в числе его авторов были А.М. Масленников и Н.Е. Марков, великие князья Александр Михайлович, Кирилл Владимирович и Николай Николаевич, бароны П.Н. Врангель и С.С. Ольденбург, А.С. Гершельман, генерал-лейтенанты А.А. Мосолов и Е.К. Миллер, сенатор и член Государственного совета А.П. Рогович, Н.Н. Чебышев, полковник Д.И. Ходнев, Б.Л. Бразоль и другие.

Вопрос о желательности участия периодической печати в деле восстановления России обсуждался на заседании Первого монархического Съезда 2 июня, на котором бывший военный корреспондент Е.К. Ножин указывал на необходимость национальной пропаганды среди русских беженцев и издания органа печати национального направления, так как стоило учесть ошибки генерала А.И. Деникина и барона П.Н. Врангеля, которые, по его мнению, неправильно организовали работу пропаганды в период Гражданской войны³. В результате Съездом были приняты резолюции, согласно которым необходимо было создать орган периодической печати для «всестороннего развития пропаганды монархической идеи, для изучения и развития русского монархического движения, для правильного и полного освещения происходящего в широких массах русского народа процесса возвращения к путям русского национального идеала, для раскрытия перед иностранным общественным мнением правды об истинных

¹ Арсеньев Н. Борьба за душу русского народа // Русский колокол. 1928. № 3. С. 28–34.

² Базанов П.Н. «Журнал «Двуглавый Орел» – орган монархической мысли Русского Зарубежья» // Византийский вестник. 2023. № 2 (13). С. 116–126.

³ Рогович А. Впечатления на съезде // Двуглавый орел. 1921. № 11. С. 4–14.

чаяниях русского народа и для воспитания среди русской эмиграции людей в духе родных национальных начал и приготовления их к предстоящему государственному строительству»¹. Таким образом, монархисты рассматривали периодическую печать в качестве важного инструмента для распространения собственных идей в кругах эмиграции и среди граждан стран-реципиентов.

На Съезде также отмечалась необходимость противостоять «противонародной и гибельной» пропаганде социалистических и демократических периодических изданий, влияющих на общественное мнение граждан стран-реципиентов². К ним относили газеты «Последние новости» (Париж, 1920–1940), «Руль» и «Новое русское слово» (Нью-Йорк, 1920–2010), выходившую в 1920-х гг. под редакцией М.Е. Вейнбаума. Последняя вызывала неприятие правыми монархистами из-за активного участия в ее деятельности еврейской части российской эмиграции³.

При участии членов Высшего монархического совета на средства А.Н. Крупенского в Берлине и Париже в 1920–1922 гг. и 1926–1931 гг. издавался журнал «Двуглавый орел». Среди его авторов были такие видные представители дворянской эмиграции, как великие князья Александр Михайлович, Дмитрий Павлович, Кирилл Владимирович, князья Д.Д. Оболенский, Д.П. Голицын-Муравлин и Н.Д. Жевахов, графиня С.И. Граббе, публицисты и деятели монархического движения Г.В. Немирович-Данченко, М.Н. фон Энден, А.Б. Виктуринов, П.П. Булыгин, Н.Д. Тальберг⁴. П.Н. Базанов среди основателей «Двуглавого орла» выделил трех активных ультраправых монархистов: Н.Е. Маркова, А.Н. Крупенского и светлейшего князя М.К. Горчакова⁵. При совместном участии с графом Д.С. Шереметевым, Н.Д. Тальбергом и М.К. Горчаковым в

¹ Рогович А. Впечатления на съезде // Двуглавый орел. 1921. № 11. С. 4–14.

² Там же.

³ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 24. Л. 47.

⁴ Малафай М.С. Массонский вопрос в кругах русской дворянской эмиграции 1920–1930-х гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXIII Междунар. науч. конф., Иваново, 27–28 марта 2024 г. Иваново, 2024. С. 420–425.

⁵ Базанов П.Н. «Журнал «Двуглавый Орел» – орган монархической мысли Русского Зарубежья» // Византийский вестник. 2023. № 2 (13). С. 116–126.

журнале была напечатана статья с обвинениями князя М.С. Путятина, подозреваемого ими ранее в принадлежности к масонству, в связях с советской властью из-за приобретения последним для реставрации древних икон, привезенных в Париж из России¹. Данная публикация стала одной из причин выхода из Союза русских дворян во Франции в 1929 г. крайне правых монархистов, создававших фактор внутренней борьбы в дворянском объединении и ускоривших кончину ряда пожилых членов Союза, среди которых камергер Н.В. Лотин и граф В.А. Бобринский².

В Берлине в 1927–1930 гг. вышло девять номеров основанного И.А. Ильиным журнала «Русский колокол», чему в значительной степени поспособствовала чета Крамарж. Немалая часть статей журнала принадлежала самому И.А. Ильину, который выработал «программу журнала, тон его, необходимые темы»³. Среди авторов издания были такие представители консервативной части Русского Зарубежья, как барон А.А. фон Лампе, граф Г.А. Шереметев, литературный критик Л.И. Львов и писатель И.С. Шмелев.

Ко второй половине 1920-х гг. европейский центр Русского Зарубежья переместился из Германии во Францию, где одним из главных эмигрантских периодических изданий стала ежедневная газета левого крыла кадетской партии «Последние новости» (Париж, 1920–1940), составившая конкуренцию газете «Руль». До закрытия издания нацистами после оккупации Франции в 1940 г. вышло 7015 номеров. В 1921 г. главным редактором газеты стал П.Н. Милюкова, с чьим именем, в первую очередь, и ассоциируется данная газета. Редакторами газеты, определяющими ее политическое содержание, наряду с П.Н. Милюковым были М.М. Винавер и В.А. Харламов, а производственная составляющая во многом исполнялась А.А. Поляковым. Талантливый редакторский состав и высокий

¹ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 587.

² Малафай М.С. Русская дворянская эмиграция и Высший монархический совет в 1920-е годы // Преподаватель XXI век. 2024. № 3. Часть 2. С. 322–335.

³ Фирсов Е. Иван Ильин и Пражские меценаты журнала «Русский колокол» [Электронный ресурс] // Православие.ru: российский православный информационный интернет-портал. URL: <https://pravoslavie.ru/arhiv/031119171416.htm> (дата обращения: 23.12.2022).

уровень технической оснащенности обеспечили газете неоспоримые конкурентные преимущества, реализация которых позволила «Последним новостям» достигнуть уровня высокопрофессиональной европейской газеты»¹.

Резкими антибольшевистскими публикациями отличалась парижская газета «Общее дело», издававшееся В.Л. Бурцевым с перерывами в 1918–1922 гг. и 1928–1934 гг. Сам В.Л. Бурцев, принадлежавший к демократическому внепартийному антибольшевистскому крылу русской интеллигенции, в начале 1921 г. писал: «Я во что бы то ни стало решил занять такую позицию, чтобы впоследствии никто не смел бы упрекнуть нас, людей моего лагеря, что во время войны мы не поставили родины выше всех своих программ»². По словам полковника Б.В. Никитина, потомственного дворянина Тульской губернии, газета была положительно воспринята как русскими, так и иностранцами, а ее появление можно было «только приветствовать»³. «Газета преследует исключительно цели пропаганды и материальный вопрос никакой роли не играет, чему лучшим доказательством служит то обстоятельство, что Бурцев предоставил в наше распоряжение 1500 экземпляров безвозмездно, а не продал, как Вам сказали», – писал Б.В. Никитин в конце августа 1928 г. полковнику Н.Н. Клембовскому, выразив убеждение, что газета всегда могла найти в лице монархистов «моральную поддержку и готовность снабжать редакцию материалами», которые были полезны для борьбы с большевиками⁴.

В противовес «Последним новостям», политическое направление которых не отвечало взглядам и настроениям большинства русских беженцев⁵, в Париже в 1925 г. нефтепромышленником и меценатом А.О. Гукасовым было начато издание газеты «Возрождение», в которой публиковались представители различных политических течений русской диаспоры. В 1925–1927 гг. редактором «Возрождения» был

¹ Милюков П.Н. «Русский европеец»: публицистика 20–30-х гг. XX в. М., 2012. С. 7.

² Бурцев В. Корнилов, Колчак, Деникин, Врангель // Общее дело. 1921. № 176. С. 2.

³ БФРЗ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 14. Л. 17.

⁴ Там же.

⁵ Струве Г.П. Страница из истории зарубежной печати: Начало газеты «Возрождение» // Мосты. 1959. № 3. С. 374–394.

экономист, историк и философ П.Б. Струве, которого затем сменил масон, журналист, член партии кадетов Ю.Ф. Семенов, занимавший должность редактора до 1940 г. Как отмечал М.И. Раев, после смены редактора умеренно-консервативный характер газеты сменился на реакционно-монархический¹, с чем не согласился исследователь О.О. Баскаков, утверждающий, что «ведущую эмигрантскую периодику нельзя было заподозрить в симпатиях к правому флангу»². В данном вопросе стоит согласиться с точкой зрения Базанова и Кравцова³, согласно которой «Возрождение» носило многопартийный характер, хотя и оказывало информационную поддержку монархистам. «А другого мало-мальски подходящего органа для “правых” воспоминаний нет», – так отзывался о газете А.Н. Яхонтов в своем письме М.Л. Маклаковой⁴. При этом стоит отметить, что леволиберальное крыло эмиграции обвиняло П.Б. Струве в склонности к реакции еще до начала его редакторской деятельности в «Возрождении». Среди авторов газеты были великий князь Николай Николаевич, генералы П.Н. Врангель, А.П. Кутепов, Е.К. Миллер и И.П. Ставицкий, М.В. Бернацкий, литератор П.А. Бобринский, экономист Н.В. Валентинов-Вольский, писатели Б.К. Зайцев и В.В. Набоков, Н.Д. Тальберг, И.И. Тхоржевский, А.В. Тыркова-Вильямс, граф Д.А. Олсуфьев, историки С.С. Ольденбург и Е.Ф. Шмурло и многие другие. Первый номер газеты вышел 3 июня 1925 г., а всего в период 1925–1940 гг. было опубликовано 4239 номера.

Изначально «Возрождение» издавалось ежедневно, но летом 1936 г. начался еженедельный выпуск, хотя на страницах газеты и сообщалось об усилиях редакции возобновить ежедневную печать⁵. Проживавший в Румынии Н.Д. Крупенский в переписке с П.П. Менделеевым отмечал, что газета «положительно

¹ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. С. 108.

² Баскаков О.О. Идеология русской монархической эмиграции 20-х-30-х годов XX века: дис. ... канд. ист. наук: 23.00.03. М., 1999. С. 23.

³ Кравцов А.Н. Эго-документы русской эмиграции XX века: на материале публикаций журнала «Возрождение»: Париж, 1949–1974: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2016. С. 80.

⁴ БФРЗ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 32. Л. 1 об.

⁵ Возрождение. 1936. № 4037. С. 1.

улучшается и в действительности выигрывает от еженедельного выпуска»¹, хотя изначально критически оценивал переломный период в жизни издания. «Насколько хорошо было “Возрождение”, настолько скверно еженедельное издание: материал скверно подобран и техники еженедельного издания нет. Взяли бы хотя бы для образца далекий от совершенства “Гренгуар”, но все же составленный умнее “Возрождения”. Действительно, газета и новости. А не нудная плохо подобранная вермишель устаревших известий», – писал Н.Д. Крупенский, отмечая дороговизну «Возрождения», стоившего 20 лей, по сравнению с французской газетой «Гренгуар» (Париж, 1928–1944) стоимостью 12 лей и румынскими ежедневными газетами, средняя стоимость которых составляла 2 лея². О неудобствах, связанных с еженедельным выходом «Возрождения», сообщал и председатель Союза ревнителей памяти императора Николая II В.В. Свечин. Изменение периодичности издания газеты затрудняло распространению воззваний монархической организации в кругах русских колонистов, поэтому В.В. Свечин просил П.П. Менделеева поделиться ими с членами Союза русских дворян во Франции³.

Важно отметить, что «Возрождение» оказывало информационную поддержку дворянским ассоциациям. Там публиковали информацию об общих собраниях и «Чашках чая» Союза русских дворян во Франции, на которые приглашались «все члены союза, их друзья и знакомые»⁴, и других мероприятиях, в которых принимали участие члены объединения. Например, на страницах газеты сообщалось о проведении посвященного празднованию 75-летия отмены крепостного права собрания, инициированного Союзом русских дворян. В мероприятии приняли участие такие общественно-политические организации эмиграции, как РОВС, Морской союз, Зарубежный союз русских военных инвалидов, Торгово-промышленный и Финансовый союз, Высший монархический совет, Академическая группа, Земский союз, а с речами выступили князь В.П. Трубецкой, граф П.К. Ламздорф-Галаган, А.А. Гулевич, И.И. Тхоржевский и М.В.

¹ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 71. Л. 11.

² Там же. Л. 13.

³ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.

⁴ Союз русских дворян // Возрождение. 1933. № 2861. С. 4.

Бернацкий¹. Освещалось проведение устроенного дворянским союзом собрания «Императорская Россия». В число присутствовавших на собрании, председателем которого был П.П. Менделеев, входили великий князь Андрей Владимирович, граф В.Н. Коковцов, адмирал М.А. Кедров, А.А. Половцев, А.А. Гулевич, граф П.К. Ламздорф-Галаган, князь А.Д. Голицын². Кроме того, в газете публиковались материалы о деятельности Союза дворянской молодежи. Например, анонсировалось проведение устраиваемого им 6 декабря 1929 г. бала под покровительством князя императорской крови Никиты Александровича, полученные средства с проведения которого направлялись в пользу нуждавшихся дворян³. Так же в издании фигурировали сведения о преследованиях жителей СССР на основе их принадлежности к благородному сословию⁴, что укрепляло представления эмиграции о враждебном отношении советской власти к дворянам.

В Китае центрами эмигрантской издательской деятельности были Харбин и Шанхай. Г.В. Мелихов отмечал, что в Харбине в период 1920–1945 гг. издавалось более 50 крупных газет и около 20 общественно-политических и литературных журналов⁵, но существуют и более высокие оценки. Согласно им, численность периодических изданий, публиковавшихся в Харбине в 1918–1945 гг., оценивается в 115 газет, 275 журналов и 190 одноразовых изданий⁶. При этом одной из особенностей эмигрантской печати Китая являлась недолговечность деятельности изданий – почти треть всех харбинских изданий просуществовала менее года⁷. Во многом это объясняется недостатком финансирования издательской деятельности и тяжелыми условиями проживания русских беженцев в Китае.

¹ Семидесятилетие освобождения крестьян // Возрождение. 1936. № 3919. С. 2.

² Императорская Россия // Возрождение. 1937. № 4107. С. 6.

³ Бал дворянской молодежи // Возрождение. 1929. № 1642. С. 5.

⁴ «Огоньки» // Возрождение. 1936. № 4047. С. 4.

⁵ Мелихов Г.В. Русская эмигрантская печать как источник по истории адаптации эмигрантов в Китае // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. М. 1997. С. 96–105.

⁶ Хисамудинов А.А. Российская периодическая печать в Харбине // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 2 (37). С. 154–167.

⁷ Указатель периодических и повременных изданий, выходивших в Харбине на русском и других европейских языках по 1 января 1927 г. Харбин, 1927. С. 8.

В 1920 г. в Харбине началась печать газеты «Заря», наиболее тиражируемого издания Русского Зарубежья в Китае, основателем и одним из редакторов которой был военный корреспондент, потомственный дворянин М.С. Лембич. В газете печатались материалы местных журналистов и корреспондентов из других уголков мира, а ее редакция сохранила верность определенному ряду строго национальных политических идей и общественных идеалов¹. По оценке писателя В.И. Иванова, именно это издание сформировало «общее мнение русского общества» Харбина, что стало свидетельством профессионального успеха М.С. Лембича². Помимо харбинской «Зари» М.С. Лембичем в 1925–1932 гг. издавалась газета «Шанхайская заря» (Шанхай, 1925–1940). Идеологически близким к «Заре» был ежемесячный журнал «Луч Азии» (Харбин, 1934–1945), издателем которого был М.Н. Гордеев, а среди членов редколлегии журнала был потомственный дворянин Киевской губернии В.Ф. Тарасов. Совместно с юристами Н.В. Устряловым и В.В. Энгельфельдом редактором журнала «Известия Юридического факультета в Харбине» (Харбин, 1925–1938) был Г.К. Гинс.

В США при активном участии дворянской эмиграции публиковалась правомонархическая ежедневная газета «Правое дело» (Нью-Йорк, 1922–1925), выходившая с подзаголовком «Русская национальная ежедневная газета». Ее выпускал Союз «Единство Руси», основанный осенью 1920 г. Б.Л. Бразолем и заключивший в США «братское соглашение» с Союзом русских государевых людей имени великой княжны Киры Кирилловны³. Среди ее авторов были великие князья Александр Михайлович, Андрей Владимирович и Кирилл Владимирович, представитель древнего дворянского рода А.С. Бехтеев, Б.Л. Бразоль, А.С. Гершельман, В.И. Глазов, князь Д.П. Голицын-Муравлин, Г.В. Голохвастов, капитан 2-го ранга Г.К. Граф, Н.Ф. Езерский, Т.В. Локоть, бывший новооскольский уездный предводитель дворянства В.П. Мятлев, Н.С. Полушкин, А.А. Столыпин, граф А.И. Череп-Спиридович. С 1926 г. газета была преобразована в одноименный журнал,

¹ М.С. Лембич и Дальний Восток // Заря. 1932. № 351. С. 3.

² Лембич // Шанхайская заря. 1932. № 2175. С. 3.

³ Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб., 2008. С. 150.

вышедшего в количестве двадцати номеров, но оба издания не окупились¹. Полковник А.П. Брагин, отмечая недостаток пропаганды легитимистов, писал, что «Правое дело» было «бесталанным» изданием с небольшой аудиторией читателей в Чикаго². Органами периодической печати легитимистов в США также были журнал «Вестник монархиста», публиковавшийся в Нью-Йорке в 1930–1932 гг., и газета «Воскресение России» (Стратфорд, 1933. – № 1–11), постоянным автором которой был Н.Е. Марков³, а редактором – сотрудник «Казны Е.И.В. Великого Князя Николая Николаевича» Н.П. Измайлов. «Вестник монархиста» издавался при участии основателей Союза российских дворян в Америке. Так, секретарем журнала был И.Л. Пушина, а среди его авторов фигурируют Б.Л. Бразоль, В.В. Вадковский, Н.П. Измайлов. Из-за финансовых трудностей было опубликовано всего пять номеров журнала, что не стало неожиданностью для редакции, которая не ставила перед собой «трудных и широких заданий, обычно сопряженных с началом печатного органа»⁴.

Негативно дворянами-монархистами оценивалась газета «Новое русское слово» (Нью-Йорк, 1920–2010), на страницах которой критиковалось дворянское движение в изгнании⁵. В США под редакцией полковника Генштаба Н.П. Рыбакова издавалась газета «Россия», выходившая изначально еженедельно, а с 1935 г. – ежедневно. Издание позиционировалось как «Орган Центрального правления объединенных русских национальных организаций» и ставило «своей целью общерусское национальное объединение и освободительную борьбу». В 1930-е гг. там публиковались В.В. Вадковский, генерал-майор Генштаба А.А. фон Лампе, Н.А. Мельников, генерал-майор А.В. Туркул, Н.Ф. Фалленберг, капитан 1-го ранга В.П. Шмидт (Шмитт), Н.Д. Тальберг и другие. С изданием также сотрудничали князь П.А. Чавчавадзе и княжна императорской крови Нина Георгиевна. И.К.

¹ Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб., 2008. С. 150.

² ГАРФ. Ф. Р-5763. Оп. 1. Д. 7. Л. 170–171 об.

³ Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб., 2008. С. 152.

⁴ От редакции // Вестник монархиста. № 1. С. 2.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.

Окунцов отмечал, что газета «Россия» являлась прямым проявлением деятельности реакционных групп русской эмиграции¹, однако такая оценка издания субъективна и обусловлена просоветскими взглядами писателя. По мнению О.В. Воробьевой, издания «Россия» и «Вестник монархиста» были оторваны от «политических и социально-культурных реалий внутренней жизни российской диаспоры и международной обстановки» и сосредоточились на «утопиях или демонстрации верноподданнических чувств по отношению к находившимся за границей представителям Дома Романовых»². Она также отметила малотиражность и слабую полиграфическую базу изданий, ориентированных на немногочисленную группу русской колонии³, с чем стоит согласиться. Однако помимо реакционности, подобные газеты и журналы охватывали ряд значимых для всей русской колонии вопросов, среди которых деятельность гуманитарных организаций и благотворительность эмиграции, освещение событий русской диаспоры, новости США и СССР, а также способствовали консолидации представителей дворянского сословия.

Отдельно стоит отметить периодические издания российской эмиграции, которые сосредоточились на истории дворянства, генеалогии, публикациях дворянских воспоминаний, освещении деятельности дворянских организаций и генеалогических обществ. К их числу относятся периодический печатный орган Союза русских дворян во Франции «Вестник Союза русских дворян» (Париж, 1927–1931) и специализированное издание по генеалогии – журнал «Новик» (Нью-Йорк, 1934, 1936–1955, 1957–1961).

Решение о начале выпуска «Вестника Союза русских дворян», с целью объединения российской дворянской эмиграции и публикаций неизданных воспоминаний дворян, было принято 11 октября 1926 г. общим собранием Союза русских дворян во Франции⁴. Редактором издания стал Н.Ф. Иконников, а среди его

¹ Окунцов И.К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес, 1967. С. 340.

² Воробьева О.В. Русская Америка в XX веке: историко-культурный аспект. М. 2010. С. 158–159.

³ Там же.

⁴ Малафай М.С. Личный фонд П.П. Менделеева как источник по истории российского дворянства после 1917 г. // Историческая наука и архивы в XXI веке: материалы Третьей Всерос. науч. конф.

авторов были П.П. Менделеев, князь Н.Л. Оболенский, граф Д.А. Олсуфьев, В.И. Родионова. Первый номер «Вестника» Н.Ф. Иконников планировал передать в печать в конце октября 1926 г.¹, однако выход в свет стал возможен только в январе 1927 г.². Второй номер издания был опубликован в 1931 г. и выпущен в количестве 500 шт., а стоимость одного экземпляра равнялась 6 франкам³. Так как его тираж не был раскуплен, в планах Союза был выпуск сокращенной брошюры объемом 30 страниц и стоимостью 2 франка⁴. При этом представитель РЗИА в Париже О.С. Минор в сентябре 1931 г. сообщал П.П. Менделееву о сложностях в поиске № 1 «Вестника» и отмечал, что все журналы посылали в архив свои экземпляры, кроме журнала «Театр и жизнь», выходившего под редакцией А.И. Филиппова и Е.А. Ефимовского⁵. Хотя из-за недостатка средств в свет вышло всего два номера журнала, на осень 1934 г. был запланирован выход третьего номера издания⁶.

В первом номере журнала сообщалось, что с падением сословных привилегий дворянства, его культурная роль в народной жизни не заканчивалась⁷. Там утверждалось, что идея дворянства, основанная на принципе аристократии по рождению, имела за собой «несомненный моральный и исторический вес», а дворянская молодежь в эмиграции должна была продолжить нести «древний Дворянский Стяг» под лозунгом «за Веру, Царя и Отечество»⁸. Основная часть материалов издания освещала жизнь дворянского объединения, содержала различные редакции его устава и наказа. Во втором номере издания давалась краткая характеристика деятельности Союза русских дворян во Франции с февраля

историков и архивистов, посвящ. 80-летию Победы в Великой Отечеств. войне, Самара, 27–28 марта 2025 г. Самара, 2025. С. 242–249.

¹ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 19. Л. 7.

² От Совета // Вестник Союза Русских Дворян. 1931. № 2. С. 3–4.

³ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 22. Л. 126.

⁴ Там же.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 19. Л. 296.

⁶ Малафай М.С. Участие Г.А. Алексеева в жизни российской эмиграции 1920–1930-х годов // Преподавание истории в школе. 2025. № 4. С. 75–78.

⁷ Вестник Союза Русских Дворян. 1927. № 1. С. 1–3.

⁸ Там же.

1927 г. до 1-й половины 1930 г.¹, отражена деятельность родословной комиссии Союза, программа лекций для дворянской молодежи по истории России, начиная с периода Киевской Руси до правления Николая II². В данном номере издания опубликована и статья В.И. Родионовой, где она затрагивала вопрос ментальной близости помещного дворянства с крестьянством, что, по ее мнению, не было характерно для российской интеллигенции³. Автор отметила, что дворянство «вложило плодотворный труд и вплело лавры славы» в военное дело, государственно-политическую и культурную жизнь России, и заключила: «Поместное дворянство – это колыбель русской мысли и русского развития, и всем сынам России, верным своей национальной идее, а особенно нам, надлежит об этом помнить»⁴.

В 1937 г. в Нью-Йорке новый виток развития получил журнал «Новик», уникальное эмигрантское периодическое издание, название которого означало начинавшего службу дворянского юношу⁵. Основателем и редактором журнала был Л.М. Савелов, осознавший необходимость специализированного издания по генеалогии еще в 1934 г. в период жизни в Греции. Первоначально журнал выходил четыре раза в год небольшими номерами по 35–40 страниц, которые Л.М. Савелов печатал лично, и был встречен с большим одобрением русской диаспорой, что демонстрировали его оценки генеалогами В.Н. Смольяниновым и В.С. Арсеньевым⁶. После переезда Л.М. Савелова в США в 1937 г. журнал «сразу же оживился», а к работе по его изданию подключились граф Б.Г. Берг, С.В. Гладкий, Ю.А. Навроцкий, Н.Д. Плешко и другие. В 1938 г. Л.М. Савелов передал журнал Русскому историко-родословному обществу в Нью-Йорке, значительную часть

¹ От Совета // Вестник Союза Русских Дворян. 1931. № 2. С. 3–4.

² Родословная комиссия // Вестник Союза Русских Дворян. 1931. № 2. С. 14–16; Беседы по истории русской государственности и культуры // Вестник Союза Русских Дворян. 1931. № 2. С. 16–20.

³ Родионова В. Дума о поместном дворянстве // Вестник Союза Русских Дворян. 1931. № 2. С. 81–87.

⁴ Там же.

⁵ Наумов О.Н. Журнал «Новик» и развитие русской генеалогии в эмиграции (1930–1950-е годы) // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 7–16.

⁶ Там же.

работы над журналом взял на себя Н.Д. Плешко, а секретарем редакции стал инженер Ю.А. Навроцкий, увлекавшийся геральдикой¹.

Для генеалогов-эмигрантов было важно продолжить начатые до 1917 г. исследования, поэтому в журнале целенаправленно публиковались дополнения и исправления к поколенным росписям, составленным до революции. В «Новике» публиковались материалы по теории и истории генеалогии, публикации источников и воспоминаний, получившие широкое распространение среди диаспоры. Исходя из тематики издания, большая часть статей «Новика» посвящена истории и генеалогии конкретных родов. Среди них стоит упомянуть статьи В.С. Арсеньева о родословии А.С. Пушкина, князьях Львовых (по Белеву), князьях Урусовых², поколенную роспись рода Нечаевых, составленную В.В. Вадковским³, многочисленные труды Л.М. Савелова о князьях Заозерских, князьях Заславских-Мстиславских, князей Вяземских, родословии Бибиковых, донских Денисовых, Кругликовых, графов Лорис-Меликовых и других. Принципиальное значение для развития отечественной генеалогии имела составленная В.С. Арсеньевым роспись потомства А.П. Мусницкой⁴. Кроме того, в журнале публиковались материалы об истории дворянства, геральдике, общих проблема истории, информационные материалы. В числе последних были, в том числе, статьи о деятельности Союза российских дворян в Америке, Союзе русских дворян в Париже, историко-родословных обществ в изгнании, фрагменты личных писем дворян-эмигрантов.

Общими для большинства эмигрантских периодических изданий были темы, посвященные знаковым русским военным, общественным и государственным деятелям, династии Романовых, истории России, ее политическому и социально-экономическому развитию как до 1917 г., так и после. Одной из ключевых тем,

¹ Наумов О.Н. Журнал «Новик» и развитие русской генеалогии в эмиграции (1930–1950-е годы) // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 7–16.

² Арсеньев В.С. К родословию А.С. Пушкина // Новик. 1936. № 2. С. 29–32; Арсеньев В. [С.] Князья Львовы (по Белеву) // Новик. 1935. № 1. С. 17–19; Арсеньев В.С. Князья Урусовы // 1936. № 4. С. 25–30.

³ Вадковский В.В. Нечаева: [поколенная роспись] // Новик. 1938. № 1. С. 25–27.

⁴ Арсеньев В.С. Потомство Анны Павловны Мусницкой, урожденной Арсеньевой // Новик. 1937. № 2. С. 23–27.

которая рассматривалась на страницах эмигрантских газет и журналов, являлась история династии Романовых. В условиях политического кризиса, охватившего Россию в 1917 г., широкое распространение получило обращение к периоду Смуты и ее сравнение с событиями начала XX в. Это сопровождалось переосмыслением деятельности ключевых фигур Смуты, среди которых Михаил Романов, К.М. Минин, Д.М. Пожарский¹. В данном контексте примечательны рассуждения А.В. Амфитеатрова, который, размышляя о времени возможного существования большевистского режима, пришел к выводу, что с избранием Михаила Романова царем Смута не завершилась. По его мнению, первый русский царь из новой династии являлся выразителем примирительного компромисса между земщиной и казачеством и восстановил государственность не в силу масштаба собственной личности, а в результате сформировавшейся к 1613 г. политической потребности и спроса эпохи². Отмечая пессимизм беженцев, охвативший их к середине 1920-х гг., он проводил параллель между памфлетами Авраама Палицына, адресованных отчаявшемуся русскому народу в период Смутного времени, и белогвардейскими газетами А.И. Деникина и П.Н. Врангеля, «Окаянными днями» А.И. Бунина, акцентируя внимание на их схожести³. Стоит отметить, что период Смутного времени XVII в. сравнивался авторами с потрясениями начала XX в., не только по причине повторившихся процессов, среди которых общественное противостояние, интервенция и смена политической власти на фоне ослабления государственности, но и в виду того, что спасение России К.М. Мининым и Д.М. Пожарским было частью национальной идеи в дореволюционный период.

В рамках сохранения исторической памяти в периодике рассматривались фигуры Александра I и Александра II. Например, упоминался визит Александра II во Францию в 1867 г., во время которого состоялось неудачное покушение на императора польского эмигранта А.И. Березовского, из-за которого русский царь был вынужден досрочно покинуть Елисейский дворец, предварительно

¹ Львов Л. Бесстрашные люди // Русский колокол. 1927. № 1. С. 48–53.

² Амфитеатров А. Уроки Смутного Времени // Возрождение. 1925. № 19. С. 2–3.

³ Там же.

встретившись с княжной Е.М. Долгорукой¹. В прессе позитивно оценивались реформы Александра II, в результате которых стало возможно «преобразование всех отраслей “государственного механизма”»². В контексте биографии Александра I в печати упоминалась легенда о Федоре Кузьмиче, получившая новый виток популярности в 1920-е гг. Она оспаривалась сообщениями графини М.Д. Нессельроде, считавшихся точными в силу ее положения при императорском дворе, согласно которым сомнения в смерти Александра I были беспочвенными³.

Болезненным вопросом для российской диаспоры была жизнь Романовых рубежа XIX–XX вв. и их роль в революции. В рамках критики статьи сенатора П.П. Стремоухова «Императрица Александра Федоровна в ее письмах», рассматривались отношения императрицы с Г.Ф. Распутиным. На страницах «Русской летописи» П.П. Стремоухов был вынужден признать, что публикация писем жены Николая II нанесла «удар старому режиму» и наводила публику на мысли о государстве во главе со «слабовольным монархом, руководимым экзальтированной женщиной, находящейся под влиянием темного невежественного мужика»⁴. Однако П.П. Стремоухов не видел ничего предосудительного во вмешательстве императрицы в дела императора, задавая вопрос аудитории «Почему императрица не имела права интересоваться делами своего державного супруга?» и доказывая, что подобная «интервенция» благоприятно сказывалась на развитии государства⁵. П.П. Стремоухов выразил поддержку императрице Александре Федоровне, которая за критику власти в период Первой мировой войны намеревалась отправить князя Г.Е. Львова, П.Н. Милюкова и А.А. Поливанова в Сибирь, и положительно оценил политические взгляды императрицы в отношении Балканских государств, не упоминая о переписке с ее братом Эрни по вопросам сепаратного мира. Подводя итог в оценке статьи «Императрица Александра

¹ Елисейский дворец // Последние новости. 1924. № 1271. С. 4.

² Священной памяти Императора Александра Второго, Царя Освободителя // Правое дело. 1931. № 3. С. 2–3.

³ Последние новости. 1926. № 1800. С. 3–4.

⁴ В защиту Распутина // Последние новости 1924. № 1181. С. 2.

⁵ Там же.

Федоровна в ее письмах», критик автора подытожил: «Бывают такие неудачливые адвокаты. Сперва они строят защиту на отсутствии состава преступления затем – признают вину своего подзащитного и просят снисхождения, а заканчивают заявлением, что преступник находился в состоянии невменяемости»¹.

В эмигрантской прессе отразилось переосмысление фигуры императора Николая II и эволюция его образа, который не боялся «исторической критики»², что стало важным аспектом развития политической мысли и консолидации дворян-эмигрантов, повлиявшим на их психологию и самосознание. Хотя в печати последний император Всероссийский получил противоречивые оценки, к концу 1920-х гг. преобладали комплиментарные материалы. Так, генерал от кавалерии В.И. Гурко отмечал, что о последнем российском императоре сложились различные мнения «почитателей и хулителей»³. К первым он относил тех, кто непосредственно знал Николая II. В.И. Гурко считал странным формулу, указанную в книге А.И. Деникина, о «немецко-распутинском» окружении императора, подчеркнув ее происхождение после революции, и отмечал такие положительные качества Николая II, как обаятельность, деликатность и простоту в общении⁴. И.И. Тхоржевский именовал Николая II «Царем Устроителем», в котором нуждалась Россия после «Царя Освободителя» и «Царя Миротворца»⁵. В годы правления Николая II в областях народного просвещения и народного достатка страна «шагнула вперед так, как не шагала со времен Петра и Екатерины», но Первая мировая война и революции разрушили эти достижения и Россию⁶.

Рассматривалась в эмигрантской периодике и судьба императорской семьи после июльского расстрела 1918 года. Французский военный деятель Морис Жанен, близкий к А.В. Колчаку в годы Гражданской войны, в газете «Матэн» сообщил сведения о судьбе тех останков жертв Екатеринбургского убийства, которые были

¹ В защиту Распутина // Последние новости 1924. № 1181. С. 2.

² БФРЗ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 71. Л. 17–18 об.

³ Император Николай II // Возрождение. 1932. № 2558. С. 5.

⁴ Там же.

⁵ Император Николай II как правитель // Возрождение. 1938. № 4119. С. 8.

⁶ Там же.

найжены на местах, где большевики сожгли трупы убитых, что перепечатали в эмигрантской печати. Согласно версии генерала, он доставил во Францию для передачи великому князю Николаю Николаевичу останки императора Николая II, Александры Федоровны, царевича Алексея, молодых великих княгинь и двух слуг, останки которых невозможно было разделить, в силу чего прах членов императорской семьи был смешан с прахом слуг¹. Прах убитых был помещен в особый сундучок, переданный Жанену при его отъезде из Харбина генералом М.К. Дитерихсом и бывшим воспитателем царевича Жиллярмом вместе с тремя чемоданами с документами и вещественными доказательствами следствия по убийству царской семьи². 16 октября 1920 г. по указанию великого князя Николая Николаевича останки были переданы в Тронше, предместье Гренобля, бывшему послу Временного правительства М.Н. Гирсу³. По мнению великого князя Николая Николаевича, привезенные генералом Жаненом предметы имели государственное значение и уже не принадлежали какой-либо семье, а их изучение стоило возобновить в «возрожденном русском государстве»⁴. М.Н. Гирс утверждал, что все переданные ему реликвии хранились в «полной безопасности и с надлежащим почтением»: им были приняты необходимые предосторожности, а следственные материалы хранились у нескольких неназванных лиц⁵. Данный эпизод еще не раз обсуждался в прессе Русского Зарубежья, вызывая все новые вопросы насчет судьбы останков императорской семьи, чему способствовала также и загадочная смерть следователя Н.А. Соколова.

Не менее значимы оценки и других Романовых. Так, историк театра Н.В. Дризен писал о великом князе Константине Константиновиче, как об удивительно простом и общительном человеке, не акцентировавшем внимание на своей близости к императорской власти и увлекавшегося творчеством режиссера Н.Н.

¹ Останки царской семьи // Последние новости. 1924. № 1271. С. 4.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Останки Царской семьи // Возрождение. 1931. № 2048. С. 2.

⁵ Там же.

Арбатова и композитора А.Н. Скрябина¹. В печати дворяне-эмигранты монархических взглядов подвергли критике опубликованные воспоминания великого князя Александра Михайловича. И.И. Тхоржевский писал, что они полны неверных и противоречивых оценок, «запоздалых советов», согласно одному из которых, Николай II должен был приблизить к себе больше представителей Дома Романовых для замены «двуличных дворян, изнеженных придворных и плохих бюрократов»². Идеалом правителя для великого князя Александра Михайловича был император Александр III, который мечтал о становлении в России «крепкого класса крестьян», что, по мнению И.И. Тхоржевского, не соответствовало действительности и стало фактором, сдержавшим столыпинские преобразования³. Кроме того, И.И. Тхоржевский обратил внимание на игнорирование автором мемуаров тех рисков внешнеполитического сближения с Францией, которые Александр III предпочитал не замечать⁴. Таким образом, по мнению И.И. Тхоржевского, причины падения монархии во многом сформировались в правление Александра III и сохранялись после, так как наследник стремился сохранить прежний порядок. Отмечалось, что данные мемуары должны были поддержать в кругах иностранцев неверное представление о царской России, опорочить имя Николая II и продемонстрировать тяготы социального происхождения великого князя Александра Михайловича, что должно было расположить американских читателей к его фигуре⁵.

На страницах «Вестника монархиста» освещалось празднование серебряной свадьбы великого князя Кирилла Владимировича, в котором участвовали великая княгиня Мария Кирилловна и Карл III Лейнингенский, князь А.Н. Волконский, граф Н.В. Остен-Сакен, капитан 1-го ранга В.И. Дмитриев, генерал-майор К.Н. Аляничков, Л.М. Казем-Бек, Н.Н. Шиллинг⁶. Там же освещался приезд в ноябре

¹ Дризен Н.В. Памяти В.К. Константина Константиновича // Возрождение. 1925. № 20. С. 2.

² Тхоржевский И. Великий князь Александр Михайлович // Возрождение. 1933. № 3082. С. 2.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Отзыв о книгах // Вестник монархиста. 1932. № 5. С. 16–17.

⁶ Вестник монархиста. 1930. № 1. С. 7–8.

1931 г. в США великого князя Дмитрия Павловича, который был В.В. Вадковским и бароном С.А. Торнау¹. Во время пребывания в США великий князь Дмитрий Павлович имел встречу с Г.В. Голохвастовым, посетил знакомых в окрестностях Нью-Йорка и на Лонг-Айленде, а 7 февраля 1932 г. принял завтрак, устроенный в его честь чинами Северо-Американского отдела корпуса императорской армии и флота, с 72 приглашенными участниками, в числе которых были Н.П. Измайлов и Б.Л. Бразоль². В издании сообщалось и об исключении великим князем Кириллом Владимировичем князя императорской крови Никиты Александровича из среды членом императорского Дома и лишения его всех прав и преимуществ, присвоенных званию «Члена Российского Императорского Дома»³. Позже А.Н. Крупенский сообщал, что в переписке с ним князь императорской крови Никита Александрович опроверг претензии на престол⁴.

Шанхайская газета «Слово» дала оценку состоявшемуся в 1938 г. визиту великой княгини Киры Кирилловны и принца Луи Фердинанда Прусского в страны Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. В числе встречавших великую княгиню с супругом в Шанхае были генерал Н.Л. Жадвойн, потомственный дворянин Санкт-Петербургской губернии, председатель Русского эмигрантского комитета в Шанхае К.Е. Мельцер, художница Н.И. Адамович, урожденная Маслова⁵. В период визита состоялся прием великой княгиней Кирой Кирилловной представителей редакции газеты «Слово», архимандрита Макария и К.Е. Мельцера, а на ее проводах также присутствовал генерал-майор А.И. Исаков⁶.

В эмигрантской прессе активно критиковали князя Г.Е. Львова, П.Н. Милюкова и М.В. Родзянко, которых предали «анафеме», обвинив в предательстве России и поддержке революции⁷. Рассматривая проблему аполитичности

¹ Приезд великого князя Дмитрия Павловича в Америку // Вестник монархиста. 1932. № 5. С. 5–8.

² Там же.

³ Хроника // Вестник монархиста. 1932. № 5. С. 13–14.

⁴ Письмо в редакцию // Возрождение. 1934. № 3490. С. 2.

⁵ Высокие гости покинули Шанхай // Слово. 1938. № 3410. С. 5.

⁶ Там же.

⁷ Малафай М.С. «Вместе с ними Вы издавна расшатывали устои священного Царского Трона...» // Россия XXI. 2025. № 1. С. 116–131.

бюрократии Российской империи начала XX в., князь Д.П. Голицын-Муравлин отмечал негативную роль князя Г.Е. Львова в разложении монархической идеи накануне революции¹. Князь Г.Е. Львов, П.Н. Милюков, М.В. Родзянко наряду с генералом А.А. Поливановым и гофмейстером С.Д. Сазоновым обвинялись в принадлежности к масонству и намеренном разрушении российской государственности в период Первой мировой войны². П.Н. Милюкова критиковали за его одобрение сближения СССР и Франции во второй половине 1930-х гг. на фоне растущей угрозы, исходящей от Третьего Рейха. «Другим выходом было бы уступить Сталина Гитлеру, что с точки зрения русской означало бы раздел России», – отмечал П.Н. Милюков³. Подобные взгляды расценивались как очередное предательство России, которое сравнивалось с поведением П.Н. Милюкова в Киеве в 1918 г.⁴, когда он рассматривал германское командование в качестве союзника в борьбе с большевизмом и вступил с ним в переговоры.

Несмотря на трудности, с которыми столкнулись беженцы, в Русском Зарубежье было создано множество центров издания периодической печати. Эмигрантская пресса отличалась идеологическим многообразием, а ее выпуску способствовали многочисленность диаспоры, относительная дешевизна издательской деятельности, стремление сохранить дореволюционную культуру печати, необходимость оказания информационной поддержки беженцам. Становлению многочисленных периодических изданий Русского Зарубежья содействовали и дворяне-эмигранты, что объясняется наличием у некоторых из них финансовых ресурсов и социальных связей в регионах пребывания, высоким уровнем образования, стремлением занять ведущие позиции в общественно-политическом пространстве эмиграции.

Подводя итог, можно отметить, что значимым достижением дворянства в изгнании стала его способность к самоорганизации и объединению в чисто

¹ Малафай М.С. «Вместе с ними Вы издавна расшатывали устои священного Царского Трона...» // Россия XXI. 2025. № 1. С. 116–131.

² Еврейская осведомленность // Правое дело. 1924. № 88. С. 2–3.

³ Глас старого предателя // Возрождение. 1937. № 4110. С. 6.

⁴ Там же.

дворянские ассоциации, которые стали самостоятельным культурно-политическим феноменом. Крупнейшей монархической дворянской организацией стал Союз русских дворян за границей. В 1930-е гг. появилась возможность распространить его деятельность за пределами Франции, в результате чего были созданы дворянские ассоциации в США и Китае. В наибольшей степени развитию дворянского движения способствовали члены Союза русских дворян в Америке, который являлся достаточно самостоятельным объединением, находясь формально в составе парижской организации.

Исследование показало, что дворянские союзы во Франции и США объединяли общие проблемные вопросы. Ключевыми из них были следующие: принятие дворянами иностранного подданства, их принадлежность к масонству, допустимость участия в общих собраниях организаций дворянок и воспитание дворянской молодежи в изгнании. При этом в Союзе русских дворян в Америке проявлялась большая демократичность по их решению, что отражало культурно-психологическое влияние страны пребывания на беженцев. Пик активности дворянских союзов пришелся на вторую половину 1920-х–1930-е гг., а их деятельность сконцентрировалась на выполнении культурных и благотворительных функций, сохранении дворянских традиций. Наиболее успешным направлением их деятельности стало сохранение и развитие генеалогии в изгнании. Хотя дворянские объединения провозглашали приверженность монархизму и непосредственно взаимодействовали с представителями династии Романовых, прямых актов антикоммунистической деятельности их участники не совершали. При этом изначально политическая окраска Союза русских дворян в Америке выражалась ярче в сравнении с парижским объединением дворян. Несмотря на организационные и финансовые трудности, деятельность дворянских союзов в 1920–1930-е гг. можно считать успешной с точки зрения сохранения генеалогической культуры, сословной и национально-культурной идентичности.

Неотъемлемой частью жизни дворянской эмиграции оставалась периодическая печать Русского Зарубежья. Силами членов дворянских союзов издавались «Вестник Союза русских дворян» историко-генеалогический журнал

«Новик». Оба журнала содержат ценный фактологический материал по истории дворянских организаций, генеалогии, деятельности родословных комиссий и историко-генеалогических обществ в изгнании. Перед их издателями остро стоял вопрос финансирования, недостаток которого стал причиной прекращения выхода в свет «Вестника Союза русских дворян».

Кроме того, представители Союза российских дворян в Америке внесли значительный вклад в развитие таких изданий монархической печати, как «Правое дело», «Р.С.Т. (Рцы–Слово–Твердо)» и «Вестник монархиста». Особое место в жизни дворянской диаспоры в Европе занимала газета «Возрождение», которая оказывала информационную поддержку дворянским объединениям. На основе анализа эмигрантской печати можно утверждать, что многочисленные материалы с оценками дворянства были представлены не только в специализированных изданиях. Одной из центральных тем периодики Русского Зарубежья стало отражение роли династии Романовых в истории России. В материалах печати отразилась эволюция образа императора Николая II, что стало важным аспектом формирования психологии и самосознания дворянской эмиграции.

ГЛАВА 3. РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ДВОРЯНСКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ СРЕДЕ

3.1. Вопрос о престолонаследии в российской дворянской эмиграции

К 1917 г. Императорская Фамилия увеличилась до 65 человек, включая князей императорской крови, из которых большая часть оставшихся в России после революции была физически уничтожена. Спасти в эмиграции удалось 47 представителям бывшего правящего Дома¹. В связи с этим на фоне обсуждения концепций и проектов политического переустройства России после предполагаемой смены советской власти в кругах Русского Зарубежья возник вопрос о престолонаследии, в обсуждении которого деятельное участие приняли дворяне. С определением фигуры, которая могла бы представлять Императорский Дом в изгнании, дворяне-эмигранты связывали надежды на продолжение антибольшевистской борьбы, а в некоторых случаях и на реставрацию дореволюционного строя. Часто восстановление императорской власти приравнивалось к восстановлению России, которое было возможно лишь тогда, «когда в Москве среди куполов святых соборов и седых стен Кремля – сердца России – будет православный русский Царь – душа и совесть русского народа»². Это объяснялось тем, что история России была неотделима и немыслима без династии Рюриковичей-Романовых, и никакие политические формы власти оказались не способны заменить абсолютную монархию, в силу чего среди диаспоры и жителей СССР формировался запрос на восстановление монархии³.

Двумя главными претендентами, способными объединить и возглавить контрреволюционные силы в изгнании и занять престол, были великие князья

¹ Чувардин Г.С. Великие князья Романовы «в изгнании»: проблема политической самоидентификации // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 1 (82). С. 76–80.

² Бирюч. 1926. № 1. С. 1.

³ Малафай М.С. Кирилловцы и николаевцы в эмигрантской прессе 1920–1930-х гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXII Междунар. науч. конф., Иваново, 29–30 марта 2023 г. Иваново, 2023. С. 498–502.

Кирилл Владимирович и Николай Николаевич-младший. Между их сторонниками – кирилловцами и николаевцами – развернулся один из крупных политических конфликтов Русского Зарубежья. Наиболее острым противостояние было с середины 1920-х гг. до середины 1930-х гг.¹ В августе 1922 г. великий князь Кирилл Владимирович объявил себя Блюстителем Императорского престола России. В его манифесте, в частности, говорилось: «...за отсутствием сведений о спасении Великого Князя Михаила Александровича, Я, как старший в порядке Престолонаследия Член Императорского Дома, считаю долгом взять на себя возглавление Русских освободительных усилий в качестве Блюстителя Государева Престола Вперед за своим Законным Государем пойдет Россия...»². По мнению некоторых сторонников великого князя Кирилла Владимировича, это было несвоевременным решением, в результате чего манифест оказался «козырем» в руках оппонентов, а неподготовленная масса эмигрантов «впала в полное безразличие»³. Среди тех, кто придерживался подобной точки зрения, был Н.Е. Марков, писавший великому князю Кириллу Владимировичу о своих сомнениях насчет своевременности манифеста⁴. В результате возглавляемый Н.Е. Марковым Высший монархический совет (ВМС), где преобладали правые монархисты, осудил решение Кирилла Владимировича. Стоит согласиться с А.Н. Закатовым, который считает подобные обвинения неизбежными, так как среди эмигрантов существовали разнообразные и взаимоисключающие мнения⁵, что было характерно не только для российской эмиграции.

Считая невозможным решить вопрос о престолонаследии, в ВМС решили, что блюстителем престола и главой монархического движения «в целях охранения личности будущего монарха» не мог быть «кто-либо из ближайших

¹ Beyda O., Prtlov I. «Crowned Pawns»: The Great Hopes and Small Forces of the Russian Monarchists // «Stakeholders, Hangers-On, and Copycats: the Russian Right in Berlin in 1933» Institute for European, Russian, and Eurasian Studies – The George Washington University. Iliberalism Studies Program Working Papers no. 6, April 2021. P. 2–3.

² ГАРФ. Ф. Р-5763. Оп.1. Д.16. Л. 2.

³ ГАРФ. Ф. Р-5763. Оп.1. Д. 7. Л. 19 об.

⁴ Закатов А.Н. Становление династии Романовых в изгнании // Исторический вестник. 2013. Т. 6. № 153. С. 147.

⁵ Там же. С. 150–151.

правопреемников на наследование престола»¹. Блюстителем же должен был стать представитель Дома Романовых, не состоявший в числе ближайших правопреемников на императорский престол, но имевший высокий уровень поддержки в эмигрантских кругах. Таким претендентом в ВМС видели великого князя Николая Николаевича. Решение Кирилла Владимировича «принять на себя жертвенный труд по спасению великой Родины» было признано вступающим в противоречие с позицией ВМС, в связи с чем решили созвать новый съезд для обсуждения этого вопроса, а до этого воздерживаться от каких-либо выступлений². На принятие подобного решения повлияло и усиление в рядах ВМС антилегитимистов, в числе которых были Н.Д. Тальберг и А.Н. Крупенский³.

Окончательный раскол эмиграции в вопросе о престолонаследии произошел в 1924 г., когда великий князь Кирилл Владимирович принял титул императора Всероссийского, возведя своего сына в великокняжеское достоинство. С.В. Думин пишет, что на необходимости данного шага настаивала великая княгиня Виктория Федоровна и генерал В.В. Бискупский, убеждавшие великого князя Кирилла Владимировича в том, что «титул блюстителя в силу неопределенности тормозит развитие движения и дает пищу толкам о якобы возможных претензиях на престол великого князя Николая Николаевича или кого-нибудь еще»⁴. Данное событие было воспринято неоднозначно и взволновало правые круги эмиграции⁵.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна считала появление нового Императора преждевременным до момента официального подтверждения гибели Николая II и его семьи⁶. Кроме того, ее недовольство вызвало то, что Кирилл Владимирович не посоветовался с ней⁷. Подобную позицию вдовствующей

¹ Иванов А.А. Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб., 2023. С. 507.

² Там же.

³ Закатов А.Н. Становление династии Романовых в изгнании // Исторический вестник. 2013. № 6. С. 151.

⁴ Думин С.В. Романовы. Императорский дом в изгнании: Семейная хроника. М., 1998. С. 121.

⁵ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 567.

⁶ Антоненко Н.В. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20–30-е гг. XX в.). Мичуринск, 2011. С. 55.

⁷ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 568.

императрицы А.Н. Закатов характеризует как жизнь в «иллюзорном мире»¹, не отличавшейся политическим прагматизмом. Взгляды Марии Федоровны разделял великий князь Николай Николаевич, который был убежден, что решение будущего государственного устройства России могло состояться лишь на русской земле, «в соответствии с чаяниями русского народа»². В письме митрополиту Евлогию он выражал надежду, что в церкви не будут молиться за Кирилла Владимировича как за императора³. В то же время права великого князя Кирилла Владимировича на престол были признаны большинством членов Дома Романовых. Он получил уверения в «верноподданнических чувствах» от великих князей Бориса Владимировича, Андрея Владимировича, Дмитрия Павловича, Михаила Михайловича и Александра Михайловича, князей императорской крови Андрея Александровича, Федора Александровича, Никиты Александровича, Дмитрия Александровича, Ростислава Александровича и Василия Александровича, от принца Александра Петровича Ольденбургского и герцога Александра Георгиевича Лейхтенбергского⁴.

При этом в 1924 г. повторилось повторение тезиса о «несвоевременности» решения. Например, в наброске статьи с подписями глав нескольких политических групп, которую в начале 1925 г. в американской газете Associated Press намеревался опубликовать А.Ф. Трепов, значилось, что признавая все законные права на престол великого князя Кирилла Владимировича, подписавшие считали издание манифеста 1924 г. преждевременным⁵. Будучи в числе подписавших набросок статьи, Н.Н. Шебеко обнаружил, что А.Ф. Трепов изменил ее фрагмент, касавшийся Кирилла Владимировича, где указал, что спорность законодательной базы не позволяла установить законного правопреемника⁶. В связи с этим Н.Н. Шебеко выразил свое

¹ Закатов А.Н. Становление династии Романовых в изгнании // Исторический вестник. 2013. № 6. С. 169.

² Там же.

³ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 568.

⁴ Соколов А.С. Романовы: поколенная роспись (1728–2023). М., 2024. С. 498.

⁵ БФРЗ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 35. Л. 2–3.

⁶ Там же.

согласие подписать статью в первоначальной редакции, а созванное им правление постановило не уполномочивать его подписывать статью, так как она содержала нападки на легитимизм, от чего российская эмиграция отказывалась¹.

Вариант, согласно которому на российский престол предполагалось посадить представителя «второго поколения» Романовых при участии сильного лидера, указан в работе Н.В. Антоненко². Одним из выразителей этой идеи был С.С. Ольденбург, который аргументировал данную позицию непопулярностью Владимировичей³. Непопулярность великого князя Кирилла Владимировича отмечал и полковник А.П. Брагин, который противопоставлял ему великого князя Николая Николаевича, имевшего большое влияние в армии и в «народной толще» России⁴. Негативно на поддержке Кирилла Владимировича сказывались его обвинения в содействии европейским государствам в экономическом разорении России. Согласно им Кирилл Владимирович был связан с комитетом France-Orient, который отстаивал финансовые интересы Франции на территории СССР, а также выступал сторонником предоставления независимости Украине, Грузии, Азербайджану, Армении и Северному Кавказу⁵. Приписываемые великому князю Кириллу Владимировичу устремления к децентрализации СССР не могли разделяться фигурой, претендовавший на царскую власть, так как даже большевики и бывший председатель Учредительного собрания В.М. Чернов не были согласны на предоставление независимости национальным окраинам бывшей Российской империи⁶.

¹ БФРЗ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 35. Л. 2–3.

² Антоненко Н.В. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20–30-е гг. XX в.): Монография. Мичуринск, 2011. С. 53.

³ Там же.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5763. Оп. 1. Д. 7. Л. 166–167.

⁵ Малафай М.С. Кирилловцы и николаевцы в эмигрантской прессе 1920–1930-х гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXII Междунар. науч. конф., Иваново, 29–30 марта 2023 г. Иваново, 2023. С. 498–502.

⁶ Там же.

В качестве еще одного претендента на престол Г.С. Чувардин выделил великого князя Дмитрия Павловича¹. Хотя в эмиграции последний сосредоточился на деятельности неполитических организаций, усиления его политической роли в дворянских кругах эмиграции ожидали в конце 1924 г. Так, в сводке представителя Союза Русских Государевых Людей в США лейтенанта флота Г.А. Мейрера упоминаются слова выпускника императорского Александровского лицея, инженера и офицера Льва Аркадьевича Шуматова (ок. 1887–1928). Последний, будучи легитимистом, писал о необходимости принять сторону непопулярного в кругах эмиграции великого князя Кирилла Владимировича, собравшего вокруг себя сомнительных сторонников². Признавая большой политический вес великого князя Николая Николаевича, Л.А. Шуматов был убежден, что в конфликте кирилловцев и николаевцев не могло быть победителей, так как они «уже съели друг друга и, безусловно, уступят, волей неволей, место более сильному движению великого князя Дмитрия Павловича»³. Однако стоит заметить, что для середины 1920-х гг. подобные заявления звучали преждевременными в силу сохранения политического капитала конкурентов Дмитрия Павловича.

Вопрос о престолонаследии затронул и дворянские организации эмиграции. По словам П.П. Менделеева, в Союзе русских дворян во Франции удалось добиться мирного сосуществования кирилловцев и николаевцев⁴. При этом член Союза П.Я. Данзас отмечал, что вывод части дворянской молодежи из объединения произошел исключительно вследствие раскола в вопросе о престолонаследии: А.М. Дерюгин был легитимистом, течение которых не поддерживал князь В.П. Трубецкой, председатель Союза⁵. В Союзе российских дворян в Америке В.В. Вадковский,

¹ Чувардин Г.С. Великие князья Романовы «в изгнании»: проблема политической самоидентификации // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 1 (82). С. 76–80.

² ГАРФ. Ф. Р-5763. Оп. 1. Д. 7. Л. 25–28.

³ Там же.

⁴ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 586.

⁵ Данзас П.Я. Воспоминания о Союзе молодежи: Два письма из Парижа // История российских дворянских организаций и учреждений, их сегодняшнее состояние и перспективы развития: Материалы ко Второму научному семинару. СПб., 1996. С. 51–55.

политическая работа которого началась с Рейхенгалльского съезда 1921 г.¹, сформировал вокруг себя группу легитимистов². При этом он подчеркивал, что дворянский союз должен был способствовать укреплению культурно-бытовых связей между русскими дворянами вне зависимости от их взглядов на вопрос о престолонаследии³. П.Н. Базанов причислил Союз русских дворян во Франции к «прокирилловским»⁴. Однако можно утверждать, что подобная оценка идеологической приверженности организации корректна лишь для конца 1930-х гг., когда значительная часть эмиграции смирилась со статусом великого князя Кирилла Владимировича в роли императора Кирилла I.

В 1920-х гг. вопрос престолонаследия в Русском Зарубежье осложнялся еще и тем, что сохранялась надежда на спасение Николая II и его семьи. Вдовствующая императрица Мария Федоровна была не единственным представителем аристократии, разделявшим подобные убеждения. Статс-секретарь Государственного совета, сенатор и дворянин Санкт-Петербургской губернии Николай Николаевич Корево (1860–1935) в брошюре «Императорский Всероссийский престол», призывая к восстановлению законного преемства Законной Верховной Власти, писал, что известия о гибели царской семьи продолжали многими оспариваться⁵. Изданный в 1921 г. «Готский альманах», авторитетный справочник по генеалогии европейской аристократии, допускал, что императорская семья могла спастись, а о великом князе Михаиле Александровиче издание писало, как о живом⁶. Верил в спасение последнего российского императора и граф Д.С. Шереметев, который с 1895 г. был бессменным флигель-

¹ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 24. Л. 6.

² Там же. Л. 16–17 об.

³ Малафай М.С. Союз русских дворян в Америке в 1930-е гг. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей Международной научно-практической школы конференции молодых ученых (22–25 октября 2024 г.). М., 2024. С. 344–350.

⁴ Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). СПб., 2008. С. 152.

⁵ Корево Н.Н. Императорский всероссийский престол. Наследование престола по основным государственным законам: Справка по некоторым вопросам, касающимся престолонаследия. Париж, 1922. С. 43.

⁶ Там же.

адъютантом Николая II. Согласно его версии, Николай II спасли раскольники, о чем сообщил «человек с длинной бородой» графине И.И. Шереметевой во время крымской эвакуации¹. Спустя несколько лет, к великому князю Николаю Николаевичу в замок Шуаньи явился раскольничий архиерей, который подтвердил эту версию, поклявшись, что раскольники спасли последнего российского императора и вывезли его из России².

Широкое обсуждение в кругах дворянской эмиграции получил феномен Анастасии Чайковской, известной как Анна Андерсон и выдававшей себя за спасшуюся великую княжну Анастасию Николаевну. «Не имея прямого ответа на этот вопрос, совесть мучает, да мучает, а не есть ли она на самом деле дочь нашего замученного Государя», – писал в 1928 г. А.Н. Яхонтову великий князь Андрей Владимирович, рассчитывавший достать доказательства, которые бы позволили признать Анастасию Чайковскую Романовой другими членами семьи³. Великий князь Андрей Владимирович акцентировал внимание на том, что ее опознании не влияло на вопрос о престолонаследии и имело «чисто моральный, а не материальный интерес»⁴. В рамках «Дела Чайковской» великий князь Андрей Владимирович составил проект доклада, который предлагалось разослать всем членам Фамилии. Там сообщалось, что в рамках обширного следственного производства были получены как положительные, так и отрицательные сведения о больной⁵. Поэтому категорические заявления в признании или отрицании Чайковской им считались преждевременными. В проекте доклада фигурирует упоминание заявления 12 членов императорской фамилии, которые выразили «свое твердое убеждение, что женщина, именуемая госпожой Чайковской и находящаяся в настоящее время в Северной Америке не есть Великая Княжна Анастасия Николаевна»⁶. В связи с его публикацией в печати Андрей

¹ ГАРФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 79. Л. 4.

² Там же.

³ БФРЗ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 40. Л. 12–14.

⁴ БФРЗ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 39. Л. 24.

⁵ БФРЗ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 40. Л. 4–11.

⁶ Там же.

Владимирович обратился к великому князю Александру Михайловичу за разъяснением. Последний утверждал, что история больной – результат «шантажных происков организации, которая, зная, что Чайковская не великая княжна, все же во что бы то ни стало хочет доказать, что она великая княжна»¹. Ввиду наличия двух противоположных убеждений, великий князь Андрей Владимирович предложил создать комиссию для установления полноты и точности имевшихся у сторон доказательств и поспособствовать рассмотрению дела в американском суде². Подобные эпизоды, связанные с самозванчеством и существовавшими надеждами на спасение Николая II и его семьи, свидетельствуют о нежелании определенной части дворянской эмиграции признавать действительность, а также отражают важность сохранения династической преемственности для дворянства.

Кончина вдовствующей императрицы Марии Федоровны в 1928 г. и великого князя Николая Николаевича в 1929 г. стали большим горем для дворянской эмиграции, которая в этих двух фигурах находила «великую духовную поддержку»³. Князь Н.С. Оболенский писал, что кончина великого князя Николая Николаевича всколыхнула все беженство и с «необыкновенной яркостью выявила ту любовь и веру, которые питали к нему соотечественники»⁴. П.П. Менделеев отмечал, что Мария Федоровна смогла объединить дворян «в общем чувстве благоговейной к ней любви, высокого почитания и верноподданической преданности», и своим примером научила «безропотно переносить свыше ниспосланные испытания» и «любить родную землю», а великий князь Николай Николаевич воплотил в себе «облик безупречного рыцаря-патриота, истинного витязя русского»⁵. Эта череда смертей укрепила политические позиции великого князя Кирилла Владимировича.

¹ БФРЗ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 40. Л. 4–11.

² Там же.

³ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 18. Л. 2–3.

⁴ Оболенский Н. К биографии Великого князя Николая Николаевича // Вестник Союза русских дворян. 1931. № 2. С. 63–70.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 18. Л. 2–3.

К сентябрю 1930 г. Н.Е. Марковым, публично признававшим ранее в качестве «вождя» монархической эмиграции великого князя Николая Николаевича, был образован «Комитет призыва к объединению русской эмиграции вокруг главы Императорского Дома». В его состав входили генерал и дворянин Екатеринославской губернии М.Д. Нечволодов, военный историк А.А. Керсновский, князь А.Н. Волконский, барон С.Е. Вольф, покинувшие Союз русских дворян во Франции В.Н. Куколь-Яснопольский и А.М. Дерюгин¹ и другие. Историк А.А. Иванов впервые опубликовал фрагменты письма Н.Е. Маркова генералу и потомственному дворянину Орловской губернии В.А. Леховичу, в котором лидер ВМС дал подробное обоснование необходимости объединения всех монархистов вокруг великого князя Кирилла Владимировича. «Зарубежный съезд 1926 года выявил с очевидностью, что даже популярный вождь, каковым был великий князь Николай Николаевич, не в силах объединить хотя бы одну национально-мыслящую часть Русского Зарубежья. С тех пор прошло восемь лет, за эти годы скончались императрица Мария Федоровна, великий князь Николай Николаевич, генералы Врангель, Кутепов, Юденич, и ни осталось теперь ни одного популярного авторитетного лица, которое было бы в силах выполнить задачу объединения заграничной России», – писал Н.Е. Марков². Также рост политической популярности Кирилла Владимировича после смерти Николая Николаевича обеспечил переход значительной части офицеров из РОВСа в созданный еще в 1924 г. Корпус Императорской армии и флота³. В 1931 г. Кирилл Владимирович возродил лейб-гвардии Измайловский полк после обращения 22 «измайловцев» во главе с полковником П.В. Данильченко⁴. Он писал князю императорской крови Гавриилу Константиновичу, назначенного Кириллом Владимировичем, следующее: «Теперь такое тяжелое время что нам не следует входить в детали того, что именовать ли

¹ Иванов А.А. Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб., 2023. С. 573–574.

² Там же. С. 574.

³ Чувардин Г.С. Великие князья Романовы «в изгнании»: проблема политической самоидентификации // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 1 (82). С. 76–80.

⁴ Там же.

Законного Правопреемника Государя – Государем или только Великим Князем, а нам надо перед всеми политическими партиями, а это очень важно, открыто заявить, что Гвардия, Армия и Флот все в огромнейшем числе хотят в России Законного Царя»¹.

Подводя итог, можно утверждать, что вопросу о престолонаследии в кругах дворянской диаспоры отводилось особое место. Хотя в 1924 г. великий князь Кирилл Владимирович получил уверения в «верноподданнических чувствах» от пяти великих князей, изначально большинство дворян-монархистов негативно оценило его действия. Неизбежно вопрос о престолонаследии затронул дворянские ассоциации и другие монархические организации Русского Зарубежья. По оценкам современников, противостояние кирилловцев и николаевцев не привело к прямым конфликтам в Союзе русских дворян во Франции и Союзе российских дворян в Америке. Однако поддержка или неприятие легитимизма нередко приводило к формированию групп внутри организаций, которые использовали политические предпочтения в качестве инструмента распределения финансов и должностей внутри ассоциаций. Смерть великого князя Николая Николаевича поспособствовала увеличению числа сторонников великого князя Кирилла Владимировича среди дворян. Однако это был постепенный процесс, что демонстрирует, например, приверженность князя В.П. Трубецкого позиции «николаевцев» в начале 1930-х гг. в конфликте с А.М. Дерюгиным из-за выхода Круга дворянской молодежи из состава Союза русских дворян во Франции. Тем не менее великий князь Кирилл Владимирович не смог конвертировать объективное увеличение политического капитала во что-то большее и стать бесспорным лидером Русского Зарубежья, а после смерти великой княгини Виктории Федоровны в 1936 г. его политическая активность пошла на спад.

¹ БФРЗ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 51. Л. 9–12.

3.2. Особенности формирования политической мысли российского дворянства

Современниками численность монархистов в эмиграции оценивалась в 1,9 млн человек из 2 млн всей эмиграции¹. Хотя эти цифры можно считать завышенными, так как в эмиграции был представлен практически весь политический спектр императорской России, стоит признать определяющее влияние сторонников монархической идеи на всю русскую эмиграцию. При этом, исходя из политических предпочтений, дворян-эмигрантов можно разделить на «правых», «умеренных» и «левых»². Первые две группы пытались сохранить свою сословную идентичность и политическую организацию, декларативно направленную на борьбу с советской властью. В эмиграции дворянство не стремилось к образованию замкнутой касты, к обособлению и отмежеванию от других групп и организаций, но должно было стоять «в первых рядах общего патриотического движения» и нести «высокую моральную силу, без которой немислимо национальное возрождение»³. Поэтому дворяне-эмигранты приняли деятельное участие в формировании множества политических течений Русского Зарубежья, дававших разные оценки произошедшим политическим событиям и предлагавшим различные проекты переустройства России.

В числе главных политических вопросов, обсуждаемых в кругах дворянской эмиграции, были причины падения монархии в 1917 г. и поражение белых в Гражданской войне. Последний министр финансов Российской империи П.Л. Барк отмечал, что не знавшие России иностранцы могли предположить, что последние годы жизни империя управлялась «выродившимися» и неопытными аристократами с низким уровнем профессионализма, «неспособными ни на какую энергическую деятельность», оторванных от народа и не понимавших его, в результате чего и

¹ БФРЗ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 35. Л. 12–17 об.

² Заключительная часть доклада Совета Общему Собранию 1930 г. // Вестник Союза русских дворян. 1930. № 2. С. 20–29.

³ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 18. Л. 7.

произошла революция¹. По его мнению, в действительности революция своим происхождением была обязана пропаганде интеллигенции, не имевшей представления о политике и государственном управлении². При этом в кругах дворянской молодежи встречались противоположные «старикам» эмиграции мнения. Согласно им, падение монархии и его последствия стали результатом деятельности «позорной и выродившейся династии», чему способствовали «кающиеся дворяне» и купцы, жертвовавшие деньги на разрушение режима, «на котором зиждилось их благополучие, дворянских белых голубиц, стрелявших в губернаторов»³. Подобные утверждения демонстрируют поколенческое размежевание дворян.

Еще одна причина революции, по мнению П.Л. Барка, лежала в итогах Крестьянской реформы 1861 г. и сохранении общинного строя, против которого до 1917 г. выступали лишь председатель Совета министров П.Н. Столыпин и занимавший должность главноуправляющего землеустройством и земледелием в 1908–1915 гг. А.И. Кривошеин⁴. По мнению П.Б. Струве, Крестьянская реформа 1861 г. обладала существенным недостатком. Крестьян наделили землей, но не «собственностью», а революционные события 1917 г. вновь повторили эту модель, в чем заключалась одна из главных трагедий истории России и русского крестьянина⁵. П.Б. Струве был убежден, что причина этого лежала в сложившейся в России форме крепостничества, сопоставимого с личным рабством. По его мнению, крестьянин-собственник имел все шансы стать «крестьянином-патриотом»⁶.

По мнению первого председателя образованного в Париже в 1922 г. Союза ревнителей памяти Императора Николая II П.М. фон-Кауфмана-Туркестанского, российская дореволюционная подпольная печать способствовала укреплению

¹ БФРЗ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 42. Л. 9–11.

² Там же.

³ Мирский Б. «Вне идеала» // Последние новости. № 1195. 1924. С. 2.

⁴ БФРЗ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 42. Л. 9–11.

⁵ Струве П.Б. Отечество и собственность // Вестник Русского национального комитета. 1923. № 3. С. 7–9.

⁶ Там же.

нарратива, согласно которому формировался образ России как «необузданного медведя, готового всею своей тяжестью навалиться на соседей и раздавить их»¹. «Миллионы золота на русофобскую пропаганду потрачены интернационалом и правительствами тех “дружественных” держав, для которых Россия была препоною их стремления к мировому владычеству», – сообщал П.М. фон-Кауфман-Туркестанский в своем вступительном слове на общем собрании членов Союза в мае 1923 г., отмечая, что борьба с действовавшими против России интернациональными силами не была организована, ответственность за что возлагалась на правительство, общество и интеллигенцию².

Философ И.А. Ильин причиной распада Российской империи провозглашал разложение русского национального правосознания, источниками которого являлись патриотизм, чувство собственного достоинства, чувство чести, а орудием – власть и подчинение³. Закон и порядок, по его мнению, выступали в качестве основы государства, способного стать великой державой, в то время как в умах русской интеллигенции накануне 1917 г. царил хаос⁴. Схожей точки зрения придерживался В.В. Вадковский, писавший следующее: «Действительно, русская интеллигенция, прихватив с собой отщепенцев групп имеющих национальные понятия и традиции, всегда была слепой и ярой последовательницей и проповедницей всяких не русских “западноевропейских” идей и теорий, всегда была антинациональной, прикрываясь когда ей нужно покровом аполитичности, всегда трудилась над разрушением всего русского национального и бытового, и всегда стремилась насадить в России не русские национальные, а космополитические и интернациональные идеи»⁵. Таким образом, в кругах дворянской эмиграции была популярна точка зрения, согласно которой одной из движущих социальных сил, приведших к революции, была именно интеллигенция, которая разделяла идеи враждебных по отношению к России государств,

¹ БФРЗ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 71. Л. 17–18 об.

² Там же.

³ Ильин И.А. Наша государственная задача // Русский колокол. 1927. № 1. С. 32–40.

⁴ Там же.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 24. Л. 5.

«еврейства» и «масонства». Как отмечал граф Э.П. Беннигсен, в первые годы после революции в эмиграции «иудо-масонство» обвинялось во всех бедах, постигших Россию¹. Сам он не раз спорил на эту тему с П.М. Кауфманом-Туркестанским, который рассматривал масонство в качестве «орудия еврейства для разложения христианства»². Существование подобных дискуссий в эмиграции можно рассматривать как следствие законодательных ограничений в Российской империи начала XX в. по отношению к еврейскому населению.

С точки зрения правых монархистов, борьба «еврейства» за мировое господство выражалась в накоплении материальных благ и ограничении монархий, являвшихся «оплотом силы, благополучия и национальной самостоятельности народов», развитии парламентаризма, задерживавшего развитие и ослабляющего мощь государства³. Наибольшую активность в борьбе с «иудо-масонством» проявили представители ВМС во главе с Н.Е. Марковым, антисемитизм которого достигал чрезвычайных масштабов даже по меркам ряда правых представителей эмиграции⁴. Кроме того, представители этой монархической организации организовывали слежку за русскими эмигрантами с целью установления их причастности к масонству. Так, было установлено участие в масонском движении И.А. Кривошеина, князя В.Л. Вяземского, В.А. Маклакова, В.Д. Кузьмина-Караваева⁵, князей П.А. Ливена, А.В. Амилахвари, графа Д.А. Шереметева и графа А.А. Мордвинова⁶.

Носителями своеобразного понимания революционных событий 1917 г. во взаимосвязи с мировым политическим процессом были евразийцы. Потомственный дворянин и философ П.П. Сувчинский, основавший «Движение Евразии» совместно с князем Н.С. Трубецким и потомственным дворянином Черниговской губернии П.Н. Савицким, утверждал, что Европа, которая пыталась

¹ Беннигсен Э.П. Записки. В 2-х томах. Т. 2. 1917–1955. М., 2018. С. 287.

² Там же. С. 276.

³ Политическое обозрение // Бирюч. 1926. № 1. С. 1–2.

⁴ Ильин И.А. Дневник. Письма. Документы (1903–1938). М., 1999. С. 221–222.

⁵ Темные силы. Масоны – «Кадеты» // Двуглавый орел. 1927. № 4. С. 37–38.

⁶ По Зарубежью. Русские масонские ложи во Франции // Двуглавый орел. 1928. № 21. С. 1029–1030.

«окружить Россию заставами», опасалась не распространения «коммунистической заразы», а грядущего итога «Русской Революции», который должен был определиться «не революционной энергией русской коммунизма, а историческим предопределением всего русского народа»¹. Сама же императорская Россия являлась «Европейской провинцией», у которой после падения монархии появился шанс «обрушится войной обличения, укора и гнева на свою недавнюю и, казалось, вечную метрополию»². Подобная концепция роли России в политическом пространстве Европы может считаться продолжением идей славянофилов и тех общественных деятелей, кто иначе понимал процесс европеизации XVIII–XIX вв. Так, по мнению потомственного дворянина М.Ю. Горденева (Гюбнера), в 1917 г., русский народ соблазнился европейским опытом демократизации и продал «свое первородство за чечевичную похлебку»³.

Генерал-майор А.А. Фон-Лампе в качестве основной причины поражения белых в Гражданской войне определил отсутствие у них таких методов действий, которые требовались в жестокой обстановке войны и экономической разрухи⁴, на что пошли большевики. Действуя в рамках «законности», белая армия не могла обеспечить реализацию утопических проектов, которые в популистских целях использовали ее противники. А.А. Фон-Лампе подверг критике председателя Временного правительства Северной области Н.В. Чайковского и его министров, а также близкого к Н.В. Чайковскому генерал-лейтенанта А.Н. Деникина, который ошибался в масштабах еврейских погромов, совершавшихся белыми⁵. По мнению Ю.П. Граббе, безыдейность белого движения предопределила его поражение в Гражданской войне, поэтому в эмиграции для успешной реализации антибольшевистской борьбы отсутствие идеологии было недопустимо⁶. С этим тезисом были солидарны и участники Первого монархического Съезда,

¹ Сувчинский П. Сила слабых // Исход к востоку. 1921. № 1. С. 4–8.

² Там же.

³ Горденев М.Ю. Мысли моряка-офицера за рубежом // Вахтенный журнал. 1936. № 10. С. 22–26.

⁴ Фон-Лампе А. Причины неудачи вооруженного выступления Белых // Русский колокол. 1929. № 7. С. 38–48.

⁵ Там же.

⁶ Граббе Ю. Русские освободительные движения // Бирюч. 1926. № 2. С. 2–3.

прошедшего в 1921 г. в Бад-Рейхенгалле¹, в числе которых были Н.Е. Марков, А.С. Гершельман, А.Н. Крупенский, князь В.М. Волконский, А.А. Римский-Корсаков, А.М. Масленников, барон М.А. Таубе, граф М.Н. Граббе и другие.

С точки зрения легитимистов, Крымская эвакуация и сближение с Польшей в годы Гражданской войны подтверждали неэффективность барона П.Н. Врангеля в роли главнокомандующего и политика, поэтому военная эмиграция должна была объединиться вокруг великого князя Кирилла Владимировича². Помимо военной консолидации, признание всей эмиграцией великого князя Кирилла Владимировича преемником Николая II должно было способствовать передаче ему золотого запаса Российской империи, что укрепило бы антибольшевистские силы и активизировало их на территории СССР³. Так как барон П.Н. Врангель и великий князь Николай Николаевич таких возможностей не имели, власть Кирилла Владимировича могла «спасти Россию от "большевистского ига"»⁴. Таким образом, легитимисты были убеждены в неспособности Русской армии П.Н. Врангеля объединить всю военную эмиграцию. Разумеется, это было продиктовано существовавшей политической конкуренцией между кирилловцами и николаевцами, в рамках которой барон П.Н. Врангель объявил, что армия находится под покровительством великого князя Николая Николаевича⁵.

Следствием проигрыша в Гражданской войне стало формирование в эмиграции концепций антибольшевистской борьбы, часть которых выдвигалась дворянами. Так, капитан 1-го ранга Г.Е. Чаплин выделял три возможных варианта потери власти большевиками в России: вооруженное вмешательство, «эволюция большевизма» и «внутренний взрыв»⁶. Автор концепции отмечал, что вооруженное

¹ Гершельман А.С. Эмиграция // Верная гвардия: Русская смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008. С. 513.

² Малафай М.С. Кирилловцы и николаевцы в эмигрантской прессе 1920–1930-х гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXII Междунар. науч. конф., Иваново, 29–30 марта 2023 г. Иваново, 2023. С. 498–502.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Антоненко Н.В. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20–30-е гг. XX в.): Монография. Мичуринск, 2011. С. 55.

⁶ Гершельман А.С. Эмиграция // Верная гвардия: Русская смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008. С. 512.

вмешательство «под монархическим флагом» не могло вызвать поддержки западных государств, опасавшихся усиления России и рассчитывавших на замену большевиков социалистами, а эволюции большевиков должны были способствовать еврейские круги Англии, Франции и США¹. Ожидания либерализации советской власти соседствовали с убежденностью в ее скором крахе. В 1925 г. великий князь Николай Николаевич в беседе с П.Б. Струве сообщал, что основные черты советского режима – ограничение личной свободы и инициативы, безбожие и деморализация, ставка на мировую революцию – довели Россию до состояния крайнего напряжения, в результате чего режим большевиков «должен был пасть»². Схожих взглядов также придерживались И.А. Ильин³ и Н.Е. Марков⁴, сохранявший их и в 1930-е гг. Однако для широких кругов эмигрантов подобные настроения были более характерны в 1920-е гг., когда многие из них еще жили в ожидании возвращения в Россию.

В 1920-е гг. в монархических кругах дворянства была распространена точка зрения, согласно которой способствовать борьбе с советской властью могло установление связи с Рабоче-крестьянской Красной армией (РККА). Потомственный дворянин, генерал Ю.Н. Данилов рассматривал процесс «очищения» Красной армии от коммунистов. Так как эмиграция верила в «здоровую основу русского Народа», требовалось распространить эти убеждения в рядах красноармейцев, которые все больше становились «плотью от плоти и кровью от крови подлинного русского народа»⁵. Ю.Н. Данилов был убежден, что вызванная подавлением антибольшевистских восстаний ненависть населения к РККА распространялась на институцию государства, а не в отношении отдельного красноармейца, которого, скорее, жалели, как «насильственно загнанного в ряды

¹ Гершельман А.С. Эмиграция // Верная гвардия: Русская смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008. С. 512.

² Беседа вел. кн. Николая Николаевича с редактором газеты «Возрождение» // Возрождение. 1925. № 18. С. 1.

³ Мы требуем понимания // Русский колокол. 1927. № 1. С. 41–46.

⁴ Иванов А.А., Машкевич С.В., Пученков А.С. «Царь и народ: вот формула нашего времени». О взглядах Н. Е. Маркова в 1930-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1 (9). С. 140–156.

⁵ Данилов Ю.Н. Несколько мыслей о красной армии // Вестник Русского национального комитета. 1923. № 4. С. 47–57.

Красной армии»¹. Кроме того, на фоне роста численности дезертиров, бунты отдельных частей, перехода красноармейцев на сторону восставших большевики все меньше доверяли армии, поэтому РККА нельзя было считать «надежной опорой внутри страны для кремлевских властителей»². Схожей позиции придерживался и великий князь Николай Николаевич, который, хотя и делал ставку на вооруженную интервенцию³, писал следующее: «Армия плоть от плоти русского народа. Когда пробьет час освобождения, народ сознает, что необходимо сбросить иго насильников и восстановить национальную власть. Та же перемена произойдет и в сознании армии; и она перестанет быть “красной”. Те, кто, оставшись в России, были привлечены в красные ряды, счастливы будут искупить свои вольные и невольные грехи перед родиной»⁴. По мнению великого князя, белоэмигранты могли образовать с такими красноармейцами армию, отвечавшую «величию России» и обеспечивавшую «мирное бытие и благосостояние народа»⁵. Подобные убеждения свидетельствуют о допущении политической субъектности Красной армии, которой в действительности не было в силу особенностей политического устройства СССР, что подтверждают репрессии 1930-х гг. в отношении военнослужащих Красной армии, ранее служивших в Русской Императорской армии. Примечательно, что в данном вопросе взгляды великих князей Николая Николаевича и Кирилла Владимировича, выступавшего против интервенции как средства свержения советской власти⁶, во многом совпадали. Так, в «Обращении императора в изгнании Кирилла Владимировича в связи с 10-летием учреждения Корпуса императорских армии и флота» сообщалось: «Надо помнить, что Красная Армия и Флот после свержения ненавистной власти превратятся в Российские

¹ Данилов Ю.Н. Несколько мыслей о красной армии // Вестник Русского национального комитета. 1923. № 4. С. 47–57.

² Там же.

³ Антоненко Н.В. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20–30-е гг. XX в.): Монография. Мичуринск, 2011. С. 54.

⁴ Беседа Е.И.В. Великого князя Николая Николаевич с американским корреспондентом Associated Press // Вестник Русского национального комитета. 1924. № 9. С. 86–88.

⁵ Там же.

⁶ Антоненко Н.В. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20–30-е гг. XX в.): Монография. Мичуринск, 2011. С. 54.

Армию и Флот и, равно как и все остальное русское воинство, явятся тем оплотом, на котором, как и прежде, будет покоиться судьба страны и благополучие народа»¹.

Стоит заметить, что некоторые представители Русского Зарубежья выступали против политической субъектности воинских формирований как таковой. Так, потомственный дворянин, военный министр Российской империи, генерал-адъютант В.А. Сухомлинов осудил статью А.С. Гершельмана «Армия и Политика», в которой автор подверг критике лозунг «Армия вне политики» и подчеркнул необходимость осведомленности офицерского состава в политических вопросах, так как ее отсутствие стало причиной отречения от престола Николая II². Барон П.Н. Врангель, не желая открыто примыкать к той или иной политической силе и стремясь не допустить раскола среди военнослужащих, в сентябре 1923 г. издал Приказ № 82, согласно которому членство офицеров Русской армии в политических организациях запрещалось. Негативную оценку партийности давал и И.А. Ильин, который утверждал, что ее дух «всегда ядовит и разлагающ» и его носителями могли быть как левые, так и правые партии³. Среди причин формирования подобной роли партий в политической жизни он выделял их стремление к верховной власти, представительство интересов лишь меньшинства общества, готовность партийных деятелей к «самым низким действиям ради власти» и отсутствие у них совести и чести, а также уверенность партийцев в истинности собственных идей. Все это было вредно для эмиграции, в силу чего для будущей России необходимо было формировать «не партийный дух, а национальный, патриотический и государственный»⁴. По мнению И.А. Ильина, антисоветская деятельность не должна была олицетворяться ни с каким из сословий бывшей Российской империи⁵, что опровергалось советской пропагандой.

¹ Обращения главы Российского императорского дома Романовых императора в изгнании Кирилла I Владимировича. Официальные акты и сопутствующие исторические источники. 1922–1938. Вашингтон, 2024. С. 111–112.

² Гершельман А.С. Эмиграция // Верная гвардия: Русская смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008. С. 555.

³ Ильин И.А. Яд партийности // Русский колокол. 1928. № 3. С. 78–81.

⁴ Там же.

⁵ Ильин И.А. Девизы Белого движения // Русский колокол. 1927. № 1. С. 80–81.

Дворянство принимало активное участие в рассмотрении эмигрантских концепций и проектов переустройства России после предполагаемой смены власти. Так как среди дворян-эмигрантов преобладали монархисты, в их кругах преобладала концепция установление в России монархии той или иной формы. Депутат Государственной думы Н.Ф. Езерской, представитель Могилевской ветви рода Езерских, утверждал, что «возрождение традиционной власти в новом жизнеспособном воплощении» приобрело бы популярность у народа¹. В числе преимуществ монархической формы правления он выделял быстроту и решительность действий власти, добровольное и беспрекословное подчинение народа, большой авторитет личности царя на международной арене в сравнении с избранным президентом². Н.Ф. Езерской был убежден, что народ «в смутную эпоху ищет “законного” монарха, но понимает эту законность своеобразно: он подставляет ее под того кандидата, который представляется ему желательным»³.

Барон М.А. Таубе выделял такие организационные основы монархистов, как «верность принципу легитимной монархии и необходимость внутренней дифференциации в монархических кругах и необходимость конституционной монархии в смысле закрепления законом прав отдельных государственных сфер, среди которых частные и публичные права граждан, русская церковь и автономные права воссоединения окраин»⁴. Схожих взглядов придерживался А.М. Масленников, который отмечал «огромное значение монархии в процессе "спайки разноплеменных государств"»⁵. Таким образом, монархисты в качестве своей цели определили объединение всех последовательных противников советской власти на принципе законной монархии для выхода из политического кризиса, что было невозможно без участия Романовых⁶.

¹ Езерский Н. Мысли о монархии // Русская газета. 1923. № 13. С. 2.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Малафай М.С. Русская дворянская эмиграция и Высший монархический совет в 1920-е годы // Преподаватель XXI век. 2024. № 3. Часть 2. С. 322–335.

⁵ Там же.

⁶ Малафай М.С. Русская дворянская эмиграция и Высший монархический совет в 1920-е годы // Преподаватель XXI век. 2024. № 3. Часть 2. С. 322–335.

Монархические чаяния в рядах дворянской эмиграции сохраняли свою актуальность даже в 1930-е гг., что подтверждают слова Б.Л. Бразоля, упоминавшего о соучастии эмиграции с «пленным» населением России в «великом подвиге ее возрождения и подлинного устройства под Державным Стягом Законного Государя»¹. Таким образом, зачастую предполагаемое восстановление монархии не подразумевало внедрения элементов демократия, которая без «сердца и души» выполняла роль служанки капитала, а конституционализм и свобода печати создавали условия для усиления позиций буржуазии во властной иерархии². В подобных утверждениях отражается негативное отношение аристократии к индустриализации и становлению рыночной экономики, столь характерное для дореволюционной власти³.

Вариант «национальной диктатуры» рассматривался И.А. Ильиным. Среди условий возрождения подлинной России он выделял необходимость внять инстинкту национального самосохранения, наличие политической воли и характера, а также свободный и спокойный патриотический реализм для мирного и творческого выхода из революции⁴. Как пишет Н.В. Антоненко, модель российской государственности И.А. Ильина предполагала учреждение представительных органов власти: избираемого на десять лет Государственного совета и Земского собора, который мог быть распущен верховным вождем, действовавшего до восшествия на престол законно избранного монарха, до истечения срока своей работы⁵.

Идею созыва Земского собора в качестве альтернативы партийному представительству поддерживал и великий князь Андрей Владимирович, однако эта концепция сопровождалась критическими оценками дворян-эмигрантов. Так, А.Ф. Трепов, не отрицая «необходимости предусмотреть форму волеизъявления

¹ Вестник монархиста. 1931. № 2. С. 5–6.

² Диктатура буржуазии // Бирюч. 1926. № 2. С. 2–3.

³ Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина. СПб., 2016. С. 36.

⁴ Ильин И.А. Русский колокол // Русский колокол. 1927. №1. С. 1–10.

⁵ Антоненко Н.В. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20–30-е гг. XX в.): Монография. Мичуринск, 2011. С. 59.

страны и народа», полагал, что в данном вопросе необходима «особая продуманность», так как был риск «подорвать компетенцию и авторитетность укоренившихся отдельных частей государственного строительства и управления»¹. Кроме того, эта идея могла вызвать обострение в рядах лиц, «стремящихся в конце концов к одной цели – восстановлению монархии в несчастной России»².

П.Б. Струве видел освобождение и возрождение России в соединении либерализма, проявившегося в годы правления Екатерины II, Александра I, Александра II и в период Первой русской революции, обеспечившей народное представительство, и консерватизма, который олицетворяли император Петр I, поэт А.С. Пушкин, реформатор и правовед М.М. Сперанский³. Их действенное объединение «во имя подлинной свободы и прочной государственности» должно было стать основой на пути спасения России⁴. Действительно, в историографии существует мнение, что Первая русская революция, несмотря на половинчатость и противоречивость мер самодержавия, учредила конституционные порядки и партийную систему в России⁵, что могло выступать в качестве платформы для развития общественной дискуссии и построения гражданского общества. В противовес П.Н. Милюкову П.Б. Струве считал, что с юридической точки зрения, СССР можно было считать республикой, но признание этого создавало неудобства для пропаганды республиканской идеи⁶.

После критики статьи «Основы национальной платформы» П.Б. Струве писал великому князю Николаю Николаевичу о своих двух принципах национального строительства России. Во-первых, никакая национальная власть не могла восторжествовать и утвердиться в России без народного признания и согласия, «торжественно и формально выраженном»⁷. «По существу, моя политическая идея

¹ БФРЗ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 39. Л. 2.

² Там же.

³ Струве П. Освобождение и Возрождение // Возрождение. 1925. № 1. С. 1.

⁴ Там же.

⁵ Соловьев К.А. Самодержавие и конституция. Политическая повседневность в 1906–1917 годах. М., 2019. С. 22.

⁶ Дневник политика // Возрождение. 1925. № 19. С. 1.

⁷ БФРЗ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 35. Л. 26–29.

сводится к соответствующему обстоятельствам времени восстановлению основного содержания Основных законов российской империи 1906 г.», – писал П.Б. Струве¹. По его мнению, никакая политическая сила эмиграции не должна была приравнять свержение коммунистической власти к социально-имущественной реставрации, когда Россия остро нуждалась в формировании института собственности². С невозможностью имущественной реставрации был согласен и князь С.Е. Трубецкой³.

Общественный деятель И.Л. Солоневич предупреждал, что «лозунг дворянско-помещичьей монархии» угрожал России повторением Гражданской войны⁴. В то же время вопрос о землевладении имел особое значения для дворянства в эмиграции. Дворяне-эмигранты подчеркивали, что восстановление в будущей России дворянского землевладения не следовало рассматривать исключительно с экономической точки зрения, так как работа на земле должна была иметь и культурное и политическое значение⁵. На подобное мировоззрение повлиял опыт Франции и Швеции, где организовывались конкурсы на «древность землевладения», в которых крестьянство, владевшее землей более двухсот лет, «демонстрировало любовь к земле в истинно культурных государствах»⁶. Ссылаясь на подобный пример, дворяне намеревались проявить свой «аристократизм» в привязанности к земле. Крайне правые дворяне-эмигранты отстаивали восстановление своих имущественных прав в России без большевиков, отвергая любые варианты отчуждения частновладельческой земли, даже за выплату компенсации ее владельцам⁷.

Одним из критиков упоминаемой статьи П.Б. Струве «Основы национальной платформы» был А.Н. Крупенский. Утверждение П.Б. Струве о том, что новая

¹ БФРЗ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 35. Л. 26–29.

² Там же.

³ Антоненко Н.В. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20–30-е гг. XX в.): Монография. Мичуринск, 2011. С. 81.

⁴ Там же. С. 53.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 18. Л. 26.

⁶ Там же.

⁷ Антоненко Н.В. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20–30-е гг. XX в.): Монография. Мичуринск, 2011. С. 80.

власть «не будет считать себя призванной насильственно и принудительно вторгаться в новые созданные революцией имущественные отношения», оценивалось им как проявление бессилия грядущей власти¹. Если истребленное на две трети дворянство, как класс бывших землевладельцев, смирится с повторным лишением его имущественных прав, то «миллионы лучшего и сильнейшего крестьянства силою восстанут против закрепления достижения большевизма и заставят «новую власть» либо творить закон и правду, либо убираться прочь», – утверждал А.Н. Крупенский, который аргументировал свою позицию тем, что без «разумного восстановления законного и экономически целесообразного земельного порядка», невозможно было восстановить благосостояние народа². Князь Н.Б. Щербатов утверждал, что признание права собственности «за захватчиками» стимулировало дальнейшее продолжение гражданского противостояния, поэтому все земли, находящиеся в собственности советских органов власти, необходимо было возвратить их дореволюционным собственникам³. Стоит согласиться с Н.В. Антоненко, которая отметила, что подобные взгляды все же не находили широкой поддержки среди большинства представителей монархической части Зарубежной России⁴. П.П. Менделеев отмечал, что после революционных потрясений и Гражданской войны рассчитывать на восстановление в России сословного строя с сохранением имущественных прав дворянства могли только «махровые правые»⁵.

Адаптированным к реальности в условиях фактического владения землей крестьянами и «отсутствия достаточного капитала у помещиков для ее выкупа» представлялся проект земельной реформы И.И. Тхоржевского, который базировался на рациональном подходе к распределению земельного фонда: 1/3 помещичьих земель отходила без выкупа государству на общенародные нужды; 1/3

¹ Крупенский А. По поводу «Основ национальной платформы» П.Б. Струве // Возрождение. 1925. № 113. С. 2.

² Там же.

³ Антоненко Н.В. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20–30-е гг. XX в.): Монография. Мичуринск, 2011. С. 80.

⁴ Там же. С. 81.

⁵ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 576.

передавалась государству за справедливый выкуп; 1/3 сохранялась за крупными собственниками¹. 2/3 отошедших через казну крестьянам помещичьих земель закреплялись за новыми владельцами наполовину за денежный выкуп, наполовину — за выплату хлебом². Более радикальная точку зрения выразил общественно-политический деятель И.П. Демидов. Он считал, что для защиты русского будущего была необходима отдача земли в «народные трудовые руки»³. Это делало возможным возрождение капитала, промышленности и торговли и объяснялось тем, что на фоне экономической разрухи после двух войн, в России от национальных богатств сохранилась «народная сила и земля», а остальной национальный капитал был разрушен идеологами интернационала⁴. Согласно Резолюции Народно-трудового союза российских солидаристов, сословные привилегии дворянства и вовсе отвергались, так как сословия воспринимались как наследственные касты⁵.

Некоторые дворяне-эмигранты сомневались в скорой смене власти большевиков в 1920–1930-е гг., выступали против военной интервенции на территорию СССР и были сторонниками сохранения его территориальной целостности. Это политическое течение Русского Зарубежья известно как «ультрафиолетовое». П.Н. Базанов отметил, что оно включало в себя сменовеховцев, пореволюционеров и младороссов, которые противопоставляли себя сторонникам «активизма», не смирившимся с большевистским переворотом и результатами Гражданской войны⁶. В лице большевиков сменовеховцы признавали подлинную русскую государственную власть, а в числе их лидеров было значительное число дворян-эмигрантов. Идеи сменовеховства разделяли юрист и представитель старинного дворянского рода А.В. Бобрищев-Пушкин, литератор

¹ Антоненко Н.В. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20–30-е гг. XX в.): Монография. Мичуринск, 2011. С. 83.

² Там же.

³ Демидов И. Русский земельный вопрос в национальной постановке // Последние новости. 1921. № 360. С. 2.

⁴ Там же.

⁵ Резолюции Съезда // За Россию. 1934. № 27. С. 3–4.

⁶ Базанов П.Н. Царь и Советы: русская эмиграция в борьбе за российскую государственность. СПб., 2022. С. 5.

Ю.Н. Потехин, политический и религиозный деятель В.Н. Львов, С.С. Чахотин и другие. За исключением С.С. Чахотина, все они вернулись в СССР в 1920–1930-е гг. и были расстреляны¹.

Популяризации в эмиграции левых идей способствовал и бывший председатель Учредительного собрания В.М. Чернов, эсеровская программа которого заключалась в признании русского «своеобразия» в противоположность марксистскому представлению об одинаковости эволюции всех стран, проходящих одни и те же стадии развития². Это давало возможность эсерам провести различия между странами классического капитализма и странами с догоняющим развитием³. Однако они не воспользовались этими различиями, чтобы оценить шансы построения социализма в разных странах, будучи уверенными, что в России существует свой особый социализм, аграрный, основанный на «общинных и трудовых воззрениях, традициях и формах жизни русского крестьянства, в особенности на распространенном среди них убеждении, что земля ничья и что право на пользование ею дает лишь труд»⁴. Как отмечает О.В. Коновалова, В.М. Чернов был убежден в том, что земля никогда не принадлежала дворянскому сословию, а числилась за крепостными крестьянами, а после реформы 1861 г. право помещиков на землю становилось фикцией⁵. Все это свидетельствовало о близости программы В.М. Чернова к идеям социолога и идеолога панславизма Н.Я. Данилевского с его идеей «замкнутых, обособленных друг в друга не перерождающихся типов»⁶.

Дворянство, которое солидаризировалось с подобными политическими концепциями, как правило, негативно оценивалось представителями сословия. Л.М. Савелов отмечал, что примыкавшие к социалистическим течениям дворяне

¹ Базанов П.Н. Царь и Советы: русская эмиграция в борьбе за российскую государственность. СПб., 2022. С. 23.

² Пересмотр С.Р. Программы // Последние новости. 1924. № 1181. С. 1.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009. С. 65.

⁶ Пересмотр С.Р. Программы // Последние новости. 1924. № 1181. С. 1.

встречались в Русском Зарубежье «к стыду дворянства»¹. Это объясняется взглядами Л.М. Савелова, который охарактеризовал власть большевиков как «абсолютное зло, стремящееся оборвать связи народа с прошлым»². При этом важно отметить, что он не верил в возможность дворянства повлиять на политическую ситуацию в России, исходя из чего видел миссию представителей сословия в эмиграции в сохранении родовых традиций³. Таким образом, Л.М. Савелов признавал объективную утрату дворянством своей политической роли.

Подвергал критике дворян, разделявших идеи левых политических течений и граф Г.А. Шереметев. По его мнению, такая политическая приверженность дворян-эмигрантов способствовала росту непримиримости в рядах русской диаспоры, которая и без того была обусловлена деятельностью множества политических партий и движений⁴. О необходимости политической консолидации эмигрантских рядов вне зависимости от идеологической приверженности заявлял В.Н. Коковцов, утверждавший, что установление новой власти в России могло произойти лишь при условии формирования прочного единства в русской диаспоре⁵.

Нахождение эмиграции в контексте политического развития стран-реципиентов также влияло на формирование политических взглядов дворян. В 1920-е гг. в центре внимания Русского Зарубежья находилось послевоенное устройство мира и будущее России в данном контексте. При этом достаточно популярной была точка зрения, согласно которой восстановление ведущих европейских государств должно было произойти за счет ресурсов Восточной Европы. Рассуждая о последствиях Первой мировой войны, И.П. Демидов упоминал газетные отрывки, где писали о возможности Германии возместить союзникам убытки за счет колонизации России, о чем французский политический

¹ Савелов-Савелков Л.М. Генеалогия в Зарубежье // Новик. 1939. № 4. С. 1–14.

² Общественная мысль Русского зарубежья: энциклопедия / Ин-т общественной мысли; редкол.: В.В. Журавлев (отв. ред.) [и др.]. М., 2009. С. 498.

³ Там же.

⁴ Шереметев Г.А. Старческие заветы // Русский колокол. 1928. № 5. С. 47–52.

⁵ Речь гр. В.Н. Коковцова // Общее дело. 1922. № 532. С. 1.

деятель Луи Лушер сообщил немецкому политику Вальтеру Ратенау¹. И.П. Демидов был уверен, что вне зависимости от подлинности подобных слухов преодоление последствий Первой мировой войны произойдет за счет Восточной Европы, куда будут устремлены внешнеполитические интересы лишенной своих колоний Германии². В то же время некоторые представители эмиграции видели быстрое преодоление разрушительных последствий войны в сотрудничестве Германии с сильной национальной Россией и оздоровлении Европы «от заразы коммунизма», что не позволила осуществить немецкая политическая элита, состоявшая из «никому не известных людей маленького калибра»³. Великий князь Николай Николаевич не разделял подобной точки зрения и был уверен, что истощенная Первой мировой войной Германия, взаимоотношения с которой обуславливались экономическими факторами, не была способна в короткие сроки помочь восстановлению России, поэтому она нуждалась в сближении с США⁴. Примечательно, что многие монархисты, в числе которых был и Б.Л. Бразоль, рассматривали США в качестве потенциального союзника России, который мог оказать помощь эмиграции в борьбе с советской властью.

Полковник Н.Л. Голеевский, представитель польского дворянского рода, отмечал, что Англия усиливала свою базу в Копенгагене для установления торговли с Советской Россией, а ее власти рассчитывали на возрождение России через эволюцию большевиков «в сторону меньшевиков, социалистов, буржуазных партий»⁵. Бывший министр финансов и председатель Совета министров В.Н. Коковцов заявлял: «Иностранцы обладают правами, которые мы не имеем. Они имеют право быть невежественными насчет России. Мы этого права не имеем. Они имеют право смотреть на Россию как на добычу, а для нас Россия – наша родина. У

¹ Демидов И. Русский земельный вопрос в национальной постановке // Последние новости. 1921. № 360. С. 2.

² Там же.

³ Ган А. Игра немцев с большевиками // Общее дело. 1930. № 1. С. 5.

⁴ БФРЗ. Ф. 7. Оп. 1 Д. 11. Л. 12.

⁵ Гершельман А.С. Эмиграция // Верная гвардия: Русская смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008. С. 501.

нас должен быть один лозунг: большевистский Карфаген должен быть разрушен»¹. С ним солидарен был председатель правления Общества северо-западного металлургического, механического и судостроительного заводов В.В. Маркозов, провозгласивший «борьбу с большевиками и с хищническими проявлениями иностранного капитала» двумя основными принципами освобождения России². И.А. Ильин был убежден, что любое строительство в СССР являлось строительством мировой революции³, в результате чего Россия становилась лишь плацдармом для ее осуществления. Опасения по превращению России в плацдарм «для рабовладельческих экспериментов синдиката международных аферистов и эксплуататоров» выражал и В.В. Вадковский⁴.

Рост популярности фашистских идей в 1920-е гг. не обошел стороной дворян-эмигрантов. Одним из основоположников русского фашизма был потомственный дворянин Тверской губернии А.А. Вонсяцкий, лидер Всероссийской фашистской организации (ВФО) и один из лидеров Всероссийской фашистской партии (ВФП) в 1934–1935 гг. Его стремление объединить все правые организации Русского Зарубежья привлекло внимание французской полиции, так как деятельность различных националистических организаций, действовавших при участии иностранцев, непосредственно угрожала безопасности страны⁵. Прогерманская ориентация части российской эмиграции привела к высылке в 1938 г. из Франции некоторых представителей дворянства, в числе которых были генерал П.Н. Шатилов и Н.Д. Тальберг⁶. Данная превентивная мера в условиях приближавшейся Второй мировой войны позволяет сделать вывод о значимом влиянии радикалов на политическую ситуацию во Франции, а также о некотором ухудшении репутации российской эмиграции.

¹ Речь гр. В.Н. Коковцова // Общее дело. 1922. № 532. С. 1.

² Речь В.В. Маркозова // Общее дело. 1922. № 532. С. 1.

³ Старый политик. Эволюционируют ли коммунисты? // Русский колокол. 1929. № 7. С. 60–63.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 24. Л. 5.

⁵ Общественная мысль Русского зарубежья: энциклопедия // Ин-т общественной мысли; редкол.: В.В. Журавлев (отв. ред.) [и др.]. М., 2009. С. 39.

⁶ Там же. С. 40.

Итальянский фашизм привлек внимание В.В. Шульгина, которого противопоставляли сторонникам парламентской модели британского образца¹. В идеологической концепции И.А. Ильина фашизм был частью «Белого движения», так как оно характеризовалось добровольностью служения, бескорыстием, дисциплиной и верностью на началах служения родине, однако ему не хватало религиозной составляющей².

Внешне подражали итальянским фашистам участники социал-монархического движения младороссов, которое возглавлял представитель дворянского рода Казанской губернии Александр Львович Казем-Бек (1902–1977). Как и итальянские фашисты, младороссы использовали энергичный, героический стиль, схожее приветствие и форму, разделяли формы борьбы с коммунизмом и отрицательно относились к капитализму, демократии и либерализму³. В иерархии младоросской партии конца 1930-х гг., указанной П.Н. Базановым, преобладали дворяне в лице А.Л. Казем-Бека, великого князя Дмитрия Павловича, В.К. Збышевского, Д.Н. Лапчинского, В.А. Романовского-Красинского, князя С.С. Оболенского, А.М. Путятин, а движение поддерживали великий князь Андрей Владимирович, великая княжна Мария Павловна, князья императорской крови Дмитрий Александрович, Гавриил Константинович и Всеволод Иоаннович⁴. Положительное отношение младороссов к фашизму сочеталось с неприятием германского национал-социализма, либерализма и республиканизма⁵. Примечательно, что легитимист В.В. Вадковский, начиная с 1931 г., негативно относился к младороссам и сопоставлял их с республиканцами, которые не могли быть «национально настроены»⁶. Вероятно, его позиция обусловлена ростом в 1930-е гг. симпатий со стороны младороссов к советской власти.

¹ Левин И.О. Киль и парус // Руль. 1925. № 1448. С. 1.

² Ильин И.А. О русском фашизме // Русский колокол. 1928. № 3. С. 54–64.

³ Базанов П.Н. А.Л. Казем-Бек – лидер движения младороссов // Вестник РХГА. 2015. № 4. С. 117–126.

⁴ Базанов П.Н. Царь и Советы: русская эмиграция в борьбе за российскую государственность. СПб., 2022. С. 162–166.

⁵ Там же.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 24. Л. 7–8.

Крупнейшими фактами мировой политики первой половины 1930-х гг. члены Союза русских дворян во Франции отмечали экспансию Японии на Дальнем Востоке и образование марионеточного государства Маньчжоу-Го, приход нацистов к власти в Германии и сближение Франции и СССР¹. В июньском докладе 1934 г. Союза русских дворян во Франции сообщалось, что все эти события вызвали большие разногласия в кругах дворянской эмиграции, но непосредственно не затрагивали ее жизнь². Примечательно, что в докладе не упомянули о призывах французских коммунистов 1933 г. изгнать белую эмиграцию вместе с великим князем Кириллом Владимировичем из Франции³, что объясняется нежеланием обострять отношения с местными властями.

Тем не менее, в том же году дворяне-эмигранты обращались к В.Н. Коковцову по вопросу вступления СССР в Лигу Наций, которое, по мнению обратившихся, могло негативно повлиять на дело помощи российским беженцам и вопросе их правового положения⁴. Проживавший в Чикаго полковник А.П. Брагин, считал, что в 1930-е гг. стоило ожидать распада мира на два враждующих лагеря: СССР в союзе с Азией и мусульманскими государствами против «всего остального культурного мира»⁵. По его мнению, мир ждала «неслыханная война», в ходе которой «белая цивилизация» должна была переместить свой центр в США, ставших уже мировым финансовым центром⁶. Франция и Англия теряли свою роль «обширных политических образований» из-за сильных там позиций евреев и масонов, что воспринималось А.П. Брагиным как «возмездие за материализм, обоготворение денег и земных благ, возмездие за предательство России в величайшую из ее многострадальных эпох»⁷.

В письмах активных деятелей дворянского движения русской колонии во Франции отражена их оценка Мюнхенского соглашения. «Стало ясно, что угроза

¹ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 22. Л. 118.

² Там же.

³ «Прогоните белых русских». Призыв «Юманите» // Возрождение. 1933. № 2983. С. 1.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 22. Л. 105.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 7. Л. 170–171 об.

⁶ Там же.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 7. Л. 166–167 об.

миновала. Теперь очевидно, что не только война избегнута, но что обеспечена на некоторое время передышка», – писал Г.А. Алексеев 30 сентября 1938 г. П.П. Менделееву, подчеркивая всеобщее облегчение от недопущения новой войны в Европе¹. В тот же день С.С. Воейков писал, что с Мюнхенского соглашения начинались «новая старика истории Европы», новый строй взаимоотношений между государствами и новые «веяния духа несовместимого с советско-коминтерновским интернационалом»².

В борьбе с коммунистическим интернационалом российское дворянство рассчитывало и на помощь Великого приорства Российского (орден Госпитальеров), о чем Я.Н. Офросимов писал князю В.П. Трубецкому³. В контексте антикоммунистических движений стоит упомянуть и участие дворян в деятельности «Лиги борьбы с III Интернационалом», образованной в 1924 г. Согласно пункту № 5 официальной программы организации, ее цель заключалась в уничтожении Коминтерна и советского правительства, реализация чего предполагалось при участии «русского народа» с дальнейшей заменой советского правительства властью, «основанной на принципах права и способной восстановить Россию»⁴. Руководство специального представительства «Русской Секции Международной Лиги борьбы с III Интернационалом» во Франции было возложено на полковника Б.Н. Никитина⁵.

Таким образом, дворяне-эмигранты, как правило, разделяли монархические взгляды и выступали за восстановление монархии в том или ином виде. Какая-либо коммуникация с представителями советской власти и примыкание к социалистическому движению в дворянских кругах подвергалось критике. Дворяне-эмигранты преимущественно разделяли позиции предложенного П.Б. Струве «активизма», то есть непримиримости по отношению к советской власти. В 1920–1930-е гг. российская дворянская эмиграция формулировали различные

¹ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 33. Л. 39.

² Там же. Л. 45.

³ ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 22. Л. 145–155.

⁴ БФРЗ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 14. Л. 17.

⁵ Там же. Л. 13.

оценки причин падения российской монархии, итогов Первой мировой и Гражданской войн, причин поражения белого движения, а также принимала активное участие в формулировании проектов и концепций переустройства России.

Можно сказать, что вопрос о престолонаследии стал ключевым элементом политического дискурса и общественно-политической жизни дворянства в эмиграции в 1920–1930-е гг. Провозглашение великим князем Кириллом Владимировичем себя императором Всероссийским изначально негативно оценивалось большинством дворянской диаспоры, что во многом было обусловлено высоким авторитетом в ее кругах вдовствующей императрицы Марии Федоровны и великого князя Николая Николаевича, а также существовавшими надеждами на спасение Николая II и его семьи. Отсутствие достоверных сведений о судьбе последнего российского императора способствовало распространению самозванчества и осложняло отношения между Романовыми в эмиграции. Смерть великого князя Николая Николаевича привела к постепенному росту среди дворян сторонников великого князя Кирилла Владимировича, который, однако, не смог конвертировать объективное увеличение политического капитала в бесспорное лидерство в эмигрантских кругах. В целом, конфликт великого князя Кирилла Владимировича и великого князя Николая Николаевича не способствовал политической консолидации дворянской диаспоры и всего Русского Зарубежья.

Вопрос о престолонаследии затронул и дворянские союзы. Хотя в отношении Дома Романовых как в Союзе русских дворян во Франции, так и в Союзе российских дворян в Америке удалось добиться мирного сосуществования монархистов всех направлений, противостояние «кирилловцев» и «николаевцев» способствовало формированию внутри союзов групп, для которых политические предпочтения стали инструментом повышения влияния и укрепления собственных позиций. Причисление Союза русских дворян во Франции к «прокирилловским» организациям корректно лишь для второй половины 1930-х годов.

С точки зрения политических предпочтений дворян-эмигрантов можно разделить на «правых», «умеренных» и «левых». Первые две группы выступали за восстановление монархии в той или иной форме, выражали непримиримость по

отношению к советской власти и расценивали дворян, сочувствовавших советской власти, как предавших сословные традиции.

В рамках осмысления прошлого России в 1920–1930-е гг. старшее поколение дворян-эмигрантов, как правило, отрицало ответственность аристократии за революционные события 1917 года. Часть концепций переустройства России, сформулированных дворянами, предполагала восстановление сословных привилегий с имущественной реставрацией. Однако подобные проекты поддерживались крайне правыми представителями дворянской эмиграции, в то время как большая часть дворян не разделяла подобные идеи и предлагала компромиссные варианты предполагаемой земельной реформы. При этом многие дворяне, включая представителей Дома Романовых, в 1920-е гг. рассматривали РККА в качестве одной из сил антисоветской деятельности на территории СССР, реализация которой должна была привести к установлению в России нового политического строя.

Кроме того, в изгнании дворянство было подвержено развитию политической мысли стран-реципиентов. В центре его внимания был вопрос распространения в мире коммунистических идей и возможное влияние этого процесса на жизнь российского беженства. В ряде случаев дворяне-эмигранты, находясь в контексте общемировых политических процессов, участвовали в становлении принципиально новых политических течений, которые в 1920–1930-е гг. играли ключевую роль в политической жизни Русского Зарубежья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российская дворянская эмиграция 1920–1930-е гг. представляет собой целостный, сложный и противоречивый феномен, который стал значимой и неотъемлемой частью Русского Зарубежья. На его становлении и развитии отразились масштабные экономические, социально-демографические, идеологические, политические, правовые и культурные процессы, происходившие в России, странах-реципиентах, а также внутри самой исследуемой группы. Хотя точную численность дворян-эмигрантов установить проблематично, можно утверждать, что они составляли значительную часть диаспоры, достигая в отдельных случаях 1/3 от общего числа беженцев. Многообразие дворянских родов, покинувших Россию после Октября 1917 г. и Гражданской войны, свидетельствует о том, что эмиграция затронула всю структуру сословия. Расселение дворян в целом повторяло географию всего российского беженства, однако главными центрами формирования дворянского движения в 1920–1930-е гг. стали Франция и США, где действовали дворянские союзы и самостоятельные историко-генеалогические общества. В 1930-е гг. предпринимались попытки активизации сословного движения в Шанхае, однако это осложнялось более тяжелыми условиями жизни диаспоры в Китае по сравнению с Европой и США.

Адаптация дворян в странах пребывания сопровождалась общими для всех беженцев проблемами: поиском средств к существованию, натурализацией, сохранением национально-культурной идентичности. Вопрос правового статуса русских беженцев был актуальным на протяжении всего межвоенного периода. При этом исследование позволило выявить, что отношение дворян к процессу натурализации имело свои отличительные характеристики: фактор субъективности в вопросе принятия дворянами иностранного гражданства или подданства был ощутимее, чем у представителей иных социальных групп Русского Зарубежья. Несмотря на рост числа натурализованных беженцев во второй половине 1920-х гг., для дворян было важно сохранить правовую связь с Россией, что было проявлением их сословной и национально-культурной идентичности. Стоит отметить, что в

США вследствие культурного влияния страны-реципиента натурализация дворян встречалась чаще, чем в Европе и Китае. Тем не менее в 1930-е гг. в силу ухудшения социально-экономического положения и невозможности вернуться в Россию все больше дворян-эмигрантов вне зависимости от региона пребывания были вынуждены определить интеграцию в странах-реципиентах в качестве приоритета, что способствовало ускорению их натурализации. Особенно наглядно это демонстрировала подвергавшаяся денационализации дворянская молодежь.

Уникальные характеристики и особенности адаптации представителей российского дворянства проявились и в других областях. Незначительная часть дворян смогла конвертировать свое привилегированное положение в императорской России в построение благополучной жизни в эмиграции, сохранив недвижимость и источники финансирования за пределами страны. В то же время большая часть дворян была вынуждена трудоустраиваться на любую доступную работу, прибегнуть к физическому труду, к которому они зачастую не были приспособлены в силу возраста и отсутствия необходимых навыков. Необходимость заработка непрестижным трудом затронула и дворянок. В некоторой степени трудовую адаптацию дворян облегчало знание иностранных языков и высокий уровень образования. В силу этого, несмотря на снижение социального статуса, многие дворяне в эмиграции смогли проявить гибкость в трудовой адаптации, что позволило им восстановить приемлемый уровень жизни.

Анализ источников показал, что в кругах дворянской эмиграции были распространены внутрисословные браки, которые препятствовали размыванию сословия и отражали дворянские традиции супружества. Вместе с тем гендерная диспропорция в эмиграции подталкивала дворян к заключению союзов с гражданами стран-реципиентов, что способствовало ассимиляции беженцев и нередко укрепляло их социальный капитал. При этом распространенность подобных брачных союзов в диаспоре варьировалась в зависимости от региона пребывания. Высокий процент таких браков отмечался в Великобритании и США. Кроме того, в эмиграции усугубились морганатические проблемы Дома Романовых.

Дворяне внесли большой вклад в становление образовательных учреждений Русского Зарубежья. Отдельно стоит выделить участие в просветительской деятельности князя П.Д. Долгорукова, Г.К. Гинса, Е.П. Ковалевского, Г.Н. Пио-Ульского, Н.Н. Салтыкова, Е.В. Спекторского, П.Н. Струве, М.М. Федорова, Е.Ф. Шмурло, А.Н. Яхонтова. Еще одной составляющей культурного феномена дворянства в эмиграции стала определяющая роль представителей сословия в жизни Пушкинских комитетов, образование которых было приурочено к торжествам по случаю Пушкинского юбилея 1937 года.

Характерной чертой дворянской эмиграции 1920–1930-х гг. стало сохранение и развитие генеалогической культуры в изгнании. Во Франции, Бельгии и США возникло три самостоятельных историко-генеалогических общества. Значительный вклад в развитие родословного знания внесли граф П.Н. Апраксин, В.С. Арсеньев, С.С. Бутурлин, Н.Ф. Иконников, Л.М. Савелов, В.Н. Смольянинов, Д.П. Соловский, С.Н. Плаутин, Н.Д. Плешко, барон М.А. Таубе и другие. Несмотря на материальные трудности, дефицит необходимых источников и литературы, их исследования в 1920–1930-е гг. можно считать успешными. В начале 1920-х гг. в дворянской эмиграции сохранялась неявная сословная дифференция, которая затем уменьшилась в силу тяжелых условий жизни большинства русских беженцев. Кроме того, отношение дворян к своему происхождению менялось и под влиянием бессословных обществ стран-реципиентов.

Тяжелое положение русских беженцев обусловило организацию дворянством масштабной благотворительной помощи соотечественникам. Особую роль в оказании помощи беженцам сыграли Земгор и РОКК, в деятельности которых принимали участие видные представители российского дворянства. Существенную помощь беженцам оказывали и локальные гуманитарные организации, созданные дворянами-эмигрантами. В их числе Русский дом в Сент-Женевьев-де-Буа, ставший одним из символов Русского Зарубежья. На основе неизвестных ранее источников был проведен анализ деятельности Русского союза взаимного кредита в Лондоне, Комитета имени государыни императрицы Марии Феодоровны по оказанию помощи туберкулезным больным в Ницце и Лондонского русского

кооперативного общества, в создании и функционировании которых приняли участие графиня И.Н. Грабовская, К.Е. Замен, П.П. Менделеев, княгиня О.Н. Лобанова-Ростовская, В.Д. Набоков, графиня Е.Б. Толстая-Милославская. Сохраняя преемственность по отношению к дореволюционным традициям, заметную благотворительную деятельность осуществляли представители Дома Романовых.

В ходе изучения проблемы было выявлено, что значимым достижением дворянства в изгнании стала его способность объединиться в чисто дворянские организации, ставшие самостоятельным феноменом. Крупнейшей монархической дворянской организацией в эмиграции стал созданный во Франции Союз русских дворян за границей. В числе активных участников объединения были Г.А. Алексеев, А.М. Дерюгин, Н.Ф. Иконников, П.П. Менделеев, С.Н. Плаутин, графы Д.С. Шереметев, Э.П. Беннигсен и В.А. Бобринский, светлейший князь М.К. Горчаков, князья С.В. Гагарин, А.Д. Голицын, М.С. Путятин, В.В. Тенишев и В.П. Трубецкой и другие. Данное объединение внесло определяющий вклад в становление и развитие дворянского движения в изгнании. В 1930-е гг. стало возможно образование подобных дворянских союзов за пределами Франции. В наибольшей степени развитию дворянского движения способствовали члены Союза российских дворян в Америке, созданного по образцу парижского объединения дворян. Об успешности работы шанхайского дворянского объединения сложно судить в силу ограниченности источников.

Дворянские союзы объединяли общие проблемные вопросы: принятие дворянами иностранного подданства, их принадлежность к масонству, допустимость участия в общих собраниях организаций дворянок, воспитание дворянской молодежи в изгнании, финансирование собственной деятельности. Стоит подчеркнуть, что Союз российских дворян в Америке отличался значительной самостоятельностью и был в большей степени подвержен культурному влиянию страны-реципиента. При этом изначально политическая направленность деятельности американского объединения проявлялась заметнее. Выражая приверженность монархизму, участники дворянских объединений редко принимали участие в прямых актах антикоммунистической деятельности.

Несмотря на организационные и финансовые трудности, деятельность дворянских союзов во Франции и в США в 1920–1930-е гг. можно считать успешной с точки зрения сохранения генеалогической культуры, сословной и национально-культурной идентичности.

Неотъемлемой частью жизни дворянской эмиграции оставалась периодическая печать Русского Зарубежья. Специализировались на дворянской тематике журналы «Новик» и «Вестник Союза русских дворян», которые содержат ценный фактологический материал по генеалогии, деятельности дворянских союзов, родословных комиссий и историко-генеалогических обществ в изгнании. Анализ эмигрантской прессы показал, что на ее страницах публиковались многочисленные материалы о династии Романовых, истории дворянства, обсуждались концепции возрождения дворянских привилегий. В целом дворяне-эмигранты сыграли значимую роль в становлении периодической печати Русского Зарубежья, что объясняется наличием средств и социальных связей в странах-реципиентах, высоким уровнем образования и стремлением занять ведущие позиции в политическом пространстве эмиграции.

Подавляющее большинство дворян придерживалось монархических взглядов и критиковало любое взаимодействие представителей благородного сословия с советской властью. Анализ развития политической мысли дворянской диаспоры в 1920–1930-е гг. выявил, что вопрос о престолонаследии стал одной из главных составляющих политического дискурса внутри сословия. В вопросе о престолонаследии дворяне были подвержены общеэмигрантской тенденции, изначально преимущественно поддерживая в качестве претендента на престол великого князя Николая Николаевича, а после его смерти – великого князя Кирилла Владимировича. Хотя в отношении Дома Романовых в дворянских союзах удалось добиться мирного сосуществования монархистов всех направлений, конфликт кирилловцев и николаевцев способствовал формированию внутри объединений групп, которые использовали данное политическое размежевание для укрепления собственных позиций. Причисление Союза русских дворян во Франции к «прокирилловским» организациям корректно лишь для второй половины 1930-х

годов. В рамках осмысления революционных событий 1917 г. старшее поколение дворянства отрицало ответственность аристократии в падение монархии, возлагая вину на русскую интеллигенцию и масонов. Кроме того, дворяне активно участвовали в разработке проектов и концепций переустройства России в случае победы антибольшевистских сил. Крайне правые дворяне-эмигранты рассматривали возможность восстановления сословных привилегий и имущественной реставрации, однако большая часть дворянской эмиграции не разделяла подобных взглядов. Важным фактором формирования политических взглядов дворян-эмигрантов было влияние политической мысли стран-реципиентов. Особое внимание уделялось внешнеполитическому влиянию СССР, дипломатическое признание которого изменило мировоззрение, социально-экономическое и правовое положение части дворян в изгнании.

Привилегированное положение дворянства до 1917 года породило у него обостренное чувство потери Родины, а вынужденный отъезд – более эмоциональное отношение к России. Уверенность в скором возвращении на Родину сменилась реальной необходимостью адаптации к условиям жизни в другой стране. Так, в 1920-е гг. адаптация российской дворянской эмиграции в инокультурной среде тяготела к сепарации и была направлена на сохранение дореволюционных традиций и сословной идентичности. Такая стратегия способствовала замкнутости сословия и тормозила его включение в социум принимающей стороны. В 1930-е годы, когда возможность возвращения изгнанников в Россию была во многом утрачена, а правительства стран-реципиентов стали сворачивать программы помощи русским беженцам, бывшие российские подданные были вынуждены активнее интегрироваться в среду стран-реципиентов. В период Второй мировой войны деятельность дворянских организаций приостановилась или вовсе прекратилась в зависимости от страны-реципиента. Поэтому во второй половине 1940-х гг. дворянам пришлось восстанавливать сформированное в межвоенные годы дворянское движение в изгнании, которое способствовало сохранению идентичности сословия вплоть до 1960-х годов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Материалы архивов

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. Ф. 10230. Тыркова-Вильямс Ариадна Владимировна, публицист, писатель, политический и общественный деятель. Борман Аркадий Альфредович, публицист, писатель, политический деятель. Оп. 1. Д. 79. Запись беседы Тырковой-Вильямс А.В. с Шереметевым Д.С. о роде Шереметевых. Машинопись.
2. Ф. Р-5763. Союз русских государевых людей имени ее императорского высочества великой Княжны Киры Кирилловны. Оп. 1. Д. 7. Приказы «блюстителя государства престола» б. Великого князя Кирилла и его представителя в Соединенных штатах Америки, отчеты и сводки о деятельности представительства Союза русских государевых людей в САСШ и переписка с деятелями Союза в Америке о возникновении и деятельности Русско-Американского финансового синдиката и другим вопросам.
3. Ф. Р-5881. Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов. Оп. 1. Мемуары эмигрантов. 1864–1943 гг. Д. 8. Автобиография Э.П. Беннигсена. Рукопись.
4. Там же. Д. 28. Автобиография Е.Н. Ковалевского с приложением 2-х фотографий (1919 и 1933 гг.), списка печатных трудов Е.П. Ковалевской и заметки П. Менделеева о праздновании белоэмигрантами в 1925 году 35-летия деятельности Е.П. Ковалевского. Машинопись.
5. Там же. Д. 40. Автобиография А.Н. Наумова с приложением фотографии. Машинописный экземпляр.
6. Ф. Р-5965. Шмурло Евгений Францевич, ученый корреспондент Российской Академии наук в Риме, профессор истории, основатель и председатель «Русского исторического общества» в Праге, член совета и ученой комиссии Русского заграничного исторического архива. Оп. 1. Дела постоянного хранения.

1894–1934. Д. 636. Письмо Шмурло Е.Ф. в Комитет по проведению белоэмигрантского «Дня русской культуры» с соображениями о порядке проведения празднования. Машинопись.

7. Ф. Р-5971. Менделеев Павел Павлович, предводитель дворянства Тверской губернии, председатель Союза российских дворян. Оп. 1. Дела постоянного хранения. 1919–1938 гг. Д. 1. Доклад Управления Делами Главного русского комитета по делам о беженцах и ликвидации дел Главного комитета и порядке передачи их в ведение Главного управления Российского общества Красного Креста, протокол уполномоченных по ревизии отчетности Управления Делами Главного русского комитета по делам о беженцах и переписка с Российским обществом Красного Креста и разными лицами об отчетности Главного русского комитета по делам о беженцах. Справка о деятельности Лондонского русского кооперативного общества, Устав Русского союза взаимного кредита в Лондоне и другое.

8. Там же. Д. 3. Письма Н. Шарбо и Л. Маркова записка полковника Сомова и русские эмигрантские газеты, издаваемые в Южной Америке и в Париже, со статьями о переселении русских эмигрантов в Парагвай.

9. Там же. Д. 5. Историческая справка и обзор о деятельности Российского земско-городского комитета с 1921 по 1925 гг.

10. Там же. Д. 6. Переписка с деятелями Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей, об общих собраниях и по другим вопросам. Фотография членов земско-городского комитета. Париж. 1928 г.

11. Там же. Д. 14. Переписка с Римским-Корсаковым, Свечиным и другими о подготовке к 100-летию со дня смерти Пушкина, 100-летию со дня основания училища правоведения и к другим юбилейным датам. Речи В.В. Свечина на собрании Союза ревнителей памяти императора Николая II и на собрании, посвященном 100-летию училища правоведения.

12. Там же. Д. 18. Вступительное слово П.П. Менделеева на Общем собрании Союза русских дворян 10 марта 1926 г., доклады руководящих работников о деятельности Союза русских дворян и отдельных его членов и другое.

13. Там же. Д. 19. Переписка с деятелями Союза русских дворян «о чашках чая», о подготовке докладов к собраниям и по другим вопросам.
14. Там же. Д. 20. Письма В.К. Мещерской, Н.И. Княжевича и других П.П. Менделееву и газетная вырезка со статьей о «Русском доме» для эмигрантов во Франции.
15. Там же. Д. 22. Доклад Совета зарубежного Союза русских дворян за 1933–1934 гг. общему собранию Союза / 10 июня 1934 г./, список должностных лиц Союза русских дворян и переписка с кн. Щербатовым, Васильчиковым, Брусиловой и другими.
16. Там же. Д. 23. Устав Союза российских дворян в Америке. Отчет о деятельности Совета Союза российских дворян в Америке за 1934 г.
17. Там же. Д. 24. Переписка с председателем Союза российских дворян в Америке о деятельности Союза.
18. Там же. Д. 25. Отчет о деятельности Совета Союза российских дворян в Америке за 1935 г.
19. Там же. Д. 28. Переписка с русскими эмигрантскими организациями за границей и разными лицами о собраниях Союза русских дворян, о чествовании русских эмигрантских политических деятелей и другим вопросам. Журнал № 83 Совета Союза русских дворян, заседание 15 июля 1936 г.
20. Там же. Д. 30. Годовой отчет за 1936 г. и протокол годового общего собрания от 4 апреля 1937 г. Союза российских дворян в Америке.
21. Там же. Д. 32. Переписка с Алексеевым, Юсуповой и другими о собраниях Союза русских дворян, помощи русским эмигрантам дворянам и другим вопросам.
22. Там же. Д. 33. Переписка с русскими эмигрантскими организациями за границей и разными лицами о сборе пожертвований на различные мероприятия о помощи русским эмигрантам и по другим вопросам.
23. Там же. Д. 45. Переписка с Русским заграничным историческим архивом о приобретении архивных материалов и книг для архива.
24. Там же. Д. 71. Письма Н.Д. Крупенского П.П. Менделееву.
25. Там же. Д. 103. Письмо Яковлева П.П. Менделееву от 6 января 1922 г.

26. Ф. Р-6091. Савелов-Савелков Леонид Михайлович, камергер, директор архива Императорского двора в Москве, председатель Российского историко-родословного общества. Оп. 1. Дела постоянного хранения. 1915–1937 гг. Д. 69. Письма Савелова-Савелкова Л.М. к Николаю Михайловичу (фамилия не установлена): о впечатлениях от Америки.

27. Ф. Р-6378. Сомов Сергей Николаевич, полковник, помощник начальника военно-сухопутного отдела оперативной части штаба командующего Черноморским флотом. Оп. 2. Дела постоянного хранения. 1932–1937 гг. Д. 3. Записки белоэмигранта Сомова С.Н., переписка с белоэмигрантским Комитетом по колонизации в Париже и с белоэмигрантами, вырезки из белоэмигрантских газет (собранные белоэмигрантом Сомовым) о жизни белоэмигрантов в Парагвае и о возможности переселения белоэмигрантов из Франции в Парагвай.

28. Ф. Р-6425. Совет по расселению русских беженцев. Константинополь. Оп. 1. Дела постоянного хранения. 1921–1923 гг. Д. 4. Отчеты и записка о деятельности Эмиграционного Совета за январь-февраль 1921 г. и Совета по расселению русских беженцев в Константинополе за март-апрель 1921 г.

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»

Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, Москва (БФРЗ)

29. Ф. 2. Общая канцелярия Великого князя Николая Николаевича Романова (Младшего). Оп. 2. Дела постоянного хранения за 1921–1929 гг. Д. 35. Общественные организации: документы и переписка. (Январь 1925 – апрель 1926).

30. Ф. 7. Коллекция документов Рутыча (Рутченко) Николая Николаевича (1916–2013) – историка русской эмиграции, общественного деятеля, одного из членов-учредителей Общества ревнителей русской истории в Париже. Оп. 1. Дела постоянного хранения за 1920–1978 гг. Д. 11. 1. Журнал [№ X] заседания инициативной группы по объединению русских общественных организаций. 2. Страница журнала заседаний инициативной группы по объединению общественных организаций.

31. Ф. 55. Князь императорской крови Гавриил Константинович (Романов) (1887–1955) – правнук императора Николая I, троюродный брат Николая II. Оп. 1. Дела постоянного хранения за 1899–1973 гг. Д. 51. Данильченко П., полковник. США. Авторизованная машинопись.
32. Ф. 56. Коллекция Плаутиных – старинного дворянского рода; Плаутины: семейный фонд. Оп. 1. Дела постоянного хранения за 1835–1966 гг. Д. 10. Письма настоятеля ретовского прихода Афросимова А. и др. о родословной Плаутиных.
33. Ф. 59. Клембовский Наполеон Наполеонович (1867–1945) – полковник Лейб-гвардии Измайловского полка. Оп. 1. Дела постоянного хранения за [1880-е] – 1945 гг. Д. 6. Данильченко П.В. США (Нью-Йорк). Авторизованная машинопись.
34. Там же. Д. 14. Переписка Н.Н. Клембовского с А.И. Лодыженским, И.И. Антипиным и др. по вопросам работы русской секции Международной лиги борьбы с III Интернационалом. Франция. На рус. и фр. яз. Автограф, авторизованная машинопись, типографская печать.
35. Ф. 79. Яхонтов Аркадий Николаевич (1876–1938) – действительный статский советник, педагог, общественный деятель, публицист. Оп. 1. Дела постоянного хранения за 1915–2009 гг. Д. 17. Рукописи А.Н. Яхонтова. Яхонтов А.Н. Речь по случаю столетия со дня кончины А.С. Пушкина. Варианты. Ницца, Канны. Франция. Авторизованная машинопись.
36. Там же. Д. 27. Письма Аркадия Николаевича Яхонтова. Гурко В.И. Ницца, Франция. Машинопись.
37. Там же. Д. 32. Письма Аркадия Николаевича Яхонтова. Маклаковой М.Л. Франция. Машинопись.
38. Там же. Д. 34. Письма Аркадия Николаевича Яхонтова. Нольде Б.Э., бар. Франция. Машинопись.
39. Там же. Д. 39. Письма Аркадию Николаевичу Яхонтову. Андрея Владимировича, Вел. кн. Вилла Алам Кап-д'ай (Ницца, Франция). Авторизованная машинопись. Машинопись.
40. Там же. Д. 42. Письма Аркадию Николаевичу Яхонтову. Барк П.Л. и С.Л. Франция. Франц. и русск. яз. Машинопись. Автограф.

41. Там же. Д. 71. Материалы биографии А.Н. Яхонтова. Союз ревнителей памяти Императора Николая II. Устав, обращения, формы заявления, подписки, оповещения, отчет и др. Франция, Бельгия. Машинопись. Типографская печать.
42. Там же. Д. 75. Материалы биографии А.Н. Яхонтова. Чествование Государыни Императрицы Марии Феодоровны по случаю 80-летия. Поздравления, поздравительный адрес, обращения, речи, и др. Франция. Машинопись с правкой. Авторизованная машинопись. Автограф. Типографская печать.
43. Там же. Д. 77. Материалы биографии А.Н. Яхонтова. Комитет имени Государыни Императрицы Марии Феодоровны по оказанию помощи туберкулезным. Справка, заявления, чеки и др. Франция. Машинопись. Автограф. Типографская печать.

2. Опубликованные источники

Нормативно-правовые акты и сборники документов

44. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 15 декабря 1921 года «О лишении права гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей» // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 1. Ст. 11.
45. Марков Н.Е. Войны темных сил. [Статьи. 1921–1937] – М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2002. – 521 с.
46. Обращения главы Российского императорского дома Романовых императора в изгнании Кирилла I Владимировича. Официальные акты и сопутствующие исторические источники. 1922–1938. Сборник документов. / Предисловие – А.А. Черкасов. Составитель и автор комментариев – А.Н. Закатов. – Вашингтон: Cherkas Global University Press, 2024. – 178 с.
47. Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов: сб. документов / сост. Л.И. Петрушева, Е.Ф. Теплова. – М.: ИРИ, 1995. – 442 с.
48. Россия в документах Югославских архивов / Архив Югославии, Гос. арх. Черногории, Арх. Сербии. – Белград: [Б. и.], 1997. – 59 с.

49. Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: документы и материалы. Т. 1. Кн. 1: Исход. Кн. 2: на чужбине. / Отв. сост. И. И. Басик. – М.: Гей, 1998. – 751 с.
50. Русская школа за рубежом: Исторический опыт 20-х гг.: сб. документов / сост. В.А. Владыкина, Т.Ю. Красовская. – М.: ИНПО, 1995. – 196 с.
51. Русские беженцы: проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы): сб. документов и материалов / сост. З.С. Бочарова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 400 с.
52. Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов: 1934–1940. Сборник документов в двух книгах. – М.: Гей, 1998. – Кн. первая: 1934–1937. – М.: Гей, 1998. – 562 с.

Периодическая печать

53. Бирюч. – Белград, 1926.
54. Вахтенный журнал. – Сан-Франциско, 1934–1939.
55. Вести дня. – Таллин, 1926–1940.
56. Вестник монархиста. – Нью-Йорк, 1930–1932.
57. Вестник Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско. – Сан-Франциско, 1926–2009.
58. Вестник Объединения офицеров Генерального штаба в г. Сан-Франциско. – Сан-Франциско, 1931–1932.
59. Вестник Русского Национального Комитета. – Париж, 1923–1926.
60. Вестник Союза русских дворян. – Париж, 1927–1931.
61. Воля Россия. – Прага, 1920–1932.
62. Возрождение. – Париж, 1925–1940.
63. Высший монархический совет. – Берлин, 1921–1926.
64. Двуглавый орел. – Берлин, Париж, 1926–1931.
65. За Россию. – София, 1930–1939. – Белград, 1940.
66. За свободу России. – Таллин, 1920–1921.

67. Зарубежная Русь. – Шанхай, 1923–1924.
68. Заря. – Харбин, 1920–1943.
69. Луч Азии. – Харбин, 1934–1945.
70. Иллюстрированная Россия. – Париж, 1924–1939.
71. Новик. – Нью-Йорк, 1934, 1936–1961.
72. Новая русская жизнь. – Гельсингфорс, 1919–1922.
73. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1920–2010.
74. Оборонческое движение. – Париж, 1936–1937.
75. Общее дело. – Париж, 1918–1934.
76. Последние новости. – Париж, 1920–1940.
77. Правое дело. – Нью-Йорк, 1926–1927.
78. Р.С.Т. (Рцы–Слово–Твердо). – Нью-Йорк, 1936–1937.
79. Русский в Англии. – Лондон, 1936–1939.
80. Русский еженедельник в Бельгии. – Брюссель, 1928–1940.
81. Русский колокол. – Берлин, 1927–1930.
82. Русская газета. – Париж, 1923–1925.
83. Слово. – Шанхай, 1929–1941.
84. Союз дворян. – Париж, 1950–1961.
85. Царский вестник. – Белград, 1928–1940.
86. Шанхайская заря. – Шанхай, 1925–1940.

Источники личного происхождения

87. Аксакова Т.А. Семейная хроника: в 2 кн. Кн. 1 / Т.А. Аксакова-Сиверс. – Paris: Atheneum Paris, 1988. – 371 с.
88. Александровский Б.Н. Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта / Б.Н. Александровский. – М.: Центрполиграф, 2023. – 414 с.
89. Беннигсен Э.П. Записки. В 2-х томах. Т. 2. 1917–1955 / Э.П. Беннигсен. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2018. – 696 с.

90. Гершельман А.С. Эмиграция / А.С. Гершельман // Верная гвардия: русская смута глазами офицеров-монархистов / сост. и ред. А.А. Иванов при участии С.Г. Зирина. – М.: Посев, 2008. – С. 489–624.
91. Гессен И.В. Годы изгнания: Жизненный отчет / И.В. Гессен. – Paris: YMCA-PRESS, 1979. – 280 с.
92. Данзас П.Я. Воспоминания о Союзе молодежи: два письма из Парижа / П.Я. Данзас // История российских дворянских организаций и учреждений, их сегодняшнее состояние и перспективы развития: материалы ко Второму научному семинару. – СПб.: Санкт-Петербургское Дворянское Собрание, 1996. – С. 51–55.
93. Жевахов Н.Д. Новая жизнь за границей: воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода / Н.Д. Жевахов. – М.: Индрик, 2022. – 279 с.
94. Ильин И.А. Дневник. Письма. Документы (1903–1938) / И.А. Ильин. – М.: Русская книга, 1999. – 608 с.
95. Ильин И.С. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920 / И.С. Ильин. – М.: Книжница, Русский путь, 2016. – 480 с.
96. Ишеев П.П. Осколки прошлого. Воспоминания. 1889–1959. Кн. 1 / П.П. Ишеев. – Нью-Йорк, 1959. – 160 с.
97. Кафафов К.Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи / К.Д. Кафафов // Вопросы истории. – 2005. – № 8. – С. 68–92.
98. Кшесинская М.Ф. Воспоминания / М.Ф. Кшесинская. – М.: РИК «Культура», 1992. – 414 с.
99. Лобанов-Ростовский Н.Д. Воспоминания (записки коллекционера) / Н.Д. Лобанов-Ростовский // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 2003. – М.: Наука, 2004. – С. 64–280.
100. Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха. Судьба. Коллекция / Н.Д. Лобанов-Ростовский. – М.: Русский путь, 2010. – 584 с.
101. Мейснер Д.И. Миражи и действительность. Записки эмигранта / Д.И. Мейснер. – М.: Изд. Агентства печати Новости, 1966. – 302 с.

102. Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: обрывки воспоминаний. 1864–1933 / П.П. Менделеев. – М.: Кучково поле; Императорское Русское историческое общество, 2017. – 752 с.
103. Савелов Л.М. Воспоминания / Л.М. Савелов. – М.: Старая Басманная, 2015. – 485 с.
104. Сергей Алексеевич Лопухин – его семья и потомки до и после 1917 года: сборник воспоминаний, писем, документов / сост.: М.Д. Афанасьев, свящ. Георгий Павлович. – М.: Старая Басманная, 2022. – 774 с.
105. Слободской А. Среди эмиграции: мои воспоминания: Киев – Константинополь, 1918–1920 / А. Слободской. – Харьков: Пролетарий, 1925. – 122 с.
106. Старк Б.Г. Вся моя жизнь – чудо...: воспоминания и проповеди / Б.Г. Старк. – М.: ПСТГУ, 2009. – 799 с.
107. Странники поневоле: воспоминания Елизаветы Родзянко, Марии Муравьевой, Ольги Толстой / сост. Е.Н. Муравьева. – М.: Ассоциация содействия развитию регионов «Столыпинский центр»; Центр ГРИНТ, 2020. – 336 с.
108. Струве П.Б. Дневник политика. 1925–1935 / П.Б. Струве. – М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004. – 872 с.
109. Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. Т. 2 / Г.П. Федотов; сост. В.Ф. Бойков. – СПб., 1992. – 352 с.
110. Чебышев Н.Н. Близкая даль: воспоминания / Н.Н. Чебышев. – Париж: б.и., 1933. – 369 с.
111. Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов: 1934–1940. Сборник документов в двух книгах. – М.: Гей, 1998. – Кн. первая: 1934–1937. – М.: Гей, 1998. – 562 с.
112. Шульгин В.В. «...Я иду с тем, что придет»: рассказ В.В. Шульгина о жизни в эмиграции // Диаспора. Новые материалы: альманах. – Париж; СПб., 2007. –Т. 9. – С. 452–479.

113. Щербатов А., Криворучкина-Щербатова Л. Право на прошлое / А. Щербатов, Л. Криворучкина-Щербатова. – М.; Печоры: Сретенский монастырь; Псково-Печерский Успенский монастырь, 2005. – 542 с.
114. Энгельгардт Б.А. Контрреволюция / Б.А. Энгельгардт. – М.: Университет Дмитрия Пожарского; Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2020. – 320 с.
115. Obolensky S. One Man in His Time: The Memoirs of Serge Obolensky / S. Obolensky. – New York: McDowell, Obolensky, Inc., 1958. – 433 p.

3. Литература

Издания на русском языке

1. Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае / Н.Н. Аблажей. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – 298 с.
2. Аксаковы: семейная энциклопедия / [редкол.: Каштанов С.М. (отв. ред.) и др.]. – М.: РОССПЭН, Политическая энциклопедия, 2015. – 534 с.
3. Александров Е.А. Русские в Северной Америке: библиографический словарь / Е.А. Александров. – Хэнден; Сан-Франциско; СПб.: б.и., 2005. – 599 с.
4. Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Северной Америке / Ю.В. Аргудяева // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. – 2011. – № 1 (155). – С. 64–74.
5. Антоненко Н.В. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20–30-е гг. XX в.): Монография / Н.В. Антоненко. – Мичуринск: Изд-во Мичуринского гос. аграрного ун-та, 2011. – 307 с.
6. Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае. Маньчжурия, Северный Китай, Шанхай. 1920–1950-е гг. / Е.Е. Аурилене. – Хабаровск: Хабар. погранич. ин-т ФСБ РФ, 2003. – 191 с.

7. Аурилене Е.Е. Российская эмиграция в Маньчжурии: инерция гражданской войны (1920–1940-е гг.) / Е.Е. Аурилене // Новое прошлое. – 2023. – № 4. – С. 47–63.
8. Аурилене Е.Е. Русские эмигранты в Китае: особенности адаптации (1920–1930-е гг.) / Е.Е. Аурилене // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. – М.: Социально-политическая мысль, 2005. – С. 391–405.
9. Базанов П.Н. Периодические издания младороссов / П.Н. Базанов // Книга. Культура. Общество. – СПб., 2002. – Т. 154. – С. 186–195.
10. Базанов П.Н. «Союз русских государевых людей...»: политическая и издательская деятельность / П.Н. Базанов // Факты и версии. Кн. 3: Русское зарубежье: политика, экономика, культура. – СПб., 2002. – С. 39–49.
11. Базанов П.Н. Издательства и издательские организации русской эмиграции: 1917–2003 гг.: энцикл. справ. / П.Н. Базанов. – СПб: Формат, 2005. – 334 с.
12. Базанов П.Н. Партия А.А. Вонсяцкого: Политическая и издательская деятельность / П.Н. Базанов // Общество и власть: Материалы Всероссийской научной конференции: июнь 2005. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2006. – С. 297–306.
13. Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). 2-е изд., испр. и доп. / П.Н. Базанов. – СПб.: СПбГУКИ, 2008. – 467 с.
14. Базанов П.Н. Издательства герцога Г.Н. Лейхтенбергского «Град Китеж» и «Детинец» / П.Н. Базанов // Вестник СПбГИК. – 2014. – № 3 (20). – С. 72–78.
15. Базанов П.Н. А.Л. Казем-Бек – идеолог движения младороссов / П.Н. Базанов // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – № 4. – С. 117–126.
16. Базанов П.Н. Царь и Советы: русская эмиграция в борьбе за российскую государственность: политическая и издательская деятельность / П.Н. Базанов. – СПб.: ЧОУ РХГА, 2022. – 322 с.

17. Базанов П.Н. «Журнал «Двуглавый Орел» – орган монархической мысли Русского Зарубежья» / П.Н. Базанов // Византийский вестник. – 2023. – № 2 (13). – С. 116–126.
18. Баринаева Е.П. Объединенное дворянство об актуальных вопросах развития России / Е.П. Баринаева // Известия Самарского научного центра РАН. – 2006. – № 8 (3). – С. 728–739.
19. Баринаева Е.П. Правовой статус объединенного дворянства / Е.П. Баринаева // Вестник Самарского юридического института. – 2022. – № 1 (47). – С. 22–27.
20. Барихновский Г.В. Идеино-политический крах белой эмиграции и разгром внутренней контрреволюции в 1921–1924-е гг. / Г.В. Барихновский. – Л.: ЛГУ, 1978. – 160 с.
21. Баркова О.Н. К вопросу о численности, гендерном и социальном составе русской эмиграции во Франции в 1920–1930-е гг. / О.Н. Баркова // Клио. – 2013. – № 2. – С. 55–59.
22. Батлер У.Э., Иваненко В.С. 150-летие профессора М.А. Таубе: годы становления и триумфа, забвения и возрождения / У.Э. Батлер, В.С. Иваненко // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. – 2019. – № 4. – С. 796–814.
23. Белов В.М. Белая печать, ее идеология, роль, значение и деятельность (материалы для будущего историка) / В.М. Белов. – Пг.: Гос. изд-во, 1922. – 125 с.
24. Белов В.М. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье / В.М. Белов. – М., – Петроград: Гос. изд-во, 1923. – 149 с.
25. Бочарова З.С. «...Не принявшие иного подданства»: проблемы социально-правовой адаптации российских эмигрантов в 1920–1930-е гг. / З.С. Бочарова. – СПб.: Нестор, 2005. – 251 с.
26. Бочарова З.С. Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории / З.С. Бочарова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 304 с.
27. Бочарова З.С. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию Зарубежной России. Т. 3 / З.С. Бочарова // Русский мир в XX веке. В 6 т. / под ред. Г.А. Бордюгова и А.Ч. Клеваева; предисл. А.М. Рыбакова. – М: АИРО XXI, СПб: Алетейя, 2014. – 336 с.

28. Бочарова З.С. Социальная помощь российским беженцам в 1920–1930-е годы / З.С. Бочарова // Русское зарубежье. – 2016. – № 5. – С. 59–119.
29. Бочарова З.С. Особенности адаптации русской эмиграции 1920–1930-х годов / З.С. Бочарова // Русское зарубежье. – 2017. – № 6. – С. 28–39.
30. Бочарова З.С. Правовое положение русских беженцев во Франции в 1920–1930-е годы / З.С. Бочарова // Россия и современный мир. – 2017. – № 2 (95). – С. 161–176.
31. Бочарова З.С. Роль русской эмиграции 1920–1930-х годов в становлении универсального статуса беженцев / З.С. Бочарова // Диалог со временем. – 2019. – Вып. 68. – С. 116–132.
32. Бранкарт Д.А. «Русский еженедельник в Бельгии» как источник по истории повседневности русской диаспоры в Бельгии в межвоенный период / Д.А. Бранкарт // История повседневности. – 2021. – № 4 (20). – С. 48–64.
33. Богуцкий А.Е. Енисейский казак А.В. Байкалов – деятель российской эмиграции в Великобритании / А.Е. Богуцкий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 5 (31): в 2-х ч. Ч. I. – С. 25–29.
34. Будницкий О.В. Другая Россия: исследования по истории русской эмиграции / О.В. Будницкий. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 629 с.
35. Ван Кревельд М. Американская загадка / М. ван Кревельд. – М.: ИРИСЭН, 2021. – 500 с.
36. Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае / пер. с англ., кит. – М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2008. – 831 с.
37. Волков Е.В. Антибольшевистская российская эмиграция в США: к вопросу о специфике диаспоры / Е.В. Волков // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2017. – № 1. – С. 152–162.
38. Волков С.В. Русская военная эмиграция: издательская деятельность / С.В. Волков. – М: Пашков дом, 2008. – 548 с.
39. Волков С.В. Трагедия русского офицерства / С.В. Волков. – М.: Центрполиграф, 2002. – 509 с.

40. Воробьева О.В. Русская Америка в XX веке: историко-культурный аспект / О.В. Воробьева – М.: ИНФРА-М, 2010. – 200 с.
41. Газеты русской эмиграции в фондах Отдела литературы Русского зарубежья Российской государственной библиотеки: Библиографический каталог: Вып. 2 / Российская государственная библиотека. Сост. Е.В. Макаревич. – М.: Российская государственная библиотека, 1994. – 60 с.
42. Грезин И.И. История некоторых материалов из собрания Н.Ф. Иконникова и опыт их разбора / И.И. Грезин // Генеалогический вестник. – 2020. – Вып. 63. – С. 112–118.
43. Голотик С.И., Ипполитов С.С. Российское Общество Красного Креста (1917–30-е гг.) / С.И. Голотик, С.С. Ипполитов // Новый исторический вестник. – 2001. – № 4. – С. 167–174.
44. Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы) / К. Гусефф; пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байссвенгер. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
45. Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны: Российская модернизация Витте-Столыпина / М.А. Давыдов. – 2-е изд., исправленное и дополненное – СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2016. – 1072 с.
46. Драгунова А. Три жизни одного памятника / А. Драгунова // Слово. – 2019. – № 12. – С. 20–25.
47. Дроботушенко Е.В., Ланцова Ю.Н. Деятельность Комитета защиты прав и русских интересов в Шанхае / Е.В. Дроботушенко, Ю.Н. Ланцова // Россия и АТР. – 2020. – № 1 (107). – С. 143–152.
48. Дроздов М., Черникова Л. Русский клуб в Шанхае, его прошлое и настоящее / М. Дроздов, Л. Черникова // Проблемы Дальнего Востока: Научный и общественно-политический журнал. – 2001. – № 5. – С. 131–137.
49. Думин С.В. Романовы. Императорский дом в изгнании: Семейная хроника / С.В. Думин. – М.: Захаров. АСТ, 1998. – 367 с.

50. Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2016 / отв. ред. Н.Ф. Гриценко. – М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2016. – 869 с.
51. Жалнина-Василькиоти И.Л. Княгиня Сан-Дonato (С.И. Демидова) в истории русской эмиграции в Греции / И.Л. Жалнина-Василькиоти // Россия и современный мир. – 2012. – № 4. – С. 220–229.
52. Жалнина-Василькиоти И.Л. Русская эмиграция в Греции / И.Л. Жалнина-Василькиоти. Судьбы. XX век. – М.: Старая Басманная, 2015. – 479 с.
53. Зак А.Н. Немцы и немецкие капиталы в русской промышленности / А.Н. Зак. – СПб.: типография Л.Я. Ганзбург, 1914. – 67 с.
54. Закатов А.Н. Церковно-династические отношения в эмиграции и канонические аспекты престолонаследия в изгнании / А.Н. Закатов // Социально-политические науки. – 2012. – № 4. – С. 113–120.
55. Закатов А.Н. Становление династии Романовых в изгнании / А.Н. Закатов // Исторический вестник. – 2013. – Т. 3. – № 150. – С. 208–253.
56. Закатов А.Н. Традиции благотворительности Дома Романовых: к 100-летию со дня рождения Е.И.В. Государыни Великой Княгини Леониды Георгиевны / А.Н. Закатов. – СПб.: Императорский Фонд исследования онкологических заболеваний, 2015. – 138 с.
57. Зацепина О.С., Ручкин А.Б. Русские в США. Общественные организации русской эмиграции в XX–XXI вв. / О.С. Зацепина, А.Б. Ручкин; Русско-американский культурный центр «Наследие». – Нью-Йорк: RACH-C PRESS, 2011. – 290 с.
58. Зирин С.Г. Верный пажеским заветам полковник Александр Сергеевич Гершельман / С.Г. Зирин // Верная гвардия: Русская смута глазами офицеров-монархистов. – М.: Посев, 2008. – С. 476–477.
59. Иванов А.А. Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков / А.А. Иванов. – СПб.: Владимир Даль, 2023. – 639 с.

60. Иванов А.А., Машкевич С.В., Пученков А.С. Неизвестные страницы биографии Н.Е. Маркова: по материалам Бахметьевского архива / А.А. Иванов, С.В. Машкевич, А.С. Пученков // Научный диалог. – 2013. – № 11. – С. 30–43.
61. Иванов А.А., Машкевич С.В., Пученков А.С. «Царь и народ: вот формула нашего времени». О взглядах Н. Е. Маркова в 1930-е гг. / А.А. Иванов, С.В. Машкевич, А.С. Пученков // Новейшая история России. – 2014. – № 1 (9). – С. 140–156.
62. Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции / Г.З. Иоффе. – М.: Наука, 1977. – 320 с.
63. Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940 / М. Йованович; пер. с серб. А.Ю. Тимофеева. – М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье», Русский Путь, 2005. – 488 с.
64. Ипполитов С.С., Карпенко С.В., Пивовар Е.И. Российская эмиграция в Константинополе в начале 20-х годов (Численность, материальное положение, репатриация) / С.С. Ипполитов, С.В. Карпенко, Е.И. Пивовар // Отечественная история. – 1993. – № 5. – С. 75–85.
65. Казнина О.А. Русские в Англии: из переписки Е.В. Саблина / О.А. Казнина // Россия в США: Сборник статей / ред. А.В. Попов (Материалы к истории русской политической эмиграции; Вып. 7). – М.: Институт политического и военного анализа, 2001. – С. 161–185.
66. Квакин А.В., Мухачев Ю.В. Русская академическая группа / А.В. Квакин, Ю.В. Мухачев // Русское зарубежье. – 2015. – № 4. – С. 29–33.
67. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России, 1911–1917: [Монография] / Ю.И. Кирьянов; Ин-т рос. истории РАН. – М.: РОССПЭН, 2001. – 461 с.
68. Кичкасов Н. Белогвардейский террор против СССР / Н. Кичкасов. – М.: Издание Литиздата Народного комиссариата по иностранным делам, 1928. – 63 с.
69. Климович Л.В. Вклад русской школы в формирование национально-культурной идентичности молодого поколения эмиграции в 20–30-е гг. XX века (на материалах русской средней школы-гимназии в Париже) // Научный диалог. – 2016. – № 8. – С. 134–146.

70. Климович Л.В. Граф В.Н. Коковцов о проблемах социально-правового статуса русских эмигрантов (к истории одного доклада) / Л.В. Климович // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2017. – Т. 16. – № 1. – С. 157–168.
71. Климович Л.В. Молодежь российской эмиграции как социокультурный феномен: Королевство СХС и Югославия, 1920–1930-е гг. / Л.В. Климович // Нансеновские чтения. – СПб.: ИКЦ «Русская эмиграция», 2019. – С. 515–522
72. Ковалев М.В. Евгений Францевич Шмурло: русская италянистика в эмиграции / М.В. Ковалев // Новая и новейшая история. – 2016. – № 1. – С. 155–172.
73. Ковалев М.В. Русский институт в Праге (1922–1938 годы) / М.В. Ковалев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2017. – Т. 16. – № 1. – С. 121–134.
74. Ковалев М.В. Имперская идея в интеллектуальной культуре русской эмиграции / М.В. Ковалев // Имперские концепции в России и Германии в начале XX века / Под ред. А.О. Чубарьяна, А. Виршинга. – Oldenbourg: De Gruyter, 2018. – С. 130–140.
75. Ковалев М.В. Российская научная эмиграция в зеркале чешских архивов / М.В. Ковалев // Архив истории науки и техники. – Вып. VI (XV). – М.: Янус-К, 2018. – С. 254–279.
76. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970) / П.Е. Ковалевский. – Paris: Librarie des Cinq Continents, 1971. – 355 с.
77. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: доп. вып. / П.Е. Ковалевский. – Paris: Libr. des cinq continents, 1973. – 147 с.
78. Комин В.В. Крах российской контрреволюции за рубежом / В.В. Комин. – Калинин: КГУ, 1977. – 49 с.
79. Конарский Ш., Орбек М. Памяти русского генеалога Николая Флегонтовича Иконникова (1885–1970) / Ш. Конарский, М. Орбек // Генеалогический вестник. – 2020. – Вып. 63. – С. 59–62.
80. Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России / О.В. Коновалова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 382 с.

81. Корево Н.Н. Императорский всероссийский престол. Наследование престола по основным государственным законам: Справка по некоторым вопросам, касающимся престолонаследия / Н.Н. Корево. – Париж, Ницца: О-во объединения русских в Ницце, 1922. – 139 с.
82. Косик В.И. Что мне до Вас мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1940-е годы / В.И. Косик. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2007. – 288 с.
83. Кротова М.В. Вера Анатольевна Ивашкевич: дочь генерала, жена писателя / М.В. Кротова // Люди и судьбы русского зарубежья: сб. ст. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2016. – С. 116–133.
84. Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.) / М.В. Кротова. – СПб.: Астерион, 2014. – 378 с.
85. Кудряшова С.К. Особенности национального воспитания детей и подростков в условиях эмиграции «Первой волны» / С.К. Кудряшова // Инновации в науке. – 2012. – № 11–2. – С. 29–33.
87. Курченко В.В. Борис Львович Бразоль. 1885–1963 / В.В. Курченко // Новый Журнал (Нью-Йорк). – 2015. – № 281. – С. 268–293.
88. Курченко В.В. Общество им. А.С. Пушкина в Америке / В.В. Курченко // Новый Журнал (Нью-Йорк). – 2012. – № 267. – С. 280–292.
89. Лазарева С.И. Роль Харбинского Комитета помощи русским беженцам в становлении социальной защиты русских эмигрантов в Маньчжурии (1923 – начало 40-х гг. XX в.) / С.И. Лазарева // Известия Восточного института. – 2013. – № 1 (21). – С. 10–19.
90. Лагодзинская Ю.С. Русская эмиграция и становление правового статуса беженцев / Ю.С. Лагодзинская // Вопросы российского и международного права. – 2012. – № 3–4. – С. 132–144.
91. Лукашин А.С. К библиографии дальневосточной прессы / А.С. Лукашин // Новый журнал. Нью-Йорк. – 1974. – Кн. 114. – С. 252–259.

92. Малафай М.С. Воспоминания П.П. Менделеева как источник по изучению дворянства после 1917 года / М.С. Малафай // Преподавание истории в школе. – 2023. – № 5. – С. 78–79.
93. Малафай М.С. Кирилловцы и николаевцы в эмигрантской прессе 1920–1930-х гг. / М.С. Малафай // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXII Международной научной конференции, Иваново, 29–30 марта 2023 г. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2023. – С. 498–502.
94. Малафай М.С. Личный фонд П.П. Менделеева как источник по истории российского дворянства после 1917 г. / М.С. Малафай // Историческая наука и архивы в XXI веке: материалы Третьей Всероссийской научной конференции историков и архивистов, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечеств. войне, Самара, 27–28 марта 2025 г. – Самара: ООО «САМАРАМА», 2025. – С. 242–249.
95. Малафай М.С. Масонский вопрос в кругах русской дворянской эмиграции 1920–1930-х гг. / М.С. Малафай // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXIII Международной научной конференции, Иваново, 27–28 марта 2024 г. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2024. – С. 420–425.
96. Малафай М.С. Оценки деятельности князя Г.Е. Львова на страницах эмигрантской периодической печати 1920–1930-х годов / М.С. Малафай // Россия XXI. – 2025. – № 1. – С. 116–131.
97. Малафай М.С. Русская дворянская эмиграция и Высший монархический совет в 1920-е годы / М.С. Малафай // Преподаватель XXI век. – 2024. – № 3. Часть 2. – С. 322–335.
98. Малафай М.С. Союз русских дворян в Америке в 1930-е гг. / М.С. Малафай // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей Международной научно-практической школы конференции молодых ученых (22–25 октября 2024 г.). – М.: Институт российской истории РАН, 2024. – С. 344–350.

99. Малафай М.С. Участие Г.А. Алексеева в жизни российской эмиграции 1920–1930-х годов / М.С. Малафай // Преподавание истории в школе. – 2025. – № 4. – С. 75–78.
100. Мелихов Г.В. Русская эмигрантская печать как источник по истории адаптации эмигрантов в Китае / Г.В. Мелихов // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. – М.: Ин-т Российской истории РАН, 1997. – С. 96–105.
101. Милорадович Г.А. Родословная книга черниговского дворянства. Т. 2. Ч. 3, 4, 5, 6 и приложения. – СПб.: С.-Петербургская губернская типография, 1901. – 877 с.
102. Милюков П.Н. Национальный вопрос: (происхождение национальности и национальные вопросы в России) / П.Н. Милюков. – Перепеч. с изд. 1925 г. – Минск: ГПИБ, 2005. – 158 с.
103. Милюков П.Н. Эмиграция на перепутье / П.Н. Милюков. – Париж: Изд. Респ.-дем. объедин. 1926. – 136 с.
104. Митрохин В.А. Отечественная историография российской эмиграции «первой волны» (1920-е – середина 1980-х гг.) / В.А. Митрохин // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2008. – Т. 10. – № 4. – С. 1235–1242.
105. Митрохин В.А. Современная Отечественная историография русской эмиграции «Первой волны» (1990-е – начало 2000-х гг.) / В.А. Митрохин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2005. – № 1–2. – С. 93–102.
106. Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Академическая жизнь русского зарубежья по мемуарам и переписке эмиграции / С.И. Михальченко, Е.В. Ткаченко. – М.: Изд-во Ипполитова, 2018. – 161 с.
107. Мнухин Л.М. «Между Парижем и Ниццей...»: русские эмигранты в городах Франции / Л.М. Мнухин // «В рассеянии сущие...»: Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века», Москва, 2005. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. – С. 11–22.
108. Мнухин Л.М. Русские сестры милосердия во Франции: (проблемы права, трудоустройства и социальной защиты) / Л.М. Мнухин // Правовое положение

русской эмиграции в 1920–1930-е годы: сб. науч. трудов. – СПб.: Сударыня, 2006. – С. 132–139.

109. Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник / В.Л. Модзалевский. – Киев, 1908–1914. – Перед загл. авт. Вадим Львович Модзалевский. Т. 3: Л-О. – Киев: Типо-литография С.В. Кульженко, 1912. – 824 с.

110. Морозан В.В. Дворянский род Крупенских в истории Бессарабии / В.В. Морзан // Новый исторический вестник. – 2017. – № 2 (52). – С. 19–38.

111. Мухачев Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР / Ю.В. Мухачев. – М.: Мысль, 1982. – 270 с.

112. Мухачев Ю.В. Российская эмиграция: численность, расселение / Ю.В. Мухачев // Русское зарубежье. – 2013. – № 2. – С. 245–252.

113. Назаров М. Миссия русской эмиграции / М. Назаров. – М.: Родник, 1994. – 414 с.

114. Наземцева Е.Н. Правовое бесправие в восприятии русской эмиграции в Китае в 1920-е гг. / Е.Н. Наземцова // Общество и государство в Китае. – 2015. – № 2. – С. 697–705.

115. Наумов О.Н. Америка глазами русского дворянина: письма Л.М. Савелова Н.М. Михайлову / О.Н. Наумов // Головинский генеалогический альманах. – 1996. – № 1. – С. 15–17.

116. Наумов О.Н. Геральдика в историко-генеалогическом журнале «Новик» (1948–1963 гг.) / О.Н. Наумов // Гербовед. – 1997. – № 15. – С. 69–74.

117. Наумов О.Н. «Гербовник русского дворянства» Н.А. Пушкина: указатель гербов / О.Н. Наумов // Гербоведение. Том VI. – М.: Старая Басманная, 2017. – С. 206–218.

118. Наумов О.Н. Журнал «Новик» и развитие русской генеалогии в эмиграции (1930–1950-е годы) / О.Н. Наумов // Отечественные архивы. – 1994. – № 6. – С. 7–16.

119. Наумов О.Н. Л.М. Савелов и Н.Ф. Иконников / О.Н. Наумов // Генеалогический вестник. – 2020. – Вып. 63. – С. 119–121.

120. Наумов О.Н. Письма В.С. Арсеньева Л.М. Савелову как исторический источник / О.Н. Наумов // Летопись Историко-родословного общества в Москве. – 2020. – Вып. 60. – С. 36–58.
121. Наумов О.Н. Родовая культура русского дворянства после 1917 года / О.Н. Наумов // Преподавание истории в школе. – 2019. – № 1. – С. 10–14.
122. Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. Т. 1: А–В. / Российская гос. б-ка. Отд. лит. рус. зарубежья; сост. В.Н. Чуваков. – М.: Пашков дом, 1999. – 659 с.
123. Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. Т. 2: Г–З. / Российская гос. б-ка. Отд. лит. рус. зарубежья; сост. В.Н. Чуваков. – М.: Пашков дом, 1999. – 647 с.
124. Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. Т. 3: И–К. / Российская гос. б-ка. Отд. лит. рус. зарубежья; сост. В.Н. Чуваков. – М.: Пашков дом, 2001. – 675 с.
125. Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. Т. 4: Л–М. / Российская гос. б-ка. Отд. лит. рус. зарубежья; сост. В.Н. Чуваков. – М.: Пашков дом, – 2004. – 699 с.
126. Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. Т. 5: Н–П. / Российская гос. б-ка. Отд. лит. рус. зарубежья; сост. В. Н. Чуваков. – М.: Пашков дом, 2004. – 638 с.
127. Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. Т. 6, кн. 1: Пос–Скр. / Российская гос. б-ка. Отд. лит. рус. зарубежья; сост. В. Н. Чуваков. – М.: Пашков дом, 2005. – 607 с.
128. Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. Т. 6, кн. 2: Скр–Ф. / Российская гос. б-ка. Отд. лит. рус. зарубежья; сост. В.Н. Чуваков. – М.: Пашков дом, 2006. – 723 с.
129. Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. Т. 6, кн. 3: Х–Я. / Российская гос. б-ка. Отд. лит. рус. зарубежья; сост. В.Н. Чуваков. – М.: Пашков дом, 2007. – 703 с.

130. Нитобург Э.Л. Русские в США: История и судьбы, 1870–1970. Этноисторический очерк / Э.Л. Нитобург; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2005. – 421 с.
131. Общественная мысль Русского зарубежья: энциклопедия / Ин-т общественной мысли; редкол.: В.В. Журавлев (отв. ред.) [и др.]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 703 с.
132. Окунцов И.К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке / И.К. Окунцов. – Буэнос-Айрес: Сеятель, 1967. – 423 с.
133. П.Н. Милюков: «русский европеец». Публицистика 20–30-х гг. XX в. / отв. ред., составитель М.Г. Вандалковская. Подг. текста, комментарии В.В. Тихонов. – М.: РОССПЭН, 2012. – 325 с.
134. Панкрашин С.А. Морганатический брак в доме Романовых в XIX – начале XX вв.: от возникновения до кризиса / С.А. Панкрашин // Клио. – 2024. – № 3 (207). – С. 149–156.
135. Парчевский К.К. По русским углам / К.К. Парчевский. – М.: ИВИ РАН, 2002. – 220 с.
136. Поздняков И.А. Из Китая в Америку: историко-антропологический взгляд на русскую эмиграцию (1920–1950-е гг.) / И.А. Поздняков. – СПб.: Филологический фак. СПбГУ, 2007. – 365 с.
137. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе / В.Т. Пашуто. – М.: Наука, 1992. – 400 с.
138. Попова С.В. Речь и Руль как носители идей российского либерализма в первой трети XX века / С.В. Попова // Вестник РГУ им. И. Канта. – 2007. – № 12. – С. 32–35.
139. Пушкины: генеалогическая энциклопедия / Институт общественной мысли; редакционный совет: Наумов О.Н. (ответственный редактор) [и др.]. – М.: РОССПЭН, Политическая энциклопедия, 2020. – 591 с.: ил.
140. Раев М.И. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции, 1919–1939 / М.И. Раев. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 292 с.

141. Ратушняк О.В. Казаки-эмигранты в Чехословакии в 1921–1939 годах / О.В. Ратушняк // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – № 5. – С. 137–147.
142. Росов В.А. Письма Н.К. Рериха к М.А. Таубе / В.А. Росов // Дельфис. – 2014. – № 4 (80). – С. 10–18.
143. Российская белая эмиграция в Венгрии (1920–1940-е годы): сборник статей / Арх. ин-т при Культурном, научном и информ. центре Венгрии в Москве [и др.]; отв. ред. А.С. Стыкалин, Ева Мария Варга; [пер. с венг.: Волотов О.Г. и др.]. – М.: Пробел-2000, 2012. – 215 с.
144. Российское зарубежье во Франции: 1919–2000: биограф. словарь / под общ. ред. Л.А. Мнухина, М.Б. Авриль, В.К. Лосской. – М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008–2012. – Т. 1. – 794 с.; Т. 2. – 683 с.; Т. 3. – 752 с.; Т. 4. – 312 с.
145. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения): учебное пособие для студентов / [Е.И. Пивовар (руководитель), Н.П. Герасимова, С.И. Голотик и др.]. М. – Геттинген, 1994. – 117 с.
146. Рудковская М.М. Интеграция русских эмигрантов во Франции в 1920–1930 гг.: правовой аспект / М.М. Рудковская // Вестник БГУ. – 2019. – № 1 (39). – С. 117–121.
147. Русская белая эмиграция в Турции: век спустя (1919–2019) / ред. коллегия: Т. Олджай (сост.), В.А. Москвин, В.И. Петроченко, М.Ю. Сорокина. – М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2019. – 396 с.
148. Русская генеалогия в эмиграции избранные статьи журнала «Новик», [150-летию со дня рождения Леонида Михайловича Савелова посвящается] / под общ. ред. и с предисловием проф. О.Н. Наумова; подготовка текста к публикации А.А. Левченко и С.А. Матвеева. – М.: Старая Басманная, 2018. – 451 с.
149. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: энцикл., биограф. слов. – М.: РОССПЭН, 1997. – 749 с.
150. Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940: в 3 т. Т. 1: 1920–1929 / под общ. ред. Л.А. Мнухина. – М.: Эксмо, Paris: YMCA – Press, 1995. – 630 с.

151. Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940: в 3 т. Т. 2: 1930–1934 / под общ. ред. Л.А. Мнухина. – М.: Эксмо, Paris: YMCA – Press, 1995. – 658 с.
152. Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940: в 3 т. Т. 3: 1935–1940 / под общ. ред. Л.А. Мнухина. – М.: Эксмо, Paris: YMCA – Press, 1995. – 619 с.
153. Сабенникова И.В. Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы в странах-реципиентах: Сравнительный анализ / И.В. Сабенникова // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы: сборник научных трудов / Санкт-Петербургский информационно-культурный центр «Русская эмиграция»; [науч. ред. Бочарова З.С.]. – СПб.: Сударыня, 2006. – С. 43–59.
154. Сабенникова И.В. Русская эмиграция как социокультурный феномен / И.В. Сабенникова // Мир России. Социология. Этнология. – 1997. – № 3. – С. 155–184.
155. Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно типологическое исследование / И.В. Сабенникова. – Москва, Берлин: Директ Медиа, 2015. – 551 с.
156. Сабенникова И.В. Сохранение традиций земства в русской эмиграции 1917–1939 гг.: Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор) / И.В. Сабенникова // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. – 2022. – № 3. – С. 1008–1034.
157. Самойлов Н.А. Князь Н.А. Кудашев – последний посланник Российской империи в Китае / Н.А. Самойлов // Новейшая история России. – 2023. – № 3. – С. 606–620.
158. Селезнева Т.В. Русская эмиграция в Северной Америке (1920–1930) / Т.В. Селезнева // Русское зарубежье. – 2016. – № 5. – С. 160–173.
159. Селиверстова Ю.А. Иллюзия и реальность: шанхайское общество 20-40-х гг. XX в. / Ю.А. Селиверстова // Взаимодействие мировых цивилизаций: история и современность: Сборник статей участников XII Московской научной конференции. – М.: РУДН, 2012. – С. 195–209.

160. Серегин А.В. Программы политических организаций русской монархической эмиграции в Европе в 1920–30-х гг. по реставрации монархии в России / А.В. Серегин // Преподаватель XXI век. – 2009. – №4–1. – С. 228–233.
161. Смирнов С.В. Дальневосточный тупик: русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х годов) / С.В. Смирнов. – М.: ЛитРес: Самиздат, 2019. – 712 с.
162. Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.) / Л.М. Спирин. – М.: Мысль, 1968. – 438 с.
163. Соколов А.С. Браки династии Романовых как проблема антропологического антагонизма (XIX – начало XX в.) / А.С. Соколов // Россия XXI. – 2021. – № 3. – С. 24–35.
164. Соколов А.С. Отношение Романовых к бракам в Императорской фамилии: конец XIX – начало XX вв. / А.С. Соколов // Россия XXI. – 2023. – № 1. – С. 90–111.
165. Соколов А.С. Романовы: поколенная роспись (1728–2023) / отв. ред. О.Н. Наумов. – М.: Янус-К, 2024. – 780 с.
166. Соколова Т.Ф. Коллекция Плаутиных в архивном фонде Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына / Т.Ф. Соколова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014–2015 / отв. ред. Н.Ф. Гриценко. – М.: Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына, 2015. – С. 146–158.
167. Соловьев К.А. Самодержавие и конституция. Политическая повседневность в 1906–1917 годах. / К.А. Соловьев. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 344 с.
168. Сотников С.А. Российская военно-политическая эмиграция во Франции. 1920–1945 гг.: монография / С.А. Сотников. – М.: ИУ МГОУ, 2017. – 164 с.
169. Софьин Д.М., Софьина М.В. Послужной список генерала М.П. Степанова как биографический источник / Д.М. Софьин, М.В. Софьина // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VIII Международной научно-практической конференции, Витебск, 24–26 апреля 2025 г.: в 2 т. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2025. – Т. 2. – С. 40–44.
170. Суптело А.В. Становление периодической печати русского зарубежья (1920–1930 гг.) / А.В. Суптело // Омский научный вестник. – 1999. – № 9. – С. 16–17.

171. Стефан Д. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945 / Д. Стефан. – М.: СП «Слово», 1992. – 441 с.
172. Струве Г.П. Русская литература в изгнании / Г.П. Струве. – Париж: YMCA-Press, М.: Рус. путь, 1996. – 488 с.
173. Талалай М.Г. Российский некрополь в Италии. Серия «Российский некрополь». Выпуск 21 / М.Г. Талалай; под ред. А.А. Шумкова. – М.: Старая Басманная, 2014. – 908 с.
174. Таубер Л.Я. Лига наций и юридический статус русских беженцев / Л.Я. Таубер. – Белград: Б. и., 1933. – 32 с.
175. Телицын В.Л., Орлов И.Б. Русское экономическое общество в Лондоне: Взгляд в прошлое, настоящее и будущее России / В.Л. Телицын, И.Б. Орлов // Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании: (1917–1940-е гг.). Международная научная конференция. 29 июня – 2 июля 2000 г. – М.: Русский путь, 2002. – С. 57–68.
176. Трифонов Я.И. Из истории борьбы Коммунистической партии против сменовеховства // История СССР. – 1959. – № 3. – С. 64–82.
177. Турыгина Н.В. Российская эмиграция в Германии в годы Второй мировой войны: Доклад о положении эмигрантов и апатридов. 1944 г. / Н.В. Турыгина // Исторический архив. – 2020. – № 5. – С. 63–75.
178. Турыгина Н.В. Русская колония во Франции (24 января 1941 г.) перевод с французского, публикация и комментарии / Н.В. Турыгина // Stud. Slav. Balc. Petrop. SSBP Петербургские славянские и балканские исследования. – 2016. – № 1 (19). – С. 46–81.
179. Турыгина Н.В. Sales Etrangers: положение русской эмиграции во Франции накануне и в годы Второй мировой войны / Н.В. Турыгина // Клио. – 2016. – № 6 (114). – С. 132–142.
180. Тюнин М.С. Указатель периодических и повременных изданий, выходивших в г. Харбине на русском и др. европейских языках до 1-е января 1927 года. – Харбин: О-во изуч. Маньчжурского края, 1927. – 41 с.

181. Урядова А.В. Из истории Союза русских дворян во Франции (1925–1960) / А.В. Урядова // Россия и Франция. XVIII–XX века. – 2006. – Вып. 7. – С. 323–336.
182. Устрялов Н.В. Под знаком революции / Н.В. Устрялов. – Харбин: Русская жизнь, 1925. – 354 с.
183. Хисамутдинов А.А. Библиотечная история Харбина / А.А. Хисамутинов // Библиосфера. – 2013. – № 3. – С. 11–17.
184. Хисамутдинов А. Профессор Г.К. Гинс – ученый, политик, публицист / А.А. Хисамутинов // Проблемы Дальнего Востока: Научный и общественно-политический журнал. – 2001. – № 5. – С. 138–145.
185. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. Биобиблиографический словарь / А.А. Хисамутинов. – Владивосток, 2000. – 358 с.
186. Хисамутдинов А.А. Русские археологи-эмигранты в Китае / А.А. Хисамутинов // Археологические вести. – 2013. – Вып. 19. – С. 278–283.
187. Хрисанфов В.И. Российский «Исход»: мифы и реальность. Историографическое исследование о численности «первой волны» российской эмиграции. 1917–1920 гг. / В.И. Хрисанфов. – СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2014. – 195 с.
188. Хрисанфов В.И., Турыгина Н.В. К историографии вопроса о численности русской эмиграции во Франции в 1920-1930-е гг. / В.И. Хрисанфов, Н.В. Турыгина // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2014. – № 3. – С. 17–27;
189. Черкасская Н.А., Софьин Д.М., Софьина М.В. Михаил Петрович Степанов: вхождение в ближний круг великого князя Сергея Александровича / Н.А. Черкасская, Д.М. Софьин, М.В. Софьина // Христианство на Ближнем Востоке. – 2024. – № 4. – С. 73–97.
190. Чжан Цзунхуа, Цзян Яньхун, Хань Вэньсюань. Русская дворянская эмиграция в Китае после Октябрьской революции / Цзунхуа Чжан, Яньхун Цзян, Вэньсюань Хань // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 5. – С. 331–341.

191. Чувардин Г.С. Великие князья Романовы «в изгнании»: проблема политической самоидентификации / Г.С. Чувардин // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2019. – № 1 (82). – С. 76–80.
192. Чувардин Г.С. «Император Кирилл I» и правомонархическое будущее России: надежды, отчаяние, фарс / Г.С. Чувардин // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2019. – № 3 (64). – С. 89–107.
193. Шаронова В.Г. Виктор Гроссе – хозяин Русского замка в Шанхае / В.Г. Шаронова // Новый журнал. – 2013. – № 271. – С. 345–374.
194. Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века / В.Г. Шаронова. – М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2015. – 510 с.
195. Шаронова В.Г. Некрополь русского шанхая / В.Г. Шаронова. – М.: Старая Басманная, 2013. – 520 с.
196. Шацилло М.К. Русские предприниматели в первые годы изгнания / М.К. Шацилло // Россия на рубеже XIX–XX веков: Материалы научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 233–242.
197. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции / Л.К. Шкаренков. – М.: Мысль, 1987. – 236 с.
198. Щерблыгина И.В. Культурное наследие Русского Зарубежья. Учебное пособие / И.В. Щерблыгина. – СПб.: Алетейя, 2024. – 164 с.
199. Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. О कोरोков; [Гл. ред. А.А. Бондарев]. – М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. – 485 с.

Авторефераты и рукописи диссертаций

200. Антоненко Н.В. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России: 20–30-е гг. XX в.: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. / Антоненко Наталья Викторовна. – М., 2011. – 60 с.

201. Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции: 1917–1988 гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 05.25.03. / Базанов Петр Николаевич. – СПб., 2005. – 42 с.
202. Бегидов А.М. Военно-учебные заведения российской эмиграции в 1920–30-е годы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / Бегидов Анзор Михайлович. – М., 1998. – 278 с.
203. Воробьева О.В. Российская эмиграция в США и Канаде в 1920–1940-е гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / Воробьева Оксана Викторовна. – М., 2006. – 219 с.
204. Климович Л.В. Молодое поколение российской эмиграции в странах Европы в 1920–1930-е гг.: дис. ... докт. ист. наук: 5.6.1. / Климович Людмила Валерьевна. – Ульяновск, 2022. – 458 с.
205. Кравцов А.Н. Эго-документы русской эмиграции XX века: на материале публикаций журнала «Возрождение»: Париж, 1949–1974: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. / Кравцов Андрей Николаевич. – М., 2016. – 268 с.
206. Меняйленко М.К. Деятельность русской эмиграции по сохранению историко-культурного наследия: по материалам Музея русской культуры в Сан-Франциско: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / Меняйленко Маргарита Кветославовна. – М., 2008. – 28 с.
207. Наземцева Е.Н. Политико-правовое положение русских эмигрантов в Китае в китайско-советских отношениях 1920–1949 гг.: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.03. / Наземцева Елена Николаевна. – М., 2017. – 477 с.
208. Рудковская М.М. Русская военная эмиграция в Тулоне в 1920–1930-е гг.: проблемы адаптации и интеграции: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / Рудковская Маргарита Михайловна. – Брянск, 2016. – 241 с.
209. Ручкин А.Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. / Ручкин Александр Борисович. – М., 2007. – 40 с.
210. Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. / Сабенникова Ирина Вячеславовна. – М., 2003. – 424 с.

211. Серегин А.В. Монархические организации русской эмиграции в Европе в 1919–1933 годах. Структура. Идеология. Деятельность: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / Серегин Александр Владимирович. – М., 2010. – 21 с.
212. Сотников С.А. Российская военная эмиграция во Франции в 1920–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / Сотников Сергей Александрович. – М., 2006. – 215 с.
213. Турыгина Н.В. Русская эмиграция во Франции в годы Второй мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / Турыгина Наталья Валерьевна. – СПб., 2016. – 190 с.
214. Шинкарук И.С. Военная периодика российской эмиграции 1920–30-х гг.: дис. канд. ист. наук: 07.00.02. / Шинкарук Ирина Сергеевна. – М., 2000. – 254 с.
215. Яковкин Е.В. Взаимодействие российской эмиграции с японской администрацией в Маньчжурии (1932–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 5.6.1. / Яковкин Евгений Васильевич. – Пермь, 2023. – 324 с.

Источники официальной информации в сети Интернет

216. Косинова О.А. Организаторская и педагогическая деятельность Николая Викторовича Борзова в Харбине [Электронный ресурс] / О.А. Косинова // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018. № 4. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/809> (дата обращения: 11.08.2024).
217. «Надеюсь, до торжества большевизма в Германии мы не доживем...» [Электронный ресурс] / Под ред. Г. Аросева // Урал. 2020. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2020/7/nadeyus-do-torzhestva-bolshevizma-v-germanii-my-ne-dozhivom.html> (дата обращения: 28.01.2024).
218. Фирсов Е. Иван Ильин и Пражские меценаты журнала «Русский колокол» [Электронный ресурс] / Е. Фирсов // Православие.ru: российский православный информационный интернет-портал. URL: <https://pravoslavie.ru/arhiv/031119171416.htm> (дата обращения: 23.12.2022).

Издания на иностранных языках

219. Adam R. Histoire des soldats russes en France 1915–1920. Les damnés de la guerre / R. Adam. – Paris: L'Harmattan, 1996. – 383 p.
220. Albera F. Albatros des Russes à Paris, 1919–1929 / F. Albera. – Milan-Paris: Cinémathèque française, 1995. – 182 p.
221. Andreyev C., Savický I. Russia Abroad. Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938 / C. Andreyev, I. Savický. – New Haven, London: Yale univ. press, 2004. – 246 p.
222. Beaune-Gray D. Les historiens de l'émigration russe / D. Beaune-Gray. – Paris: Institut d'études slaves; Maison des sciences de l'homme, 2003. – 178 p.
223. Beyda O., Petrov I. Stakeholders, Hangers-on and Copycats: The Russian Right in Berlin in 1933 / O. Beyda, I. Petrov. – George Washington University Institute for European, Russian and Eurasian Studies. Illiberalism Studies Program Working Papers no. 6. April 2021. – 28 p.
224. Breuillard S. Vie politique de l'emigration russe, 1919–1945: un destin: Quelques reflexions sur... / S. Breuillard // La premiere emigration russe. – Paris, 1994. – P. 11–26.
225. Gousseff C., Pichon-Bobrinskoy O. L'invention d'une politique humanitaire: le Zemgor et les réfugiés russes (1921–1930) / C. Gousseff, O. Pichon-Bobrinskoy // Cahiers du monde russe. – 2005. – Vol. 46/4. – P. 667–672.
226. Gousseff C. Le placement des réfugiés russes dans l'agriculture: L'Etat français et le Zemgor dans l'action internationale / C. Gousseff // Cahiers du monde russe. – 2005. – Vol. 46/4. – P. 757–776.
227. Gousseff C. Politique d'asile et politique d'accueil des réfugiés en France: le cas des Russes dans les années vingt / C. Gousseff // Matériaux pour l'histoire de notre temps (BDIC). – Avril 1997. – P. 39–45.
228. Gousseff C. L'exil russe. La fabrique du réfugié apatride (1920–1939) / C. Gousseff. – Paris: CNRS Éditions, 2008. – 335 p.
229. Grouix P. Russes de France: D'hier à aujourd'hui / C. Gousseff. – Monaco: Editions du Rocher, 2007. – 264 p.

230. Hardeman H. Coming to Terms with the Soviet Regime: the «Changing Signposts» Movement among Russian Emigrés in the early 1920s / H. Hardeman. – DeKalb: Northern Illinois University Press, 1994. – 319 p.
231. Huntington W.C. The Homesick Million – Russia out of Russia / W.C. Huntington. – Boston: The Stratford Co, 1933. – 298 p.
232. Johnston R.H. “New Mecca, new Babylon”. Paris and the Russian exiles, 1920–1945 / R.H. Johnston. – Kingston & Montreal: McGill-Queen’s univ. press, 1988. – 254 p.
233. Kulischer E.M. Europe on the Move: War and Population Changes, 1917–1947 / E.M. Kulischer. – New York: Columbia University Press, 1948. – 378 p.
234. L’Emigration russe: revues et recueils, 1920–1980: index général des articles // Biblioth que russe de l’Institut d’études slaves. – Paris, 1988. T. 81. – 661 p.
235. Lockett R. The White Generals. An Account of the White Movement and the Russian Civil War / R. Lockett. – London: Longman, 1971. – 413 p.
236. Multanen E. British Policy Towards Russian Refugees in the Aftermath of the Bolshevik Revolution. Ph.D. Thesis / E. Multanen. – University College London (UCL), The School of Slavonic and East European Studies, 2000. – 307 p.
237. Raymond B., Jones J.D. The Russian Diaspora, 1917–1941 / B. Raymond, J.D. Jones. – Lanham (Md.) London: Scarecrow press, 2000. – 273 p.
238. Robinson P. The White Russian army in exile, 1920–1941 / P. Robinson. – Oxford: Clarendon Press, 2003. – 254 p.
239. Robinson P. Zemgor and the Russian Army in exile / P. Robinson // Cahiers du monde russe. 2005/4. Vol 46. P. 719–737.
240. Ross N. Aux sources de l’émigration blanche. Gallipoli, Lemnos, Bizerte (1900–1921) / N. Ross. – Paris: DES SYRTES, 2011. – 196 p.
241. Volkman H.E. Die russische Emigration in Deutschland, 1919–1929 / H.E. Volkman. – Würzburg: Holzner-Verl, 1966. – 154 s.
242. Wait E. The struggle against denationalisation. The Russian emigration in Europe and education in 1920-s / E. Wait // Revolutionary Russia. – 2013. – Vol. 26, №. 2. – P. 128–146.

243. Waksman S.A. Sergei N. Vinogradsky. His life and Work. The story of a great bacteriologist / S.A. Waksman. – New Brunswick-New Jersey: Rutgers University Press, 1953. – 150 p.
244. Williams R. Culture in exile: Russian Emigrés in Germany, 1881–1941 / R. Williams. – Ithaca and London: Cornell University Press, 1972. – 404 p.